

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№3 (43) 2016

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

№ 3 (43) 2016

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
Научно-практический рецензируемый
журнал по судебной экспертизе
Выходит 4 раза в год
Основан в 2006 году

TEORIYA I PRAKTIKA
SUDEBNOI EKSPERTIZY
Theory and practice of forensic science is a
peer-reviewed forensic journal published four
times a year.
Founded in 2006

Учредитель издания

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при
Министерстве юстиции Российской Федерации
Адрес: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

Редакционный совет

Главный редактор: **С.А. Смирнова**, д.ю.н.
Заместитель главного редактора: **А.И. Усов**, д.ю.н.
Ответственный редактор: **М.В. Никулина**, к.б.н.
Литературное редактирование: **И.А. Жарков**
Верстка: **А.М. Мурзаев**

Редакционная коллегия

А.Ю. Бутырин, зав. лаб. судебной строительно-технической экспертизы, д.ю.н.
Т.М. Волкова, гл. эксперт лаб. судебно-трасологических экспертиз
О.Б. Градусова, зав. лаб. судебно-почвоведческих и биологических экспертиз
В.Г. Григорян, зав. лаб. судебной автотехнической экспертизы, к.т.н.
Е.С. Карпухина, гл. эксперт лаб. судебной компьютерно-технической экспертизы
О.В. Микляева, ученый секретарь, к.ю.н.
М.Г. Нерсисян, зав. отделом судебно-экономических экспертиз
Г.Г. Омелянюк, зам. директора, д.ю.н.
С.И. Плахов, зав. отд. экспертных исследований пожаров и взрывов, к.т.н.
А.А. Селиванов, зав. отд. судебно-товароведческой экспертизы, к.э.н.
Т.Н. Секераж, зав. лаб. судебной психологической экспертизы, к.ю.н.
М.А. Сонис, гл. эксперт лаб. судебно-баллистической экспертизы, к.т.н.
И.С. Таубкин, гл. эксперт отд. ОНМОПЭ, к.т.н.
Н.В. Федянина, зав. лаб. криминалистической экспертизы волокнистых материалов
Ш.Н. Хазиев, с.н.с. ФГБУН Институт государства и права РАН, к.ю.н.
Т.Б. Черткова, зав. лаб. судебно-технической экспертизы документов, к.ю.н.
Е.В. Яковлева, вед. эксперт лаб. судебной почерковедческой экспертизы, к.ю.н.

ISSN 1819-2785

ISBN ISBN 978-5-91133-166-5

© Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2014

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-22228
от 28 октября 2005 года, выдано Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия.

Журнал включен в утвержденный ВАК перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
(www.elibrary.ru)

Адрес редакции: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2,
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, редакция журнала
«Теория и практика судебной экспертизы»
e-mail: journal@sudexpert.ru

**Перепечатка или иное воспроизведение материалов
допускается только с согласия редакции**

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редакции
Смирнова С.А.

Теоретические вопросы судебной экспертизы

Кудряшов Д.А.

К вопросу о доказательственном значении комплексной судебной экспертизы

Яковлева А.С.

Правовые основы информационного обеспечения дактилоскопии

Менеджмент качества судебной экспертизы

Кузьмин С.А.

Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности

Кузьмин С.А.

Перспективы использования концепции "шести сигм" в менеджменте качества судебно-экспертной деятельности: "за" и "против"

Экспертная практика

Дзюба Г.Г., Чехлатая Ю.С., Шлюндина И.Н.

Особенности повреждений, образованных выстрелами из гладкоствольных ружей патронами для дальних и сверхдальних дистанций

Методики, методические рекомендации и информационные письма

Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В.

Методические рекомендации "Критерии судебно-психоло-лингвистической экспертной оценки юридически релевантных состояний у обвиняемых" (ФГБУ "ФМИЦПН им. В.П. Сербского" Минздрава России)

Кругляк С.А.

К проблеме методического обеспечения исследования замков и запорно-пломбировочных устройств

Смирнова С.А. и др.

Информационное письмо «О неправомочности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы»

Методы и средства Судебной экспертизы

Дайлоф Е.Л.

К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания

CONTENTS

Letter from the Editor-in-Chief
S.A. Smirnova

6

Theoretical issues in forensic science

D.A. Kudryashov

To the question of evidentiary value comprehensive forensic examination

14

A.S. Yakovleva

Legal basis of information support of fingerprinting

Quality management in forensic science

S.A. Kuz'min

Modern models of quality management in forensic activities

28

S.A. Kuz'min

Prospects for the use of the concept of "six sigma" quality management in forensic activities: pro et contra

Forensic casework

G.G. Dzyuba, Yu.S. Chekhlataya, I.N. Shlyundina

Characteristic damages caused by shots fired from smooth bore rifles with long-range and ultra long-range rounds

Methodologies, recommendations, information letters

F.S. Safuanov, O.F. Savina, M.V. Morozova, I.V. Isaeva

Criteria for psychological evaluation of legally relevant emotional states of defendants: methodological recommendations

S.A. Kruglyak

To the problem of methodological support of the study of locks and locking and sealing devices

S.A. Smirnova...

Information letter «on the issue of legal wrongfulness in establishing witness credibility through forensic evaluation»

Forensic methods and tools

E.L. Daylof

The linguistic research of nonverbal component of a composit verbal / visual text: problems of verbalization sense

Судебно-экспертные учреждения стран СНГ		Forensic science organizations in CIS member states	
Борчашвили И.Ш., Парамонова Л.Ф. Адвокатский запрос о даче экспертного заключения в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан: работа над ошибками. Часть 2	84	I.SH. Borchashvili, L.F. Paramonova Attorney's request for giving an expert opinion in the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan: corrections. part 2	
Новости ENFSI		News from ENFSI	
Смирнова С.А. Об итогах 28-й ежегодной конференции Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI) в Бильбао (Испания)	94	S.A. Smirnova Outcomes of the 28th annual meeting of the European network of forensic science institutes (enfsi) in Bilbao (Spain)	
Левчук В.Д. О 24-м заседании рабочей группы ENFSI по исследованию волокон и волос животных (ENHG)	96	V.D. Levchuk Notes on the 24th meeting of the ENFSI textile and hair working group (ETHG)	
Судебная экспертиза за рубежом		International perspectives in forensic science	
Хазиев Ш.Н. Судебные экспертизы в деятельности международного уголовного трибунала по бывшей Югославии	100	Sh.N. Khaziev Forensic science in the international criminal tribunal for the former Yugoslavia	
Фетисенкова Н.В. Новые публикации по судебной экспертизе	110	N.V. Fetisenkova New publications on forensic examination	
Хазиев Ш.Н. Актуальные проблемы международного судебно-экспертного сотрудничества	116	Sh.N. Khaziev Actual problems of the international forensic cooperation	
Конференции, семинары, круглые столы по судебной экспертизе		Conferences, seminars, round tables on forensic science	
Усов А.И. Компетенция и компетентность в судебно-экспертной деятельности (итоги шестого Петербургского Международного Юридического форума)	126	A.I. Usov Competency and competence in forensic work (outcomes of the sixth St. Petersburg international legal forum)	
На тему дня		Topic of the day	
Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения?	132	O.V. Kukushkina Negative information: statement of fact or expression of opinion?	
Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов	146	M.V. Kroz, N.A. Ratinova History and current state of forensic analysis of extremist materials	
Диссертации по проблемам судебной экспертизы		Dissertations on the problems of forensic science	
Микляева О.В. Диссертации по проблемам судебной экспертизы	156	O.V. Miklyayeva Dissertations on the problems of forensic science	

Колонка редакции

Светлана Аркадьевна Смирнова
директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
доктор юридических наук, профессор

Уважаемые читатели!

Очередной номер научно-практического журнала «Теория и практика судебной экспертизы» посвящен актуальным проблемам судебно-экспертной деятельности.

Теоретические вопросы судебной экспертизы затрагивают источники доказательств в процессах раскрытия и расследования преступлений. Рассмотрены аспекты оценки комплексной экспертизы субъектом доказывания и правовые основы дактилоскопической регистрации. В условиях постоянного роста количества и сложности судебных экспертиз сложились объективные предпосылки для внедрения в судебно-экспертную деятельность систем менеджмента качества. Особое внимание уделено анализу современных подходов к менеджменту качества в судебно-экспертных организациях и наиболее современной концепции управления качеством «шесть сигм».

В данном журнале широко и разнообразно представлена судебно-экспертная практика и ее научно-методическое обеспечение. Освещены результаты научно-экспериментальных исследований в области судебно-баллистической экспертизы, перспективы развития методических основ судебно-трасологической экспертизы, в частности, исследования замков и запорно-пломбировочных устройств и методические вопросы анализа невербального компонента в рамках проведения лингвистического исследова-

ния креолизованных текстов по делам, связанным с проявлением экстремизма. В связи с растущим числом вынесением постановлений о назначении психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям допросов и необходимостью упорядочить экспертную практику, касающуюся исследования видеоматериалов проведения отдельных следственных действий с различными субъектами уголовного процесса подготовлено информационное письмо, в котором рассматриваются возможности назначения таких экспертиз и основания проводимых исследований, в соответствии с научными принципами профессиональной деятельности экспертов.

Представляют интерес материалы о судебно-экспертной деятельности за рубежом. Информационные статьи о деятельности ENFSI и научный анализ актуальных проблем международного сотрудничества.

Одним из ярких событий юридической жизни этого года стал очередной VI Петербургский Международный Юридический Форум, в котором приняли участие 3750 человек из 77 стран мира. Деловая программа Форума включала более 70 мероприятий, в их числе конференции, презентации, лекции, а также дискуссионные сессии. В рамках трека «Судебная и арбитражная практика» состоялся традиционный круглый стол по судебной экспертизе «Компетенция и компетентность в судебно-экспертной деятельности: сущность и пределы, сходство и различия».

Благодарим всех авторов публикаций, принявших участие в подготовке данного номера журнала, и приглашаем ученых и практиков к продолжению сотрудничества.

Главный редактор
Научно-практического журнала
«Теория и практика судебной экспертизы»

С.А. Смирнова

Теоретические вопросы судебной экспертизы

Д.А. Кудряшов

ФГКОУВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва, Россия, 117437

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья рассматривает комплексную судебную экспертизу как источник доказательства в раскрытии и расследовании преступлений. Приведены некоторые аспекты оценки комплексной экспертизы субъектом доказывания с точки зрения свойств доказательств. Рассмотрены и перечислены основные, наиболее часто встречающиеся, организационные и процессуальные ошибки, которые субъект доказывания допускает при назначении и производстве комплексных судебных экспертиз.

Ключевые слова: комплексная судебная экспертиза, доказательственное значение, субъект доказывания, процессуальные ошибки.

D.A. Kudryashov

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, 117437

THE ISSUE OF EVIDENTIARY VALUE IN INTEGRATED FORENSIC INVESTIGATIONS

The paper looks at integrated forensic inquiry as a source of evidence in crime detection and investigation. This includes various aspects of assessing the findings of integrated forensic investigation in terms of evidence quality by the party bearing the burden of proof. A list of the most common organizational and procedural errors committed by the party with the burden of proof when requesting and conducting integrated forensic investigation is also examined.

Keywords: *integrated forensic investigation, evidentiary value, burden of proof, procedural errors.*

В раскрытии и расследовании преступлений основополагающую роль играет использование специальных знаний. Большое количество преступлений раскрывается благодаря успешному производству экспертизы того или иного вида (рода). Пленум ВС РФ № 28 от 21.12.2010 года обратил внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения

возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Другими словами, экспертиза, в том числе комплексная, является тем каналом, по которому поступают новейшие достижения науки и техники, позволяя объективно и всесторонне получать доказательство¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета - №296, от 30.12.2010.

В законодательстве Российской Федерации понятие доказательства имеет процессуальное закрепление. Данное понятие нашло свое отражение во всех сферах судопроизводства.

В арбитражном судопроизводстве доказательствами являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела (ст.64 АПК РФ).

В гражданском судопроизводстве доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст.55 ГПК РФ).

В уголовном судопроизводстве доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст.74 УПК РФ).

Во всех статьях, указанных выше, закреплено положение о том, что одним из доказательств является заключение эксперта (ч.2 ст.64 АПК РФ, ст.55 ГПК РФ, ч.2 ст.74 УПК РФ). Процессуальное определение, сущность, содержание и требования, которые к нему предъявляются, также нашли свое отражение в процессуальных документах:

- ст.86 АПК РФ «Заключение эксперта»;
- ст.86 ГПК РФ «Заключение эксперта»;
- ст.80 УПК РФ «Заключение и показания эксперта и специалиста».

Из этого положения следует вывод о том, что поскольку экспертное заключение является доказательством, то каждая проведенная экспертиза, в том числе и комплексная экспертиза, будет иметь в раскрытии и расследовании преступлений свое определенное доказательственное значение.

Для того чтобы осветить обозначенную тему в полной мере, вначале целесообразно кратко остановиться на сущности комплексной экспертизы и важности получаемых результатов в доказывании.

Как известно, комплексный подход отражает взаимодействие наук. При производстве комплексных экспертиз удается на стыке нескольких наук открывать новые закономерности, новые возможности для практической реализации научных разработок. Комплексный подход позволяет создать более полную и адекватную картину исследуемого объекта (события), чем разрозненные, обособленные предметные подходы, что еще раз подтверждает эффективность проводимого исследования. Комплексность исследования, как правило, реализуется в отношении одного и того же объекта, благодаря чему достигается всесторонность его изучения. Характерной особенностью комплексной экспертизы является решение с ее помощью сложной интеграционной задачи, поставленной субъектом доказывания перед экспертом. Эта задача отличается от задачи моноэкспертизы несколькими свойствами. Прежде всего, она ставится и решается только при условии комплексирования знаний разных специальностей, ее решение невозможно в рамках каждой из них, взятых в отдельности, и ей присущ интеграционный характер [1].

Актуальной проблемой в настоящее время, которая существенным образом влияет на процесс доказывания в судопроизводстве, остается методическое обеспечение комплексной судебной экспертизы. Иногда бывают случаи, когда проведенная комплексная судебная экспертиза в ходе судебного разбирательства признается недопустимым доказательством в связи с тем, что методика ее производства либо просто отсутствует, либо не сертифицирована. Методика комплексной экспертизы должна быть сертифицированной. Исходя из интеграционного характера решаемых с помощью комплексной экспертизы задач, требуется разработка, как общих методологических ее основ, так и частных методик применительно к конкретным экспертным специальностям.

Определяя доказательственное значение комплексной судебной экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений, необходимо учитывать определенные свойства, которые предъявляются к ней, как и к

другим видам доказательств в судопроизводстве.

Профессор Ю.К. Орлов пишет, что: «Свойства доказательств – это те необходимые признаки, отсутствие которых не позволяет использовать их в этом качестве» [2].

В современной научной литературе выделяются следующие классические свойства доказательств: относимость; допустимость; достоверность; достаточность.

Относимость - это свойство доказательств (фактических данных, каких-либо сведений), заключающееся в их способности подтверждать или опровергать наличие обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и имеющих значение для дела.

Допустимость - это свойство доказательств (фактических данных, каких-либо сведений), заключающееся в соблюдении всех процессуальных форм и требований, которые предъявляются к ним в процессе судопроизводства.

Достоверность - это свойство доказательств (фактических данных, каких-либо сведений), заключающееся в их соответствии с действительностью, в результате установления которого достигается истина в процессе судебного разбирательства.

Достаточность характеризуется не отдельно взятым доказательством, а их совокупностью или комплексом. Такое свойство предполагает, что обстоятельства, установленные по делу, дают основания субъекту доказывания считать доказанными те из них, которые входят в предмет доказывания. При этом в данный комплекс доказательств, включаются только те из них, которые отвечают требованиям относимости, допустимости, достоверности.

Соответственно все эти свойства предъявляются и к комплексной судебной экспертизе в процессе судопроизводства. В результате их сопоставления субъектом доказывания осуществляется оценка комплексной экспертизы. На сегодняшний день оценка комплексной судебной экспертизы, как источника доказательств, – это один из самых дискутируемых вопросов.

Особенность оценки комплексной судебной экспертизы, как источника доказательства, состоит в том, что оценивающему лицу (субъекту доказывания) приходится анализировать исследования нескольких специалистов, выступающих в качестве экспертов, которые используют разные специальные знания (каждый в своей обла-

сти знаний) и на их основе дают ответы на поставленные им вопросы.

На практике часто возникают спорные вопросы в процессе оценки достоверности результатов комплексной экспертизы. Методика оценки результатов комплексного исследования, в частности, проводимого в рамках комплексной экспертизы, в принципе не отличается от методики оценки других доказательств, собранных по делу. Однако из-за специфики комплексной экспертизы, обусловленной участием в ее производстве экспертов разных специальностей, решающих общую задачу, субъекты доказывания испытывают дополнительные трудности при оценке заключения по результатам такой экспертизы и особенно его научной обоснованности [3].

Иногда на практике возникают такие моменты, когда при назначении комплексной экспертизы иницилирующее лицо допускает процессуальные и организационные ошибки, которые в дальнейшем влияют на доказательственное значение экспертизы.

К ним относятся ситуации, когда иницилирующее лицо:

- при назначении экспертизы не всегда знает, кому направлять постановление о ее назначении;
- не понимает, что необходимо производство комплексной судебной экспертизы;
- некорректно ставит вопросы;
- осуществляет неправильное хранение объектов, что ведет к их порче;
- допускает ошибки при отборе образцов для сравнительного исследования а также многие другие.

Все вышеперечисленное способствует тому, что в процессе судопроизводства заключение комплексной судебной экспертизы будет признано недопустимым доказательством, не имеющим юридической силы, и которое не может быть положено в основу доказательства по делу.

Таким образом, подводя итог обозначенной теме, необходимо отметить, что:

- уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что любое заключение комплексной судебной экспертизы подлежит оценке субъектом доказывания;
- каждое заключение комплексной судебной экспертизы подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности;
- комплексной судебной экспертизой, которая признана недопустимым доказа-

тельством, нельзя обосновывать принимаемые процессуальные решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майлис Н.П. Процессуальные и организационные ошибки при назначении и производстве комплексных экспертиз. Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (Москва 21 января 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – С.178-181.

2. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. – М.: Проспект, 2016. – 213 с.

3. Ляпичев В.Е., Досова А.В. Оценка достоверности заключения по результатам комплексной экспертизы документов органами расследования. – Судебная экспертиза. 2011. – № 4(28). – С.40-47.

REFERENCES

1. Mailis N.P. Protsessual'nye i organizatsionnye oshibki pri naznachenii i proizvodstve kompleksnykh ekspertiz. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy klassifikatsii sudebnykh ekspertiz, sertifikatsii i validatsii metodich-*

eskogo obespecheniya, standartizatsii sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti" [Procedural and organization errors in case of appointment and production of complex examinations. Proc. of the International scientific and practical conference "Classification Issues of Forensic Examinations, Certifications and Validations of Methodical Providing, Standardization of Forensic Activities"] (Moscow, 21.01.2016). Moscow: Prospekt (Publ), 2016. pp.178-181. (In Russ.)

2. Orlov Yu.K. *Sovremennye problemy dokazyvaniya i ispol'zovaniya spetsial'nykh znanii v ugovolnom sudoproizvodstve* [Modern problems of proof and use of special knowledge in criminal trial]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 213 p. (In Russ).

3. Lyapichev V.E., Dosova A.V. Estimation of credibility of a report based on the comprehensive expert examination of documents by investigative bodies. *Sudebnaya ekspertiza*. 2011. No 4(28). P.40-47. (In Russ).

Сведения об авторе:

Кудряшов Дмитрий Александрович

- адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Тел.: 8 (925) 452-25-88; e-mail: dima.kudryashov.d@mail.ru

А.С. Яковлева

ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», Москва, Россия, 125130

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ

В статье кратко рассматриваются правовые основы дактилоскопической регистрации, как источника доказательства в раскрытии и расследовании преступлений. Рассматриваются вопросы криминалистической регистрации, в том числе дактилоскопических учетов. Обозначены нерешенные вопросы по поводу количества лиц и возраста, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. Предлагаются пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: *правовые основы дактилоскопической регистрации, информационное обеспечение, криминалистическая регистрация, дактилоскопические учеты.*

A.S. Yakovleva

Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, 125130

FINGERPRINTING: THE LEGAL FRAMEWORK OF INFORMATION SUPPORT

The paper offers a brief overview of the legal framework that underlies fingerprinting as a source of evidence in crime detection and investigation. It examines the issues of forensic data collection, including fingerprint records. Some unresolved issues are also highlighted, like the number and age of people that should be subject to mandatory fingerprinting. Some solutions to this problem are also proposed.

Keywords: *legal framework for fingerprinting, information support, criminal records, fingerprint records.*

Одной из важнейших функций любого государства, несомненно, является предупреждение преступной деятельности. Выполнение этой функции в соответствии с российским законодательством возложено на органы внутренних дел, которые являются центральным звеном в системе правоохранительных органов.

Результативность работы правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений невозможна без своевременного, достаточного и качественного информационного и правового обеспечения. Несмотря на

более чем вековое существование, дактилоскопия не только не потеряла своего значения в раскрытии преступлений, но и существенно расширила свои возможности за последние десятилетия.

Регистрация дактилоскопической информации, значимой для раскрытия и профилактики преступлений – один из наиболее эффективных подходов к информационному обеспечению борьбы с преступностью. Именно поэтому дактилоскопическая регистрация постоянно совершенствуется с помощью правового регулирования.

В настоящее время раскрытию преступлений во многом способствуют криминалистические учеты, в частности дактилоскопические, формируемые на базе органов внутренних дел Российской Федерации.

Ведению и использованию банка данных дактилоскопической информации способствует проведение дактилоскопической регистрации. Дактилоскопический учет в настоящее время особо выделяется своей эффективностью благодаря тому, что созданы и повсеместно внедряются автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС), способные успешно осуществлять десятки миллионов проверок дактилоскопических материалов в год. В целом по России за последние годы с помощью информации, содержащейся в дактилоскопических учетах, раскрыто до 80 % совершенных преступлений.

Правовую основу дактилоскопической регистрации составляют: Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993, Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 – ФЗ, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 25.07.1998 № 128 – ФЗ «О дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.08.1995 № 144 ФЗ «Об оперативно - розыскной деятельности», другие федеральные законы, и иные принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, ведомственные подзаконные акты, в частности приказы МВД России, инструкции, наставления.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Наряду с этим Конституция устанавливает, что все равны перед законом и судом².

В Конституции Российской Федерации также указано: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, на-

циональности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»³. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»⁴.

Вышеуказанные конституционные положения предполагают основные принципы государственной дактилоскопической регистрации, согласно которым государственная дактилоскопическая регистрация проводится: - с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, установленных Конституцией Российской Федерации; в соответствии с принципами законности, гуманизма, конфиденциальности; - на основе сочетания добровольности и обязательности.

Таким образом, Конституция Российской Федерации является общей законодательной основой организации и функционирования всей системы криминалистических учетов, в том числе дактилоскопической регистрации.

Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» определяет цели, принципы и виды государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации, а также устанавливает основные требования к проведению государственной дактилоско-

¹ Гл. 1 ст. 2 Конституции РФ.

² Гл. 2 ст. 19 Конституции РФ.

³ Гл. 2 ст. 2 п. 2,3 Конституции РФ.

⁴ Гл. 2 ст. 24 Конституции РФ.

пической регистрации, хранению и использованию дактилоскопической информации.

В статье 2 этого закона приводится понятие, определяющее государственную дактилоскопическую регистрацию как деятельность, осуществляемую органами исполнительной власти и федеральными государственными учреждениями по получению, учету, хранению, классификации и выдаче дактилоскопической информации, установлению или подтверждению личности человека.

В Российской Федерации государственная дактилоскопическая регистрация проводится, а дактилоскопическая информация используется в целях идентификации личности человека⁵.

Граждане Российской Федерации имеют право на добровольную государственную дактилоскопическую регистрацию.

Государственные органы обязаны соблюдать конфиденциальность дактилоскопической информации и обеспечивать ее безопасность. Должностные лица государственных органов несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации, за нарушения в области персональных данных⁶.

В настоящее время одним из дискуссионных и нерешенных вопросов остается увеличение количества дактилоскопируемых лиц и возраста лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. Положительное решение этих вопросов, несомненно, сыграет важную роль в профилактике и раскрытии преступлений.

Не менее дискуссионным вопросом дактилоскопической регистрации является вопрос о нарушении прав человека. В частности, высказываются мнения, что зарегистрированного человека уравнивают с преступником. Однако целью дактилоскопической регистрации является не только содействие в раскрытии преступлений, но и такие важные вопросы, как розыск лиц пропавших без вести, опознание жертв преступлений, аварий, техногенных катастроф, неопознанных трупов, установления личности живых лиц, по состоянию здоровья неспособных сообщить о себе, и т. д.

Дактилоскопическая регистрация разрешает острые проблемы современной российской государственности, а также обеспечивает безопасность отдельных лиц и общества в целом. Важнейшей задачей повышения эффективности дактилоскопической регистрации в целях раскрытия преступлений, является автоматизация процесса установления личности по следам и отпечаткам рук, ведение автоматизированных дактилоскопических учетов. Использование АДИС решает множество задач, но, несмотря на это требуется дальнейшее развитие научных знаний, разработка эффективных методов и средств борьбы с преступностью. Без существования автоматизированных систем дактилоскопического учета невозможно удовлетворить нарастающие потребности органов внутренних дел в получении достоверных сведений в кратчайшие сроки, что объясняется наличием больших массивов дактилоскопических карт, а также следов рук, изъятых с мест нераскрытых преступлений. Это стимулирует дальнейшее развитие различных автоматизированных информационно-поисковых систем, так как автоматизация процесса идентификации следов и отпечатков рук, ведение автоматизированного дактилоскопического учета, и соответственно внедрение автоматизированных информационных систем в подразделения органов внутренних дел является важнейшей задачей. Становится актуальным вопрос об улучшении информационного обеспечения органов внутренних дел и создание нового вида криминалистического учета, например, комплексного дактилоскопического и учета геномной информации, что повлечет за собой решение ряда проблем: методологических, технических, организационных и правовых, без решения которых практическая реализация современных возможностей организации дактилоскопических учетов будет невозможна.

В связи с возросшей значимостью дактилоскопической регистрации необходимо, наряду с решением правовых вопросов, также увеличить число дактилоскопируемых граждан, например, детей до 14 лет.

Сведения об авторе:

Анастасия Сергеевна Яковлева - эксперт отдела дактилоскопических экспертиз и учетов экспертно-криминалистического центра МВД России; тел.: 8 (499)-745-80-44; e-mail: nastyamoscov18@rambler.ru

⁵ Ст. 2 Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

⁶ Ст. 12 Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

Менеджмент
качества судебной
экспертизы

С.А. Кузьмин

ФГАОУ высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия, 117198

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье содержится анализ современных подходов к менеджменту качества в судебно-экспертных организациях, проанализирована эволюция представлений о качестве как объекте управления. Автором рассмотрена структура и объем понятия судебно-экспертной деятельности и выделяются те ее элементы, которые формируют комплекс влияющих на качество факторов. На основе международного и отечественного опыта дана историческая ретроспектива процесса разработки и внедрения механизмов управления качеством в производстве и судебной экспертизе. Проанализированы концептуальные подходы к проблемам качества, закрепленные в международных стандартах ИСО серии 9000 и ИСО/МЭК 17025, их сходства и различия, а также пределы применимости в отношении деятельности судебно-экспертных организаций. Особое внимание уделено анализу проблем, возникающих в процессе проектирования и внедрения систем управления качеством, выявлены их причины и даны рекомендации по повышению эффективности менеджмента.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, судебно-экспертная организация, менеджмент качества, стандартизация*

S.A. Kuz'min

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, 117198

MODERN MODELS OF QUALITY MANAGEMENT IN FORENSIC ACTIVITIES

The article contains analysis of modern approaches to quality management in the forensic science institutions, reviewed evolution of the view about quality as an object of management. Author considered a structure and a volume of notion of forensic science activity and mark out the elements of structure that form complex factor that affects the quality. Based on international and one's country experience is given the historical retrospective of process of development and deployment of mechanisms of managements of quality in production and forensic science. The conceptual approaches to quality problems enshrined in the series ISO 9000 and ISO/IEC 17025 international standards, their similarities and distinction, and also applicability limits concerning activity of the forensic science institutions are analyzed. The special attention is paid to the analysis of problems arising in the design and implementation of quality management systems, identified their causes, and made recommendations for improving the effectiveness of management.

Keywords: *forensic examination, forensic activity, forensic organization, quality management, standardization*

Одной из важнейших особенностей нашего времени является возрастание темпов всех общественных процессов: от социальных и экономических, до технологических и информационных. Обратной стороной этого, к сожалению, выступают и негативные тенденции усложнения и расширения сфер проявления правонарушений, в том числе, их наиболее тяжких видов – преступлений. Да и предметы гражданских споров все чаще связаны с объектами, исследование которых невозможно без применения специальных знаний. Но помимо всего прочего, эти тенденции накладываются на существенные изменения в деятельности судебной системы, где принцип состязательности все в большей мере означает не только споры сторон о праве, но также и о существовании тех объектов и явлений, изучение которых может быть осуществлено только путем квалифицированного экспертного исследования. Все это закономерно приводит к росту количества и усложнению содержания тех задач, которые ставятся правоприменением перед судебной экспертизой.

К сожалению, в стране не существует надежной всеобъемлющей статистики производства экспертиз и экспертных исследований. В литературе со ссылкой на данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации приводится цифра примерно 300 тыс. назначенных судами экспертиз в год [1]. И здесь еще не учитываются экспертизы, назначенные следователями, а также экспертные исследования, выполненные по обращениям юридических и физических лиц. По данным на конец 2011 года общее количество судебных экспертиз и экспертных исследований, производимых в государственных судебно-экспертных учреждениях, оценивается в 6 - 7 млн. в год [2] и постоянно растет. При таких объемах будет правильно говорить о производстве не только в процессуальном, но и в организационно-техническом смысле слова, осуществляемом в процессе специфического вида социальной деятельности – судебно-экспертной.

С принятием в 2001 году Федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности» на законодательном уровне было определено понятие судебно-экспертной деятельности, сформулированы ее цели и принципы, а также названы ее субъекты. Отметим, что предметом регу-

лирования данного закона является не судебно-экспертная деятельность вообще, а «государственная судебная экспертная деятельность (далее ГСЭД)». Это объясняется прежде всего тем, что в то время подавляющая часть судебных экспертиз производилась в специализированных государственных структурах – государственных судебно-экспертных учреждениях (далее ГСЭУ). Негосударственные судебно-экспертные организации начали появляться лишь в конце 80-х годов, были встречены научным сообществом неоднозначно [3] и при конструировании норм закона в расчет не принимались. Со временем термин «экспертная деятельность» стал распространяться и на деятельность других экспертных организаций, что нашло свое отражение в его использовании в отношении негосударственных экспертных организаций в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (абз. 3 п. 2). В силу этого, можно заключить, что методологически допустимо рассматривать положения Закона о ГСЭД не только как нормы правовой регламентации проведения судебных экспертиз в государственных СЭУ, но и как модель судебно-экспертной деятельности вообще.

Объем понятия «судебно-экспертная деятельность», как это закреплено 73-ФЗ, сводится к «организации и производству судебной экспертизы». И если понятие «производство» определено и на законодательном (прежде всего, гл. 27 УПК РФ) и на доктринальном уровнях, то с «организацией» дело обстоит сложнее. В словаре основных терминов судебных экспертиз Ю.Г. Корухов приводит такую дефиницию: «организационное обеспечение экспертной деятельности - комплекс мероприятий по созданию оптимальных условий для производства судебных экспертиз; включает в себя правовые, кадровые, технические, хозяйственные и др. вопросы» [4]. Проект нового закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ трактует это понятие еще шире: «Судебно-экспертная деятельность включает организацию и производство судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, при

¹ Проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» внесен в Государственную Думу распоряжением Правительства РФ от 29.06.2013 № 1103-р.

проверке сообщения о преступлении, по делам, рассматриваемым судами; финансовое обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций; научно-методическое и информационное обеспечение судебной экспертизы, в том числе организацию и проведение научных исследований в области судебной экспертизы, подбор кадров, их дополнительное профессиональное образование, установление соответствия компетентности в области судебной экспертизы». Очевидно, что такое расширенное понимание судебно-экспертной деятельности, делает особенно актуальным вопрос о том, кем может быть осуществлен такой объем разноплановых действий, т.е. о ее субъектах. В литературе высказываются различные мнения на этот счет: от буквальной трактовки нормы действующего 73-ФЗ, называющей таковыми государственного судебного эксперта и ГСЭУ [5], до весьма широкого, включающего также лиц, назначивших экспертизу, и иных участников процесса [6]. Очевидно, что все приведенные мнения в равной мере обоснованно формулируют круг субъектов судебно-экспертной деятельности, но различаются специфическими задачами конкретного исследования, в рамках которого такая формулировка дается. В этой связи представляется справедливым замечание Л.Г. Эджубова: «понятие субъекта экспертной деятельности в известном смысле является конвенциональным, и необходимо просто остановиться на наиболее приемлемом варианте» [7]. Поэтому, по нашему мнению, лаконичная форма 73-ФЗ представляется достаточной для конструирования большинства систем в области судебно-экспертной деятельности.

Известно, что в соответствии с процессуальным законодательством эксперт может проводить судебные экспертизы как в составе соответствующей экспертной организации, так и индивидуально. Однако, представляется логичным, что применительно к проблеме менеджмента качества, к судебно-экспертной деятельности относится только деятельность эксперта в составе организации. Качество своей работы эксперт, производящий экспертизу индивидуально, обеспечивает самостоятельно в соответствии с собственными представлениями о надлежащем порядке организации труда. Применительно же к деятельности судебно-экспертной организации (далее СЭО), как справедливо отмечает А.В. Нестеров, «современным трендом является

наличие ... системы менеджмента качества (далее СМК) в соответствии с международными стандартами СМК» [8].

Начало мировой истории управления качеством отсчитывают от времен второй промышленной революции и обычно связывают с именем американского инженера Фредерика Тейлора [9], которым в начале XIX века были сформулированы первые принципы научной организации труда. Оценка качества, по Тейлору, предполагала установление соответствия продукции требованиям установленных стандартов, которые принимались самим производителем. Система Тейлора имела множество последователей по всему миру, в том числе, и в России [10]. В целом, в этот период менеджмент качества еще не рассматривается как самостоятельная задача, а воспринимается в качестве составной части общего процесса управления и сводится, в основном, к контрольным функциям.

В дальнейшем система представлений об управлении качеством нашла свое развитие в работах таких ученых и практиков, как Александр Шухарт, Эдвард Деминг и Джозеф Джуран. Их усилиями были заложены основы математизации показателей качества, разработаны принципы статистических методов контроля, сформулированы и решены многие другие проблемы качества производства. Именно Дж. Джурану принадлежит первенство в использовании самого термина «менеджмент качества» [11].

Важным шагом в развитии концепции менеджмента качества явились работы Арманда Фейгенбаума, который заложил основы современного понимания как всеохватывающего системного подхода к управлению деятельностью предприятия. Такая концепция получила название комплексного или тотального управления качеством². Именно в рамках реализации системы «тотального качества» в практике появились документированные системы качества, устанавливающие полномочия и ответственность персонала, а также впервые делается акцент на роли всего руководящего состава предприятия в вопросах, связанных с качеством.

² В 1957 г. в журнале «Промышленный контроль качества» («Industrial Quality Control») появилась его статья о комплексном управлении качеством, а вслед за ней в 1961 г. вышла его книга «Комплексное управление качеством», которая в 1986 г. в русском переводе была издана под названием «Контроль качества продукции» [12].

В это время и в СССР велась активная научная и практическая работа в области научной организации труда, повышения эффективности и качества производства. Наиболее известным примером реализации системного подхода к управлению является внедрение в середине 50-х годов XX века Саратовской системы бездефектного производства продукции (БИП) [13]. Данная система, как и ряд ее модернизаций, внедренных на других отечественных предприятиях, в качестве основной задачи ставили обеспечение высокого уровня качества труда, которое, по мнению разработчиков, в значительной степени и определяет качество конечной продукции.

Другим важным событием, определяющим как само понимание качества, так и методы управления им, явился процесс стандартизации в данной области. Примерно с 70 – 80-х годов XX в. деятельность в этом направлении становится массовой и активно развивается как в отдельных странах, так и в международном формате. Применительно к вопросам качества четко просматриваются два направления стандартизации: это стандарты, устанавливающие минимальные требования к качеству разнообразных видов товаров или услуг, и стандарты, формулирующие системные требования к системам менеджмента качества. Стандартизация, появившаяся на свет, прежде всего, как средство обеспечения взаимозаменяемости продукции в национальном масштабе, выходит за эти рамки и в 1946 году приходит к созданию Международной организации по стандартизации (ИСО)³.

С точки зрения развития идей качества важнейшим событием стало принятие ИСО в 1987 году международных стандартов серии 9000, в основе которых лежал системный подход к управлению качеством – «Всеобщее управление качеством (total quality management – TQM)» Фейгенбаума.

Важным достижением данных стандартов стало введение в оборот единого понимания самого термина «качество». Так, в ИСО 9000:2005 «Системы менеджмента качества – Основные положения и словарь» содержится следующее определение: «качество – степень, с которой совокупность собственных характеристик вы-

полняет требования»⁴ (п. 3.1.1.). При этом под характеристикой понимается «отличительное свойство» (п. 3.5.1.), а под требованием – «потребность или ожидание, которое установлено, обычно предполагается или является обязательным» (п. 3.1.2.). Применительно к вопросам судебной экспертизы крайне важным является специальное разъяснение в отношении требований, в том числе, содержащихся в правовых нормах: «требование: документально изложенный критерий, который должен быть выполнен, если требуется соответствие документу, и по которому не разрешены отклонения» (п. 3.12.1.).

Принятие международных стандартов ИСО серии 9000 закрепило трансформацию понятия качества от «соответствия нормативам производителя» к степени соответствия «продукта» ожиданиям «потребителя». В этой связи В.В. Ефимов подчеркивает, что главной целевой установкой систем управления качеством, построенных на базе ИСО 9000, является «обеспечение качества продукции, требуемого заказчиком или потребителем» [14].

Но главным значением рассматриваемого комплекса стандартов является определение в них понятия «менеджмент качества», которое представляет собой «скоординированную деятельность по руководству и управлению организацией применительно к качеству» (п. 3.2.8.).

Еще одной значимой особенностью, положенной в основу всей серии стандартов ИСО 9000, является концепция «процессного подхода». В соответствии с ней вся деятельность организации рассматривается как набор процессов, а управление такой организацией – как управление процессами. Центральное понятие, используемое в рамках такой концепции – это понятие процесса. При этом ИСО 9000:2005 определяет процесс как «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, которые преобразуют входы в выходы» (п. 3.4.1.). Главной отличительной чертой любого процесса является его устойчивость и повторяемость, т.е. предполагается, что в рамках одного относительно неизменного процесса создается большое количество однородной продукции.

Системы менеджмента качества, построенные на основе международных стан-

³ Официальное название на английском языке - International Organization for Standardization, ISO.

⁴ Здесь и далее стандарта ИСО 9000:2005 приводится в переводе национального стандарта ГОСТ ISO 9000:2011.

дартов ИСО серии 9000 получили очень широкое распространение как в промышленности, так и в некоторых других областях деятельности: образовании, государственном и муниципальном управлении, туризме и т.п. Вместе с тем, опыт построения СМК, основанных на ИСО серии 9000, в организациях, осуществляющих исследовательскую деятельность, показал наличие ряда существенных недостатков такой модели. Отметим лишь главный из них. Прежде всего оказалось, что процессный подход плохо подходит для лабораторий, осуществляющих исследования, которые часто отличаются друг от друга спецификой исследуемых объектов и набором применяемых методов. В этих случаях процессы, в понимании ИСО серии 9000, приобретают неустойчивый характер. При этом вопросы совершенствования процессов уступают место более значимым факторам – квалификации и опыту работников, их независимости и объективности, техническому состоянию аналитического оборудования и т.п.

Осознание названных противоречий во многом предопределило появление другого международного стандарта - ИСО/МЭК 17025 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий»⁵. И хотя в основе стандарта ИСО/МЭК 17025 лежит модель СМК ИСО 9000, он создан с учетом специфики исследовательских организаций.

Еще одним существенным различием ИСО 9000 и ИСО/МЭК 17025 является форма, в которой производится подтверждение соответствия этим стандартам. Данное различие носит отнюдь не технический характер. Концепция стандартов ИСО 9000 основывается на четком разграничении между требованиями к системам управления качеством и требованиями к конечной продукции. При этом данный стандарт относится к первой категории, т.е. содержит требования к системе управления, как бы абстрагируясь от результата деятельности управляемой организации. В этом его универсальность. Соответствие системы управления требованиям стандарта и подтверждается в результате сертификации, т.е. сертификация относится не к самой организации, а к ее системе СМК. Иначе обстоит дело с аккредитацией на соответ-

ствие требованиям ИСО/МЭК 17025. Здесь процесс подтверждения соответствия (аккредитация) относится к организации (лаборатории) целиком, а СМК выступает лишь как одна из контролируемых подсистем деятельности данной организации.

В зарубежных странах общепринятым стал подход к обеспечению качества экспертной деятельности, основанный именно на стандарте ИСО 17025, т.е. внедрении в СМК и аккредитации экспертных лабораторий. Началом этого процесса является объявленная Американским обществом директоров криминалистических лабораторий (ASCLD/LAB) в 1982 году программа аккредитации криминалистических и судебно-экспертных лабораторий [15]. Критериями такой аккредитации стали установленные стандартом требования к «ресурсам»: персоналу, помещениям и условиям окружающей среды, оборудованию, обращению с объектами испытаний, отбору образцов, обеспечению качества результатов исследований, прослеживаемости измерений, отчетности [16]. За период с конца 1982 по начало 2003 года только в США прошли аккредитацию 237 из примерно 350 экспертных лабораторий. Наряду с американскими аккредитовались лаборатории из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Гонконга и Сингапура [17].

Аналогичные процессы наблюдались и в Европе. Первоначально лаборатории Британии и Нидерландов аккредитовывались в ASCLD/LAB, а по мере формирования структур Европейского Союза – в Европейской организации по аккредитации (EA). Идея качества в судебной экспертизе, подтверждаемая посредством аккредитации, стала центральной и для Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI) [18].

В нашей стране в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» междуурядные стандарты действуют посредством принятия аутентичного текста в национальной системе стандартизации. Поэтому в целях аккредитации судебно-экспертных организаций был разработан и принят ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025» [19]. В соответствии с требованиями этого стандарта за последние годы процесс подтверждения соответствия требованиям ИСО 17025

⁵ Оригинальное название – ISO/IEC 17025 «General requirements for the competence of testing and calibration laboratories».

прошли лаборатории ФБУ Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России [20] и ФБУ Северо-Западного Регионального центра судебной экспертизы Минюста России [21]. Кроме этого имеются примеры прямой аккредитации экспертных учреждений по ИСО 17025, без учета специфики судебно-экспертной деятельности. Так, Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление аккредитовано в качестве испытательного центра в области обеспечения единства измерений в сфере обороны и безопасности государства (Аттестат № РОСС СОБ 7.00013.2012) на техническую компетентность по проведению испытаний и аналитического контроля в соответствии с ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий».

Опыт создания и функционирования систем менеджмента качества в названных организациях показал, что применительно к рассматриваемой проблеме составляющие судебно-экспертной деятельности могут быть примерно сгруппированы по общности методов и приемов обеспечения качества в следующие блоки:

- общие вопросы организации деятельности и управления СЭО, а также организация производства конкретных экспертиз;
- подбор, обеспечение компетентности и мотивированности персонала;
- разработка и внедрение в экспертную практику научно-методического и информационного обеспечения судебной экспертизы, а также условий проведения исследований;
- материально-техническое и финансовое обеспечения СЭД;
- обеспечение качества экспертного исследования и оформления его результатов;
- обеспечение целостности и сохранности объектов экспертного исследования;
- управление несоответствиями и улучшения.

Именно такая классификация элементов судебно-экспертной деятельности и была положена в основу разрабатываемых документов СМК аккредитуемых лабораторий.

Однако дальнейшее развитие процессов обеспечения качества и технической компетентности показали, что использование только одного ИСО 17025, ориентиро-

ванного на обеспечение качества работы в лаборатории, очевидно недостаточно для нужд криминалистических и судебно-экспертных организаций. Применение специальных знаний при работе на месте происшествия, исследование объектов, находящихся вне лабораторий, отбор проб и образцов, оказываются вне сферы регламентации данного стандарта. Поэтому все чаще имели место случаи аккредитации экспертных лабораторий не только по ИСО 17025, но и по международному стандарту ИСО 17020 «Общие критерии для деятельности различных видов контролируемых органов». Это и повлекло за собой пересмотр взглядов на построение модели СМК лабораторий. Данная особенность нашла свое отражение в новой редакции Руководства ИЛАС G-19:2014 «Модули в судебно-экспертной деятельности». При этом понятие «модуля», описывающего определенный элемент экспертной деятельности, в значительной мере воспроизводит идеологию «процессов», присущую концепции ИСО 9000. Такая необходимость совмещения в системе управления качеством разноплановых подходов привела к необходимости поиска новых, комплексных моделей СМК, позволяющих, помимо всего прочего, обеспечить сопоставимое представление различных по своей сущности показателей деятельности в рамках интегрированного понимания качества судебно-экспертной деятельности. Среди таких моделей систем менеджмента качества следует выделить и относительно новую, основанную на статистической оценке вариативности контролируемых показателей качества, концепцию «Шесть сигм». Данный подход, возникший как ответ на сложности управления большими наукоемкими производствами, перерос масштабы квалиметрического метода и эволюционировал в цельную концепцию управления качеством и, даже, корпоративную философию со своей идеологией, атрибутикой и символикой. В настоящее время уже имеется целый ряд примеров внедрения данной модели СМК в практику деятельности судебно-экспертных организаций. Наиболее показателен случай ее использования в работе Института судебной экспертизы Министерства безопасности и юстиции Нидерландов [22].

Однако, в рамках настоящей статьи мы хотели бы обратить внимание на другие аспекты управления качеством. В связи с обозначенной нами ранее проблемой слож-

ности современных систем менеджмента качества представляется интересным подход, предложенный Я.А. Вавилином в статье «Разработка и исследование системы менеджмента качества с позиции общей теории систем». Суть данного подхода, как следует из названия статьи, заключается в рассмотрении системы менеджмента качества с точки зрения теории систем. Он пишет: «Под системой, как известно, понимается целое множество элементов, взаимосвязанных структурно и функционально. Основным смыслом данного положения применительно к СМК заключается в выявлении качественной специфики такого класса множеств, элементы которых образуют устойчивое единство и обеспечивают их целостностное функционирование» [23]. В свете такой трактовки, становится очевидным, что многие проблемы недостаточной эффективности СМК в конечном итоге сводятся к неверной оценке значимости отдельных элементов деятельности («процессов»), что разрушает слаженное функционирование системы как единого целого. Как правило, в таких организациях усилия по совершенствованию деятельности концентрировались на ее элементах, не влияющих или влияющих в незначительной степени на качество конечного результата. В этом случае СМК не обладает структурой и функцией динамической системы. В практическом плане такие проблемы являются следствием одной или сразу нескольких причин, основные группы которых можно сформулировать следующим образом:

- Не достаточно полный охват СМК всех элементов деятельности организации. В таких случаях «дыры» в системе обеспечения качества обязательно рано или поздно внесут свой «вклад» в качество конечного продукта.

- Отсутствие критериев оценки динамики качества деятельности. Это лишает руководство организации возможности оперативно реагировать на возникающие проблемы, а персонал – стимулов к работе.

- Отсутствие или неполная реализация в организации требуемых стандартами качества анализа динамики реализации задач СМК. Эта трудность, как правило, является следствием отсутствия или неправильной «настройки» критериев оценки качества, а что бывает чаще, несопоставимости таких критериев, что исключает возможность получить общую картину качества.

- Непонимание персоналом значимости менеджмента качества для успешной деятельности организации, его целей и задач, а также ложные ожидания быстрого и легкого эффекта от внедрения СМК.

Как ни странно, но все перечисленные выше группы причин низкой результативности систем управления качеством, наблюдаемые во многих организациях, являются следствием одного системного порока – отсутствием действующей системы оценки эффективности СМК, что, в свою очередь, упирается в проблемы квалиметрии сложных явлений. Поэтому центральным вопросом, который должен решаться руководителями и менеджерами по качеству судебно-экспертной лаборатории, принявшей решение о своей аккредитации и внедрении СМК, должна быть разработка системы оценки эффективности управления качеством, ее критериев и способов построения комплексного показателя качества, удобного в использовании и достаточно наглядного для всех работников организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корухов Ю.Г., Киселев С.Е., Гречуха Н.М. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности». – М.: ПРОСПЕКТ, 2016. С.147-155.
2. Смирнова С.А. Судебная экспертиза: перезагрузка (мультимодальное издание) в трех частях. Часть 1. – М.: РФЦСЭ, 2012. – 656 с.
3. Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза: нужды и перспективы развития // Социалистическая законность. - М.: Известия, 1989. – № 7. – С. 54-56.
4. Словарь основных терминов судебных экспертиз // Редактор-составитель Ю.Г. Корухов. – М.: СУДЕКС, 2012. – 119 с.
5. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза // Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.
6. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: РФЦСЭ, 2005. – 262 с.

7. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка» / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Смирновой // Часть II. – М.: РФЦСЭ, 2012. – 456 с.
8. Нестеров А.В. Методология объективизации судебно-экспертной деятельности как фактор повышения доказательственного значения результатов судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журнал. – М.: РФЦСЭ, 2015. – № 4 (40). – С.166-170.
9. Павлов Ю.Н., Малышева Г.В. Система Тейлора. Взгляд через 100 лет // Российское предпринимательство. – 2000. № 11 (11). – С.76-83.
10. Богданов А.А. Между человеком и машиной. О системе Тейлора. – Харьков, 1919. – 15 с.
11. Juran J.M. Managerial Breakthrough. New York: McGraw-Hill, 1964. 396 p.
12. Фейгенбаум А. Контроль качества продукции. – М.: Экономика, 1986. – 471 с.
13. Организация вспомогательных служб машиностроительного завода // Под ред. Б.В. Власова. – М.: МАШИНОСТРОЕНИЕ, 1966. – 523 с.
14. Ефимов В.В. Средства и методы управления качеством: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – 232 с.
15. Tilstone W. Encyclopedia of Forensic Science. An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques. – АСВ-СЛИО, 2006. – 307 p.
16. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И., Бебешко Г.И. Специфика применения основных терминов и определений международного стандарта ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 к деятельности судебно-экспертных лабораторий // Теория и практика судебной экспертизы/ 2012. № 2 (26). – С.56-67.
17. Кузьмин С.А. Руководство ИАСГ-19:2014 «Модули в судебно-экспертной деятельности» – качественно новый шаг к аккредитации судебно-экспертных организаций // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. – М.: РФЦСЭ, 2015. – № 2 (38). – С.24-27.
18. Kopp I., Sprangers W. History of European Network of Forensic science institutes. Problems of Forensic Sciences 2002. – Vol. 50 (L). – P.203-217.
19. Усов А.И. Особенности адаптации международных стандартов в судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. – М.: РФЦСЭ, 2007. – № 4 (8). – С.52-62.
20. Усов А.И., Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации лабораторий СЭУ Минюста России на соответствие ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. – М.: РФЦСЭ, 2009. – № 2 (14). – С.52-57.
21. Замараева Н.А. Опыт внедрения системы менеджмента качества в Северо-Западном РЦСЭ Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. – М.: РФЦСЭ, 2014. – № 3 (35). – С.142-145.
22. Knowledge for a successful forensic chain provided by The Netherlands Forensic Institute // Published by: Netherlands Forensic Institute Ministry of Security and Justice. Rijksoverheid, November 2013. Размещено на официальном сайте NFI. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forensicinstitute.nl/Images/brochure-nfi-academy-knowledge-for-a-successful-forensic-chain_tcm120-446193.pdf (дата обращения - 26.07.2016).
23. Вавилин Я.А. Разработка и исследование системы менеджмента качества с позиции общей теории систем // Стандарты и качество. – 2010. – № 5. – С.77-80.

REFERENCES:

1. Korukhov Yu.G., Kiselev S.E., Grechukha N.M. O sostoyanii vedomstvennoi i vnevedomstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossii-skoi Federatsii. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy klassifikatsii sudebnykh ekspertiz, serti-fikatsii i validatsii metodicheskogo obespecheniya, standartizatsii sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti"* [About a condition of departmental and non-departmental forensic activity in the Russian Federation. Proc. of the International scientific and practical conference "Problems of Classification of Forensic Examinations, Certifications and Validations of Methodical Providing, Standardization of Forensic Activity"]. Moscow: PROSPEKT Publ., 2016, pp.147-155. (In Russ).
2. Smirnova S.A. *Sudebnaya ekspertiza: perezagruzka (multimodal'noe izdanie) v trekh chastyakh*. [Forensic science: reboot (multimodal edition) in three parts]. Part 1. Moscow: RFTsSE Publ., 2012, 656 p. (In Russ).
3. Belkin R.S., Korukhov Yu.G. *Sudebnaya ekspertiza: nuzhdy i perspektivy razvitiya* [Forensic examination: needs and

- prospects of development]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1989, No 7, pp.54-56. (In Russ).
4. Korukhov Yu.G., editor. *Slovar' osnovnykh terminov sudebnykh ekspertiz* [Dictionary of the main terms of forensic examinations]. Moscow: SUDEKS Publ., 2012, 119 p. (In Russ).
5. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya ekspertiza. Teoriya i praktika, tipichnye voprosy i nestandartnye situatsii*. [Reference book of the judge. Forensic science. In: Theory and practice, typical questions and unusual situations] Moscow: Prospekt Publ., 2010. 464 p. (In Russ).
6. Orlov Yu.K. *Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Forensic examination as an evidentiary fact in criminal legal proceedings]. Moscow: RFTsSE Publ., 2005. 262 p. (In Russ).
7. Smirnova S.A. *Entsiklopedicheskiy slovar' teorii sudebnoi ekspertizy. Mul'timodal'noe izdanie "Sudebnaya ekspertiza: perezagruzka"* [Encyclopedic dictionary of the theory of forensic science. Forensic science: reboot (multimodal edition) in three parts]. Part II. Moscow: RFTsSE Publ., 2012. 456 p. (In Russ).
8. Nesterov A.V. Methodology objectification forensic activity as a factor of the probative value of the result forensic. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*, 2015, No 4(40), pp.166-170. (In Russ).
9. Pavlov Yu.N., Malysheva G.V. *Sistema Teilora. Vzgl'yad cherez 100 let* [Taylor's system. A look in 100 years]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 2000. No 11(11). pp. 76-83. (In Russ).
10. Bogdanov A.A. *Mezhdru chelovekom i mashinoy. O sisteme Teilora* [Between the person and car. About Taylor's system]. Khar'kov, 1919. 15 p. (In Russ).
11. Juran J.M. *Managerial Breakthrough*. New York: McGraw-Hill, 1964. 396 p.
12. Feigenbaum A. *Kontrol' kachestva produktsii* [Quality control of production]. Moscow: Ekonomika Publ., 1986. 471 p. (In Russ).
13. Vlasov B.V., editor. *Organizatsiya vspomogatel'nykh sluzhbn mashinostroitel'nogo zavoda* [Organization of auxiliary services of engineering plant]. Moscow: MASHINOSTROENIE Publ., 1966. 523 p. (In Russ).
14. Efimov V.V. *Sredstva i metody upravleniya kachestvom: uchebnoe posobie* [Means and quality management methods: education guidance]. Moscow: KNORUS Publ., 2007. 232 p. (In Russ).
15. Tilstone W. *Encyclopedia of Forensic Science. An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. ACB-CLIO, 2006. 307 p.
16. Smirnova S.A., Omel'yanyuk G.G., Usov A.I., Bebashko G.I. Special considerations in applying the key terms and definitions of the international standard GOST ISO/IEC 17025-2009 in forensic science laboratories. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2012, No 2(26), pp.56-67. (In Russ).
17. Kuz'min S.A. Guide ILAC G-19:2014 "Modules in a forensic science process" - a qualitatively new stage in the organization of accreditation of forensic science organizations. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2015, No 2(38), pp.24-27. (In Russ).
18. Kopp I., Sprangers W. History of European Network of Forensic science institutes. *Problems of Forensic Sciences*. 2002, Vol. 50 (L), pp.203-217.
19. Usov A.I. Osobennosti adaptatsii mezhdunarodnykh standartov v sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [Features of adaptation of the international standards in forensic activity in the Russian Federation]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2007, No 4(8), pp.52-62. (In Russ).
20. Usov A.I., Omel'yanyuk G.G. *Vozmozhnosti akkreditatsii laboratorii SEU Minyusta Rossii na sootvetstvie GOST R ISO/MEK 17025* [Possibilities of accreditation of laboratories of forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation on compliance of state standard specification P ISO/MEK 17025]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2009, No 2(14), pp.52-57. (In Russ).
21. Zamaraeva N.A. Implementing a quality management system at the North-Western Regional center of forensic science of the Russian Ministry of justice. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2014, No 3(35), pp.142- 145. (In Russ).
22. *Knowledge for a successful forensic chain provided by The Netherlands Forensic Institute* // Published by: Netherlands Forensic Institute Ministry of Security and Justice. Rijksoverheid, November 2013. Available at: http://www.forensicinstitute.nl/Images/brochure-nfi-academy-knowledge-for-a-successful-forensic-chain_tcm120-446193.pdf (accessed - 26.07.2016).

23. Vavilin Ya.A. Razrabotka i issledovanie sistemy menedzhmenta kachestva s pozitsii obshchei teorii sistem [Development and research of quality management system according to the general theory of systems]. *Standarty i kachestvo*. 2010, No 5, pp.77-80. (In Russ).

Сведения об авторе:

Кузьмин Сергей Анатольевич - доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов. Тел.: 8 (903)-579-51-63 e-mail: sakuzmin@gmail.com.

С.А. Кузьмин

ФГАОУ высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия, 117198

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ШЕСТИ СИГМ» В МЕНЕДЖМЕНТЕ КАЧЕСТВА СУДЕБНО- ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

В статье анализируются современные тенденции развития судебно-экспертной деятельности. Автор отмечает, что в условиях постоянного роста количества экспертных заданий и возрастания уровня их сложности сложились объективные предпосылки для внедрения в судебно-экспертную деятельность систем менеджмента качества. Особое внимание уделено анализу наиболее современной концепции управления качеством «шесть сигм», раскрыто ее содержание, кратко рассмотрена история возникновения и внедрения в практику управления зарубежных судебно-экспертных лабораторий. Показаны возможности данного подхода в области обеспечения сопоставимости результатов мониторинга различных показателей качества. Автор обращает внимание, что данная методика управления организацией является важным механизмом в обеспечении экономического производства, что имеет большое значение для судебно-экспертных организаций в современных экономических условиях. Показаны сильные и слабые стороны применения данной концепции в судебной экспертизе, а также предложены варианты ее комплексирования с традиционными методами управления качеством.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, судебно-экспертная организация, менеджмент качества, стандартизация, шесть сигм.*

S.A. Kuz'min

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, 117198

PROSPECTS FOR THE USE OF THE CONCEPT OF "SIX SIGMA" QUALITY MANAGEMENT IN FORENSIC ACTIVITIES: PRO ET CONTRA

The article analyzes modern trends in the development of forensic activities. The author notes that under conditions of constant growth of the number of expert tasks and increase their complexity, we developed the objective prerequisites for the introduction in the forensic activities of the quality management system. Special attention is paid to analysis of the most modern concepts of quality management are "six sigma", revealed its content, the author briefly describes the history and implementation of management practices foreign forensic laboratories. The possibilities of this approach to ensure comparability of results of monitoring various indicators of quality. The author notes that this method of management of the organization is an important mechanism in ensuring economical production, which is important for forensic organizations in the current economic conditions. The strengths and weaknesses of the application of this concept in forensic science, and proposes options for its integration with traditional methods of quality management.

Keywords: forensic examination, forensic activity, forensic organization, quality management, standardization, lean six sigma

Все мы немного грустим, когда «безликая» технология приходит на смену индивидуализированному труду, когда продукция конвейерного производства вытесняет предметы ручной работы. Но зададим себе вопрос: действительно ли труд становится скучным и монотонным, не оставляющим места для творчества и научного поиска? Правда ли, что первый телефон, собранный Александром Беллом вручную, содержал в себе больший интеллектуальный продукт, чем произведенный недавно корпорацией Apple миллиардный iPhone? То, что еще недавно было достоянием тысяч или десятков тысяч, сейчас стало доступно миллиардам. В этой же пропорции выросли и объемы производства. Но знания, ум, талант и способности не «ушли» из окружающих нас вещей. Просто их приложение переместилось в область научного осмысления, изобретения, конструирования, передав «рутиную» роботизированным системам.

Как ни странно, эти философски-но-стальгические рассуждения автора имеют непосредственное отношение и к судебной экспертизе. Целый ряд экспертных исследований, о которых еще недавно мы говорили: «это маленькая НИР», теперь обеспечены совершенными методиками и их проведение приобретает все более и более «технологичный» характер. Конечно, никуда не делась и сложные, уникальные экспертизы, требующие от экспертов не только знания уже существующих методических подходов, но и творческого поиска способов и средств решения новых, ранее не изученных задач. Однако общей закономерностью становится смещение точки приложения интеллектуальных ресурсов из конкретного производства в область осмысления и обобщения экспертного опыта, создания методического обеспечения судебной экспертизы. В рамках производства конкретных экспертиз четко прослеживается тенденция стандартизации процесса исследования и его расчленения на «цепочки» стандартных операционных процедур. При этом творческие способности и интеллектуальные возможности эксперта в большей степени направляются на оценку и интерпретацию полученных результатов и формирование выводов.

Другая характерная особенность нашего времени, вытекающая из интенсификации общественной и экономической жизни, выражается в наблюдаемом росте востребованности специальных знаний при

разрешении самых разных видов споров и конфликтов, вследствие чего количество экспертиз и экспертных исследований в нашей стране уже исчисляется миллионами в год.

Как мы видим, экспертная деятельность все в большей степени приобретает черты современного наукоемкого массового производства, что, в свою очередь, создает объективные условия для внедрения в ее процесс уже наработанных в других отраслях науки моделей и методов ее организации. Здесь мы, прежде всего, имеем в виду методы управления качеством, как современной модели организации управления производством.

В рамках настоящей статьи мы не ставим цели останавливаться на истории вопроса о самой концепции управления качеством, эволюции таких представлений и моделях их реализации. С точки зрения потребностей практики построения систем управления качеством в судебно-экспертных организациях (далее СЭУ), представляется полезным рассмотреть одну из новейших, но базирующуюся на апробированных технологиях тотального (комплексного) подхода, модель системы менеджмента качества (далее СМК), получившую название «Шесть сигм»¹. Разработанная в 1986 году в корпорации Motorola концепция уже к началу 90-х годов получила широкое распространение в практике менеджмента качества высокотехнологичных компаний, научных организаций, медицинских учреждений. В предисловии к книге Питера Панде Президент Ассоциации «Шесть Сигм» С.Ю. Глухов пишет: «Эта методика нашла широкое применение в таких полях и специфических областях, как политика и борьба с терроризмом, повышение эффективности работы муниципальных органов и аудит, образование и снижение непроизводительных расходов в армии, а также многих других» [1].

Название концепции происходит от древнегреческой буквы («сигма»), используемой в математической статистике для обозначения среднеквадратичного отклонения (именуемого также стандартным отклонением) значений в генеральной совокупности. Суть данной концепции состоит

¹ Хотя адепты данной системы обычно противопоставляют ее тотальным системам качества, по нашему мнению, их различия носят в большей мере маркетинговый, а не сущностный характер.

в количественном выражении контролируемого показателя каждого из процессов, составляющих деятельность соответствующей организации, изучение его вариабельности в серии и выработки на этой основе критерия «приемлемого качества», а точнее, «приемлемого количества брака». Варьируя значениями таких «допусков», разработчики добиваются математического описания существующего уровня качества, выражая его в количестве среднеквадратичных отклонений. Так, если контролируемым параметром мы будем считать, к примеру, срок проведения экспертизы, при условии, что на производство каждой из них должно быть потрачено не более 30 дней, то мы сможем построить график распределения сроков всех произведенных экспертиз в экспертной организации. Количество заключений, выполненных с превышением срока, может быть выражено как в процентах от их общего количества, так и в среднеквадратичных отклонениях – сигмах. Из теории следует, что 70% брака соответствует примерно одной сигме, 30% – двум сигмам, 6,5% – трем. Показатель «шесть сигм» означает, что достигнутый уровень качества производства обеспечивает появление не более 3,4 «ошибок» на миллион возможностей (в приведенном примере – заключений). Очевидно, что такой уровень в практическом смысле можно считать «идеальным». В точных науках, например, в ядерной физике, экспериментальный результат, полученный с надежностью «шесть сигм», принято считать достоверным. Поэтому уровень «шесть сигм» для большинства процессов, осуществляемых в рамках практической деятельности, является скорее целью, чем реальным показателем качества.

Собственно, последнее обстоятельство не скрывают и сторонники данной модели менеджмента. Пит Панде в книге «Что такое «шесть сигм»?» отмечает, что данное понятие может использоваться в трех смыслах: «1) *статистический показатель* качества процесса или продукта; 2) *цель* в области совершенствования деятельности, которая стремится к совершенству; 3) *система менеджмента*, направленная на достижение устойчивого лидерства в бизнесе и на производство товаров мирового уровня качества» [1]. Т.е. в современном понимании «Шесть сигм» рассматривается и как корпоративная философия, и как методология, и как инструментальный совершенствования деятельности.

В настоящее время имплементация этой модели СМК в деятельность криминалистических и судебно-экспертных лабораторий широко обсуждается в публикациях и практике зарубежных стран. Так, в частности, этот подход внедрен в систему менеджмента Института судебной экспертизы Министерства безопасности и юстиции Нидерландов [2]. Имеется опыт применения данного подхода и в криминалистических лабораториях США. Как пишет американский интернет-журнал «PoliceOne.com», перестройка работы ДНК-лаборатории полиции графства Монро (шт. Нью-Йорк, США) в соответствии с принципами «Бережливого производства» и «Шесть сигм» позволило вдвое сократить сроки проведения анализов и повысить производительность труда экспертов на 400% [3].

Действительно, описанный подход к построению системы качества имеет ряд преимуществ. Во-первых, использование среднеквадратичного отклонения в качестве единицы измерения позволяет, хотя и посредством достаточно непростых математических методов, унифицировать показатели различных контролируемых параметров, сделав их сопоставимыми. Во-вторых, правильная «настройка» допустимой вариативности контролируемого параметра может быть интерпретирована как ориентация системы на удовлетворение потребностей заказчиков. В-третьих, простота и наглядность самого показателя делает его удобным для восприятия работниками организации и позволяет строить с его помощью эффективную систему мотивации персонала. И, в-четвертых, главным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет в силу унифицированности показателей интегрировать всю совокупность процессов в единую систему менеджмента качества, учитывающую вклад в общий уровень качества как непосредственно «производства», так и обеспечивающей деятельности. В связи с этим специалист по планированию и организации внутреннего контроля качества медицинских лабораторий Г.С. Турковский в статье «Допустимая общая ошибка определения аналита и использование её в качестве стандарта аналитического качества в медицинских лабораториях» пишет: «Методология Шесть Сигм – универсальная система оценки и совершенствования качества процессов, статистически, при помощи сигма-шкалы, связывает уровень дефектов, сложность

продукта и способность процессов. Универсальность методологии, позволяет при помощи соответствующих инструментов проводить стандартную оценку качества методов лабораторного тестирования» [4].

Отмечается также положительный эффект от применения данного подхода управления качеством в обеспечении экономичности производства: «как правило, процессы лабораторного тестирования с высокой способностью в долгосрочной перспективе являются менее затратными и соответственно - более экономически эффективными по сравнению с процессами, имеющими низкую способность» [4]. Последнее обстоятельство имеет не малое значение и для судебно-экспертных организаций (СЭО). Не секрет, что значительная часть судебно-экспертных организаций, в том числе и государственных, существуют в рыночных условиях и их деятельность монетизирована². Это означает, что от экономических показателей деятельности СЭО зависит не только их техническая и методическая обеспеченность, но и уровень оплаты труда работников, прежде всего экспертов. Не требует специальных доказательств тот факт, что существует два основных способа улучшения финансирования самоокупаемой организации – это увеличение цен на ее «продукцию» или повышение эффективности производства. Первый путь имеет вполне объективные пределы. В экспертной среде, конечно, нет нужды объяснять, почему, например, стоимость экспертного исследования автомобильного двигателя может существенно превышать его розничную цену. Однако, учитывая, что судебная экспертиза, помимо прочего, носит выраженный социальный характер, представляется, что ресурс простого удорожания исследований практически исчерпан. Это обстоятельство делает постановку задачи повышения экономической эффективности экспертной деятельности безальтернативной, а модель СМК, идеология которой изначально включает, наряду с техническими, и экономические показатели, - предпочтительной.

Вместе с тем, модель «шесть сигм» имеет и ряд принципиальных недостатков,

делающих ее лишь ограниченно применимой в организации деятельности различного рода исследовательских организаций и, в частности, судебно-экспертных учреждений. Прежде всего, необходимо отметить, что данный подход ориентирован исключительно на статистические показатели и принципиально неприменим для оценки качества единицы продукции, в нашем случае – анализа конкретного заключения эксперта. В тех случаях, когда принципиальным является обеспечение качества каждой «единицы продукции» (как это присуще судебно-экспертной деятельности), соответствующая СМК должна иметь встроенные механизмы такого контроля, что в значительной степени девальвирует простоту и внутреннюю логичность системы «Шесть сигм».

Как видно из приведенного анализа, концепция «Шесть сигм» имеет высокий потенциал для формирования основы современной модели управления качеством судебно-экспертной организации. Однако ее практическое внедрение в деятельность СЭО должно сопровождаться сохранением с СМК полезных элементов функционального подхода, основанного на стандартах технической компетентности ИСО/МЭК 17025³. Это, прежде всего, касается вопросов формирования и поддержания компетентности экспертов, формирования и проверки пригодности методического обеспечения судебной экспертизы и подобных вопросов, носящих в основном качественный характер.

В заключении хочется отметить, что внедрение современных моделей менеджмента качества, отличающихся своим сложным комплексным характером, обещает весьма существенные результаты в деле повышения качества и эффективности деятельности СЭО, но требует немалых ресурсов и времени. Приведенный выше пример удачного внедрения СМК «Шесть сигм» в деятельность криминалистической лаборатории полиции графства Монро (США) потребовал подготовительного этапа длительностью в пять лет [3]. Однако полученные лабораторией результаты с лихвой оправдали потраченное время и силы.

² В рамках настоящей статьи мы не будем подробно обсуждать способы и формы финансового обеспечения судебно-экспертной деятельности, отметив лишь, что государственное задание, устанавливаемое некоторым категориям государственных СЭУ, также выражается в денежном виде.

³ Применительно к деятельности судебно-медицинских лабораторий в число системообразующих стандартов качеств и технической компетентности входит также ИСО 15189 «Лаборатории медицинские. Частные требования к качеству и компетентности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панде П., Холп Л. *Что такое «шесть сигм»? Революционный метод управления качеством*/ Пер, с англ. — 2-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 160 с.

2. *Knowledge for a successful forensic chain provided by The Netherlands Forensic Institute* // Published by: Netherlands Forensic Institute Ministry of Security and Justice. Rijksoverheid, November 2013. Размещено на официальном сайте NFI. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.forensicinstitute.nl/Images/brochure-nfi-academy-knowledge-for-a-successful-forensic-chain_tcm120-446193.pdf (дата обращения 26.07.2016).

3. *Wyllie D. NY crime lab improves efficiency with 'Lean Six Sigma' process* // Интернет-журнал «PoliceOne.com». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.policeone.com/investigations/articles/6177004-NY-crime-lab-improves-efficiency-with-Lean-Six-Sigma-process> (дата обращения 26.07.2016).

4. Турковский Г.С. *Допустимая общая ошибка определения аналита и использование её в качестве стандарта аналитического качества в медицинских лабораториях* // Сайт менеджмента качества в сфере лабораторной медицины. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://15189.ru/med-laboratorii/dopustimaya-obshchaya-oshibka-opredeleniya-analita-i-metodologiya-shest-sigm-v-ocenke-i-planirovanii-analiticheskogo-kachestva/> (дата обращения 26.07.2016).

REFERENCES

1. Pande P., Holpp L. *Chto takoe "shest' sigm"? Revolyutsionnyi metod upravleniya*

kachestvom [What is six sigma?]. Moscow: Al'pina Biznes buk Publ., 2005. 160 p. (In Russ).

2. *Knowledge for a successful forensic chain provided by The Netherlands Forensic Institute*. Published by: Netherlands Forensic Institute Ministry of Security and Justice. Rijksoverheid, November 2013. Available at: http://www.forensicinstitute.nl/Images/brochure-nfi-academy-knowledge-for-a-successful-forensic-chain_tcm120-446193.pdf (accessed 26.07.2016).

3. *Wyllie D. NY crime lab improves efficiency with 'Lean Six Sigma' process*. Available at: <https://www.policeone.com/investigations/articles/6177004-NY-crime-lab-improves-efficiency-with-Lean-Six-Sigma-process/> (accessed 26.07.2016).

4. Турковский Г.С. *Dopustimaya obshchaya oshibka opredeleniya analita i ispol'zovanie ee v kachestve standarta analiticheskogo kachestva v me-ditsinskikh laboratoriyakh*. [An admissible general error of determination of anolyte and its use as the standard of analytical quality in medical laboratories]. Available at: <http://15189.ru/med-laboratorii/dopustimaya-obshchaya-oshibka-opredeleniya-analita-i-metodologiya-shest-sigm-v-ocenke-i-planirovanii-analiticheskogo-kachestva/> (accessed 26.07.2016). (In Russ).

Сведения об авторе:

Кузьмин Сергей Анатольевич - доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов. Тел.: 8 (903)-579-51-63 e-mail: sakuzmin@gmail.com

Экспертная практика

Г.Г. Дзюба¹, Ю.С. Чехлатая², И.Н. Шлюндина²

¹ФБУ «Иркутская лаборатория судебной экспертизы»

Минюста России, Иркутск, Россия, 664081

²ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»

при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

ОСОБЕННОСТИ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ВЫСТРЕЛАМИ ИЗ ГЛАДКОСТВОЛЬНЫХ РУЖЕЙ ПАТРОНАМИ ДЛЯ ДАЛЬНИХ И СВЕРХДАЛЬНИХ ДИСТАНЦИЙ

В статье приведено описание патронов для стрельбы из охотничьих ружей для дальних и сверхдальних дистанций, а также повреждения, образованные при стрельбе данными патронами на дистанциях 15 – 100 метров. В качестве сравнительных образцов рассмотрены повреждения, образованные выстрелами из гладкоствольных охотничьих ружей патронами стандартного общепринятого снаряжения на дистанциях до 1 метра.

Ключевые слова: охотничье ружье, патроны, контейнер, поражающая способность, дальняя и сверхдальняя дистанция, огнестрельные повреждения.

G.G. Dzyuba¹, Yu.S. Chekhataya², I.N. Shlyundina²

¹Irkutsk Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, 664081

²Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

CHARACTERISTIC DAMAGES CAUSED BY SHOTS FIRED FROM SMOOTH BORE RIFLES WITH LONG-RANGE AND ULTRA LONG-RANGE ROUNDS

The paper describes long-range and ultra long-range hunting cartridges and characterizes damages caused by shots fired with these cartridges from distances of 15-to-100 m. Comparison shots were fired from smooth bore hunting rifles with standard commonly used rounds from distances up to 1 m.

Keywords: hunting rifle, cartridges, container, stopping power, long-range and ultra long-range shooting, gunshot damages.

В последние годы значительно расширился спектр патронов для гладкоствольного оружия. Для повышения эффективности стрельбы и поражающей способности многие производители выпускают патроны, конструктивно отличающиеся от общепринятых ранее патронов стандартного снаряжения.

Эффективность стрельбы и поражающей способности патронов сильно зависит от особенностей их снаряжения. Как правило, эффективная дальность стрельбы из гладкоствольных ружей патронами, снаряженными дробью, составляет 35 м. На больших расстояниях происходит значительный разлет множественного снаряда (дробин), снижающий его поражающую способность.

Учитывая спрос на патроны, способные поражать цель на дальних дистанциях, производители разрабатывали различные варианты их снаряжения. Так, на патронном заводе ООО «СКМ Индустрия» стали выпускать патроны дробовые на дальние (60-90 м) и сверхдальние (100-110 м) дистанции [1, 2]. Их отличительной особенностью от патронов обще-

принятого ранее стандартного снаряжения является использование специально сконструированного верхнего пыжа, представляющего собой «обратный контейнер». Согласно данным производителя, после выхода из ствола «обратный контейнер» перемещается вместе со снарядом дроби и переворачивается только на дальних и сверхдальних дистанциях. В инструкции, размещённой на упаковке, отмечается, что специальные элементы патронов обеспечивают дальний выстрел, так как верхний пыж переворачивается значительно позже, что дает хорошую осыпь на дистанциях 60-90 м или 100-110 м. Патроны снаряжаются дробью, импортным порохом и предназначены для производства выстрелов из охотничьих ружей 12 калибра с длиной патронника не менее 70 мм (2³/₄»).

Общий вид дробовых патронов на дальние (60-90 м) дистанции, компоненты их снаряжения, маркировочные обозначения и упаковка представлены на фото 1 и 2.

Параметры патронов:

- длина – 65,0 мм;
- диаметр корпуса – 20,2 мм;
- основание гильзы – металлическое, желтого цвета;
- высота основания гильзы – 10,0 мм;
- диаметр фланца – 22,4 мм.

Патроны состоят из белой полиэтиленовой гильзы, зеленого полиэтиленового пыжа – контейнера без лепестков с гладкой поверхностью, белого полиэтиленового пыжа – обтюратора, дроби и смеси пластинчатых порохов зеленого и серого цветов.

Фото 1. Общий вид упаковки, патронов на дальние дистанции и маркировочных обозначений на них.

Фото 2. Общий вид патрона на дальние дистанции в разрезе и компонентов его снаряжения.

На корпус гильз патронов нанесены маркировочные обозначения: «СКМ Индустрия» - наименование фирмы изготовителя; «60 метров» - дальность расстояния при выстреле; «0» и «4,25 мм» - номер и диаметр дроби; «70 мм» - длина гильзы. На дне гильзы патрона имеются маркировочные обозначения: «12» - калибр; «CHEDDITE» - наименование страны производителя гильзы – Франция.

Общий вид дробовых патронов на сверхдальние (100-110 м) дистанции, компоненты их снаряжения, маркировочные обозначения и упаковка представлены на фото 3 и 4.

Фото 3. Общий вид упаковки, патронов на сверхдальние дистанции и маркировочных обозначений на них.

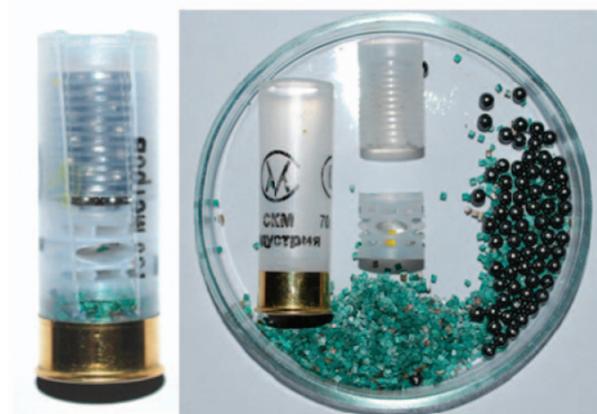

Фото 4. Общий вид патрона на сверхдальние дистанции в разрезе и компонентов его снаряжения.

Параметры патронов:

- длина – 65,5 мм;
- диаметр корпуса – 20,2 мм;
- основание гильзы – металлическое, желтого цвета;
- высота основания гильзы – 10,0 мм;
- диаметр фланца – 22,4 мм.

Патроны состоят из белой полиэтиленовой гильзы, белого полиэтиленового пыжа – контейнера без лепестков с ребристой поверхностью, белого полиэтиленового пыжа – obturator, дроби и смеси пластинчатых порохов зеленого и серого цветов.

На трубку гильзы патронов нанесены маркировочные обозначения: «СКМ Индустрия» - наименование фирмы изготовителя; «100 метров» - дальность расстояния при выстреле; «0» и «4,25» - номер и диаметр дроби; «70 мм» - длина гильзы. На дне гильзы патрона имеются маркировочные обозначения: «12» - калибр; «CHEDDITE» - наименование страны производителя гильзы – Франция.

В экспертной практике в лаборатории судебно-баллистической экспертизы ФБУ Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России (далее ЛСБЭ РФЦСЭ) отмечен только один случай представления на экспертизу таких патронов заводского снаряжения в 2014 году. Недостаток информации, имеющейся на тот момент, поставил экспертов в затруднительное положение, так как при всех видимых признаках заводского снаряжения патрона наличие перевернутого пыжа-контейнера вызывало сомнение в снаряжении его в заводских условиях. Впоследствии на экспертизу поступили патроны, снаряженные по этому подобию самодельным способом.

Как правило, на экспертизу поступают компоненты снаряжения патронов, изъятые с места происшествия и из тел потерпевших, и далеко не всегда имеется информация об особенностях снаряжения использованного патрона. Кроме отличий в снаряжении патронов на дальние и сверхдальние дистанции от патронов стандартного снаряжения, безусловно, имеются особенности морфологических признаков и распределения продуктов выстрела в области повреждений, причиненных с использованием указанных патронов. В связи с этим весьма актуальным является изучение данных отличительных особенностей повреждений. С этой целью в ЛСБЭ РФЦСЭ и в ФБУ Иркутская лаборатория судебной экспертизы (далее Иркутская ЛСЭ) было проведено исследование повреждений, образованных с различных дистанций с использованием патронов на дальние и сверхдальние дистанции.

Экспериментальные выстрелы в ЛСБЭ РФЦСЭ производили по мишеням из х/б ткани и бумаги, прикрепленным на твердую подложку из досок с использованием патронов на дальние и сверхдальние дистанции, снаряженных дробью № 0. Для сравнения выстрелы производили и с использованием патронов, снаряженных дробью № 0 в контейнере стандартным способом. Выстрелы производили с дистанций 15, 30, 50, 70 и 100 м из охотничьего ружья со сверловкой «получок». Параметры образовавшихся повреждений сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Параметры повреждений.

Дистанция выстрела в метрах, характеристика патронов и мишеней	Количество повреждений, шт.	Размер осыпи, см	Расстояние между повреждениями в зоне локализации, см	Расстояние между повреждениями от контейнера и от дроби, см; особенности формы повреждений
15 ПДД Мишень – бумага	27 от дроби и 1 от контейнера	45х32 локализация 15х20	1-10	1-12 Отлет дроби: 16-24
15 ПДД Мишень – х/б ткань	24 от дроби и 1 от контейнера	42х54 локализация 15х18	1-10	1-1 Отлет дроби: 19-30
30 ПДД Мишень – бумага	20 от дроби и 1 от контейнера	70х75 локализация 45х50	2-30	4-30 Отлет дроби: 40-55. есть овальные
30 ПДД Мишень – х/б ткань	28 от дроби и 1 от контейнера	60х65 локализация 45х50	2-25	0,5-25 Отлет дроби: 29-38
30 ПСД Мишень – бумага	17 от дроби и 1 от контейнера	40х70 локализация 30х30	2-20	2-20 Отлет дроби: 28-45 есть овальные с «язычками»
30 Патроны - дробь в контейнере Мишень – бумага	62 от дроби	65х80 локализация 50х50	1-20	Повреждения от контейнера нет

Дистанция выстрела в метрах, характеристика патронов и мишеней	Количество повреждений, шт.	Размер осыпи, см	Расстояние между повреждениями в зоне локализации, см	Расстояние между повреждениями от контейнера и от дробин, см; особенности формы повреждений
50 ПДД Мишень – бумага	14 от дробин и 1 от контейнера	140 x110 локализация 45x50	4-30	7-35 Отлет дробин: 49-84
50 ПДД Мишень – х/б ткань	18 от дробин и 1 от контейнера	100 /мишень узкая/ локализации нет	6-30	15-77
50 ПСД Мишень – бумага	8 от дробин и 1 от контейнера	96x98 локализации нет	10-30	34-61
50 Патроны - дробь в контейнере Мишень – бумага	50 от дробин	145x155 локализации нет	6-60	Повреждения от контейнера нет
70 ПДД Мишень – бумага	10 от дробин и 1 от контейнера	150x150 локализации нет	25-95	13-75
70 ПДД Мишень – х/б ткань	9 от дробин и 1 от контейнера	Более 100 / мишень узкая/ локализации нет	9-65	32-98
70 ПСД Мишень – бумага	3 поврежд, и 3 удара от дробин и 1 от контейнера	130x115 локализации нет	30-100	30-82
100 ПДД Мишень – бумага	3 овальных с «язычками» от дробин и 1 от контейнера	локализации нет	локализации нет	25, 55 и 95
100 ПСД Мишень – бумага	5 поврежд. и 17 ударов от дробин.	160x80 локализации нет	локализации нет	Повреждения от контейнера нет

Общий вид мишеней из х/б ткани и образованных на них повреждений, полученных при выстрелах патронами для дальних дистанций, с расстояния 15 и 50 м представлен на фото 5.

Анализ полученных повреждений показал, что их основной отличительной особенностью является то, что при использовании «обратного контейнера» сам контейнер долетает до преграды и образует на мишени повреждение правильной округлой (на бумаге) или близкой к квадратной (разрыв по основе и утку ткани) формы. Как известно, повреждение от контейнера при использовании стандартно снаряженных патронов образуется при выстрелах до 2, максимум 3 м, при этом оно чаще всего не имеет ровной округлой формы. При производстве выстрелов с использованием патронов стандартного снаряжения дробью в контейнере на близких дистанциях до 15-20 см контейнер компактно входит в преграду вместе со снарядом, образуя одно повреждение с рваными и растянутыми краями от сильного воздействия на преграду газо-пороховой струи. На дистанциях 20-30 см контейнер также компактно входит в преграду вместе со снарядом, но уже начинают раскрываться его лепестки, и в области повреждения образуются разрывы и следы от лепестков. Далее края повреждения становятся фестончатыми, и потом начинается разлет дроби. Когда контейнер отделяется от дроби и причиняет повреждение, то оно также не бывает ровным округлым, т.к. контейнер к этому моменту уже раскрыт, преграду рвут лепестки, бывает перевернут и может войти боковой поверхностью. При использовании «обратного контейнера» количество повреждений от дробин, образованных вокруг повреждения от контейнера значительно меньше, чем при использовании стандартно снаряженных патронов. На дистанциях 15 и 30 м наблюдается зона локализации дробин вокруг повреждения

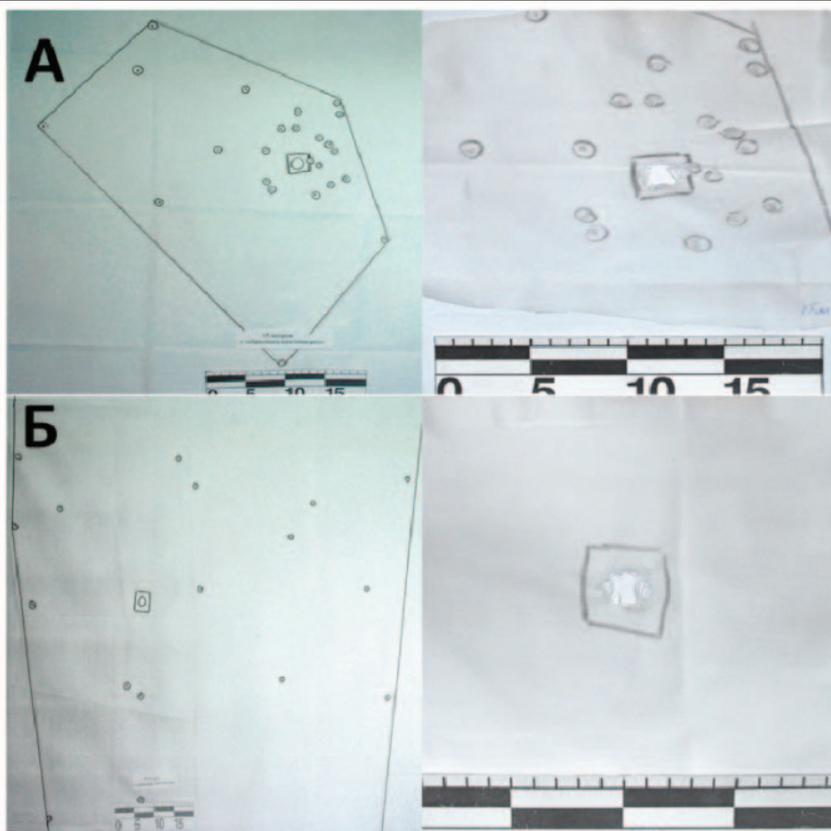

Фото 5. Общий вид мишени из х/б ткани и образованных на ней повреждений, полученных при выстреле патроном для дальних дистанций с расстояния: А - 15 м; Б – 50 м. Места расположения повреждений от дроби обведены кругами, повреждения, образованные контейнерами - квадратом.

от контейнера и отлет отдельных дробинок на значительные расстояния. На дистанциях 50 и 70 м повреждения от отдельных дробинок хаотично разбросаны по мишени. Некоторые повреждения от дробинок имеют овальную форму и с «язычком», а на дистанциях 70 и 100 м имеются следы удара дробинок без причинения сквозных повреждений. Вероятно, что овальные повреждения образуются дробишками, которые вылетают из контейнера после соударения его с твердой преградой подложки. Только при выстрелах с расстояния 100 м контейнер не долетал до преграды, но и сквозных повреждений от дробинок было не более 5.

В ФБУ Иркутской ЛСЭ экспериментальные выстрелы производили патронами, предназначенными для стрельбы на дальние дистанции (60-90 м) снаряженными дробью № 3 (фото 6).

Фото 6. Общий вид упаковки, патронов на сверхдальние дистанции и маркировочных обозначений на них (эксперимент).

Стрельба осуществлялась из самозарядного охотничьего ружья Browning Auto-5 с дульным сужением «чок» по свободно висящим мишеням из бумаги. Выстрелы производили с предельной дистанции, указанной производителем – 90 м и 150 м – максимальная дистанция стрельбы на стрельбище. Задержек в работе автоматики ружья при использовании указанных патронов не наблюдалось. С каждой дистанции производили по 5 выстрелов. Во всех случаях отмечено повреждение преграды пластмассовым контейнером, с незначительным количеством повреждений дробинами – от 4 до 10. Повреждение от контейнера на мишенях имело правильную округлую или близкую к ней форму (фото 7).

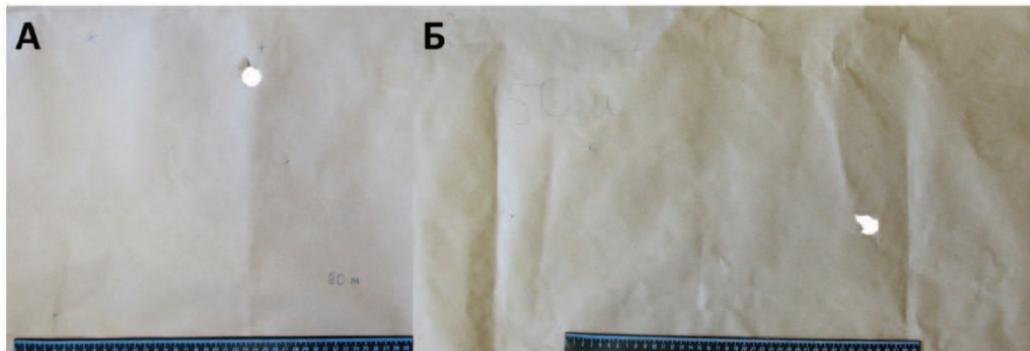

Фото 7. Общий вид бумажных мишеней и образованных на них повреждений, полученных при выстреле патронами для дальних дистанций с расстояния: А - 90 м; Б – 150 м.

При осмотре пространства за мишенью, установленной на отметке 150 м., примерно в 20 м был обнаружен один из стреляных контейнеров (фото 8).

Фото 8. Общий вид «обратного контейнера» после выстрела (обнаружен на дистанции около 170 м).

Таким образом, при экспериментах, проведенных как в РФЦСЭ, так и в Иркутской ЛСЭ, контейнеры на дальних дистанциях не переворачивались, образуя «хорошую осыпь», как указывает производитель, а проходили сквозь мишень компактно, как пуля, образуя сквозное ровное округлое повреждение от контейнера и незначительное количество мелких повреждений от дробинок.

На х/б мишенях области с повреждениями, полученными в результате экспериментальной стрельбы в ЛСБЭ РФЦСЭ с дистанций 15, 30, 50 и 70 м патронами для дальних дистанций были исследованы на наличие свинца с использованием диффузно-контактного метода. На контактограммах с повреждений, образованных с дистанций 15 и 30 м, свинец проявился по краю повреждения, образованного контейнером и в поясах обтирания повреждений, образованных дробинами. На контактограммах с повреждений, образованных с дистанций 50 и 70 м, свинец проявился только по краю повреждений, образованных контейнером. При этом повреждения от дробинок не отобразились, т. к. они находились на значительном расстоянии от повреждения от контейнера (за пределами размера использованной фотобумаги - 18x24 см). Общий вид контактограмм с повреждений, образованных с дистанций 15 и 50 м, представлен на фото 9.

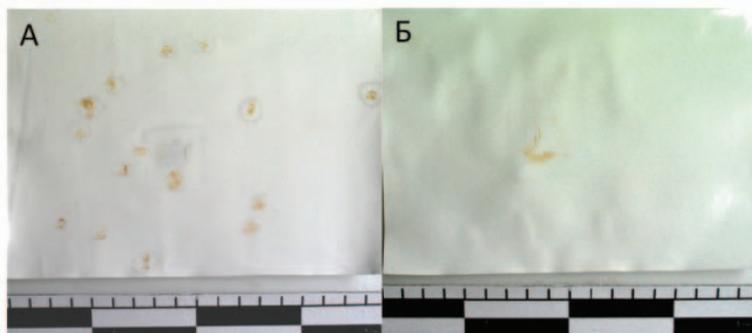

Фото 9. Общий вид топографии отложения свинца в области повреждений, образованных при выстреле патронами для дальних дистанций с расстояния: А - 15 и Б - 50 м.

Сравнительный анализ повреждений и контактограммам, полученных при использовании патронов стандартного снаряжения дробью в контейнере, с дистанций, когда происходит разлет дробин и на преграде образуются повреждения от контейнера и от дробин (1-3 м), показал, что свинец проявляется не только по периметру повреждения от контейнера, но и в виде значительно большего количества поясков обтирания от дробин, локализованных вокруг него, а также распыленного свинца. На контактограммах с повреждений, образованных с дистанций до метра (контейнер с дробью проходит практически компактно) в области повреждения отлагается гомогенный и распыленный свинец, иногда с металлическим блеском.

Основными отличительными особенностями повреждений, образованных патронами, снаряженными дробью в «обратном контейнере» при производстве выстрелов с 15, 30, 50 и 70 м, от повреждений, образованных стандартно снаряженными патронами дробью в контейнере является:

- образование на преграде ровного округлого или близкого к квадратному (на х/б ткани) повреждения от контейнера, которое по морфологическим признакам отличается от повреждений, образованных при использовании патронов стандартного снаряжения даже на близких дистанциях, когда еще нет разлета дробин и контейнер компактно со снарядом входит в преграду;
- образование в области повреждения от контейнера значительно меньшего количества повреждений от дробин и на существенно большем расстоянии от него, чем при использовании стандартных патронов, снаряженных дробью в контейнере с дистанций, когда на преграде может образоваться повреждение от контейнера и дробин (1-3 м);
- проявление значительно меньшего количества свинца, отсутствие гомогенного и распыленного свинца на контактограммах, полученных с повреждений, образованных при выстреле с дальних дистанций (15, 30, 50, 70 м);

Кроме описанных выше проведенных исследований ЛСБЭ РФЦСЭ были получены и исследованы повреждения, образующиеся при производстве выстрелов по мишеням из х/б ткани, прикрепленным на твердую подложку из досок с использованием патронов на дальние дистанции (с «обратным» контейнером) дробью № 0 с близких расстояний: 15, 30, 50 и 70 см.

Было установлено, что при производстве выстрелов с близких дистанций дальноточными патронами образуется компактное повреждение и на контактограммах проявляется гомогенный металл и точечные включения свинца.

Как известно, при производстве выстрелов стандартно снаряженными патронами дробью в контейнере с близких дистанций (до 80-100 см) на преграде образуется одно повреждение – первоначально компактное, затем начинают раскрываться лепестки контейнера, отображаясь вокруг повреждения, затем образуется фестончатый край и далее начинается разлет дробин. На контактограммах проявляется гомогенный металл, отпечаток лепестков контейнера и распыленные точечные включения.

Общий вид повреждений и контактограмм при стрельбе с близких расстояний: 15, 30, 50 и 70 см патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере и патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером» приведены на фото 10-17.

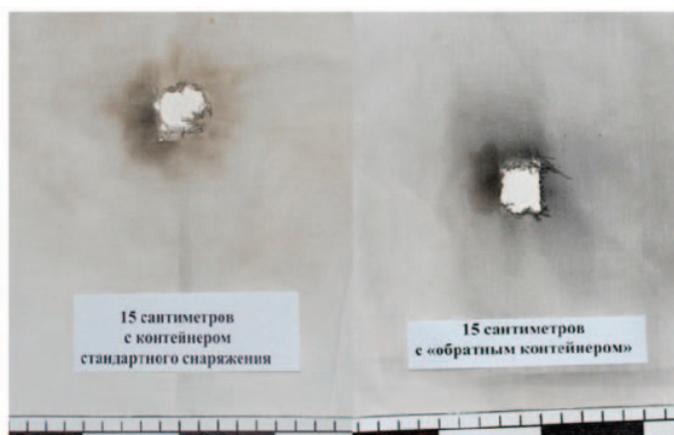

Фото 10. Общий вид повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 15 см патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере и патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

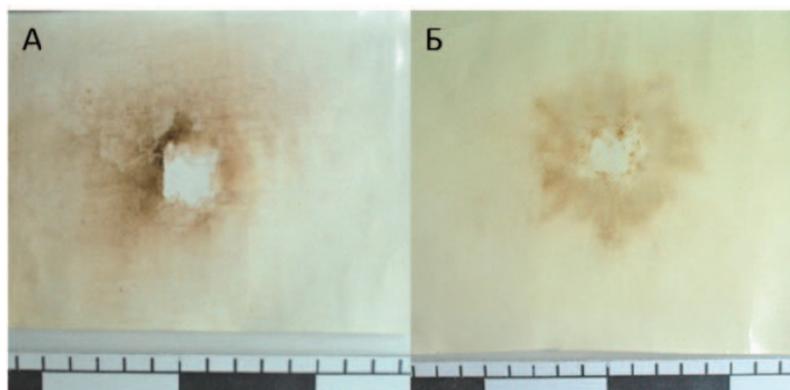

Фото 11. Общий вид топографии отложения свинца в области повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 15 см: А – патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере; Б – патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

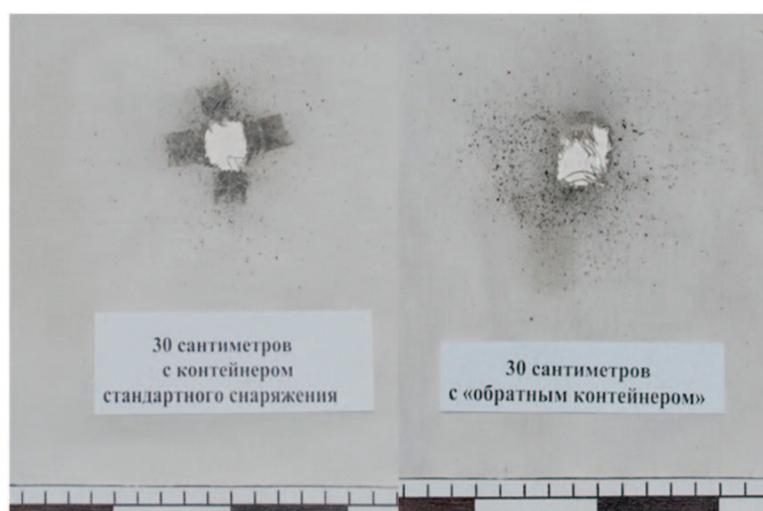

Фото 12. Общий вид повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 30 см: патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере и патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

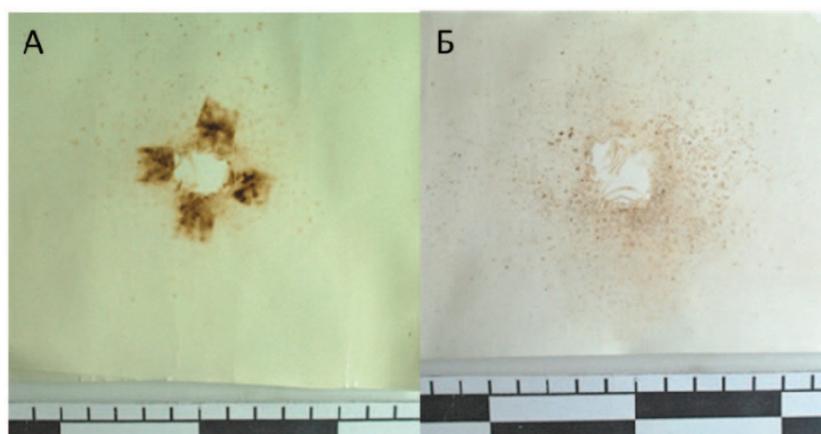

Фото 13. Общий вид топографии отложения свинца в области повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 30 см: А – патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере; Б – патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

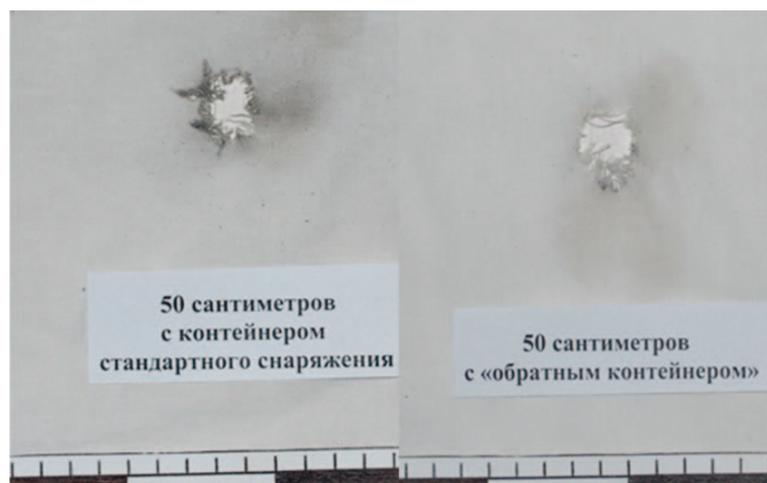

Фото 14. Общий вид повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 50 см патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере и патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

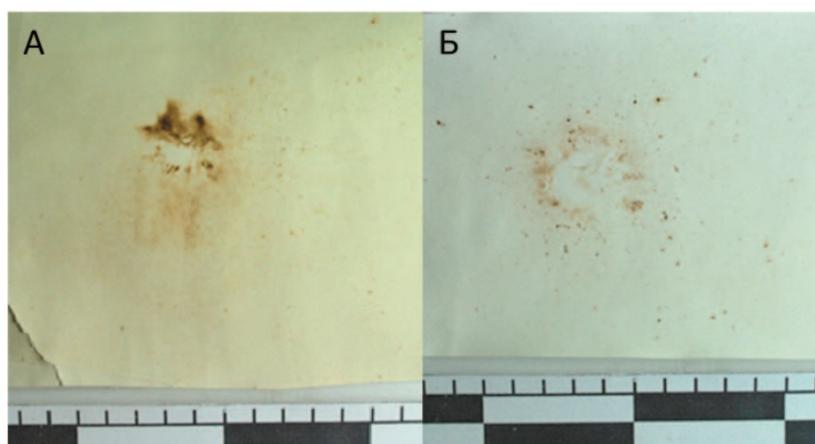

Фото 15. Общий вид топографии отложения свинца в области повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 50 см: А – патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере; Б – патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

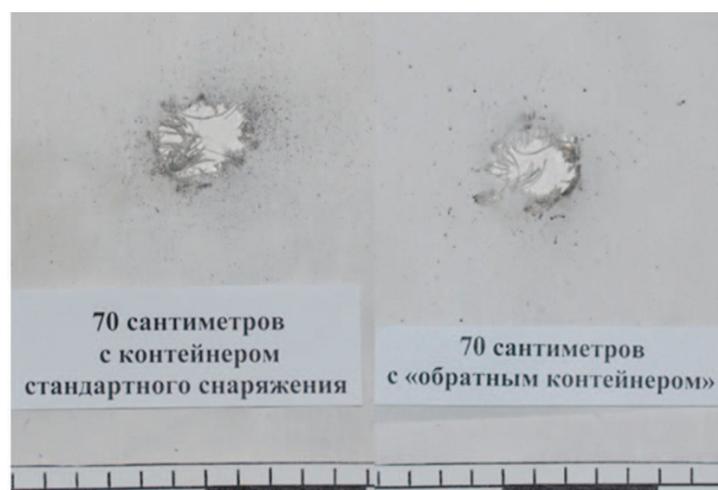

Фото 16. Общий вид повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 70 см: патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере и патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

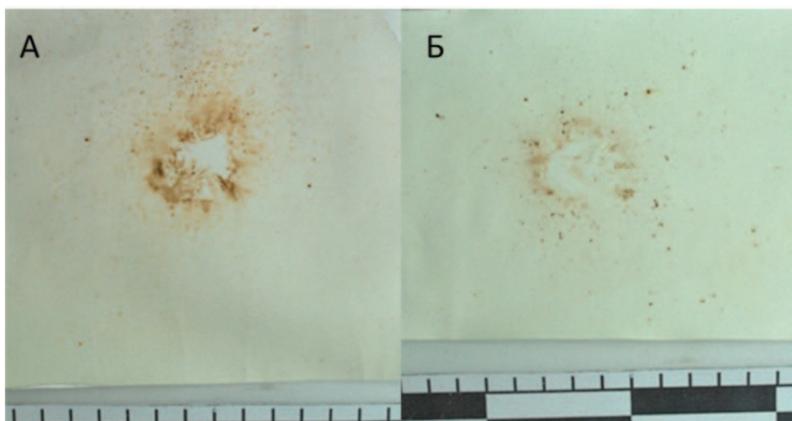

Фото 17. Общий вид топографии отложения свинца в области повреждений, образованных при стрельбе с дистанции 70 см: А – патронами, стандартно снаряженными дробью в контейнере; Б – патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером».

Таким образом, при производстве выстрела патронами для дальних дистанций с близкого расстояния отличительной особенностью является только отсутствие отпечатков лепестков контейнера, а других каких-либо ощутимых отличий от повреждений, полученных при производстве выстрела стандартно снаряженными патронами, не имеется. Можно предположить, что если контейнер будет безлепестковый, то различия в характере повреждений и топографии отложения металлов будут практически отсутствовать.

Знание отличительных особенностей морфологических признаков повреждений, причиненных выстрелами патронами, снаряженными дробью с «обратным контейнером», а также закономерности топографии отложения металлов поможет экспертам отличать их от повреждений, образованных стандартно снаряженными патронами для ближних дистанций. Следует отметить, что на одежде, где, как правило, не отображается полная картина осыпи дроби, обнаружить и установить данные признаки затруднительно, что может привести к неверной оценке расстояния выстрела. Поэтому при наличии каких-либо отклонений от общеизвестных морфологических признаков при исследовании повреждений необходимо привлечение дополнительной подробной информации о виде и особенностях снаряжения патронов, примененных на месте происшествия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дальний выстрел дробью от СКМ. *Мастер Ружьё*. – 2009. – № 11. – С. 11.
2. Дегтярёв М. Гусь на ста метрах – простая цель? Стометровые патроны СКМ. *Калашников*. – 2010. – №5. – С. 64-65.

REFERENCES

1. Dal'nii vystrel drob'yu ot SKM [Distant shot from SKM]. *Master Ruzh'e*. 2009, No 11, p. 11. (In Russ).
2. Degtyarev M. Gus' na sta metrakh – prostaya tsel'? Stometrovye patrony SKM [100-meters cartridges SKM]. *Kalashnikov*. 2010, No 5, pp. 64-65. (In Russ).

Сведения об авторах:

Дзюба Геннадий Григорьевич - начальник ФБУ Иркутская лаборатория судебной экспертизы Минюста России, тел: 8(395)-270-22-97, e-mail: sudexpert@irk.ru

Чехлатая Юлия Сергеевна - государственный судебный эксперт лаборатории судебной баллистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; тел: 8 (495) 181-57-57 (доб. 9001); e-mail: sbl@sudexpert.ru

Шлюндина Ирина Николаевна - заместитель заведующего лабораторией судебной баллистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России: тел.: тел: 8 (495) 181-57-57 (доб. 9001); e-mail: sbl@sudexpert.ru

Методики,
методические
рекомендации,
информационные
письма

Ф.С. Сафуанов, О.Ф. Савина, М.В. Морозова, И.В. Исаева
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия, 127994

КРИТЕРИИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ЮРИДИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ОБВИНЯЕМЫХ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ¹

Приведены многомерная классификация судебно-психологического понятия аффекта, эмоциональные реакции и состояния. Раскрыты критерии дифференциальной диагностики аффекта и эмоциональных состояний, оказывающих существенное влияние на сознание и поведение обвиняемых в момент совершения правонарушения. Даны алгоритм производства экспертизы эмоциональных состояний обвиняемого, типичные формулировки экспертных выводов, показано их юридическое значение.

Ключевые слова: *психологический анализ, аффект, экспертное понятие, эмоциональное состояние.*

F.S. Safuanov, O.F. Savina, M.V. Morozova, I.V. Isaeva
V.P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry
of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, 127994

CRITERIA FOR PSYCHOLOGICAL EVALUATION OF LEGALLY RELEVANT EMOTIONAL STATES OF DEFENDANTS: METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS

The paper discusses a multivariate classification of the concept of "heat of passion" as it is used in forensic psychology, as well as emotional reactions and emotional states. It explores the criteria for differential diagnosis of "heat of passion" and emotional states that have a significant effect on the defendant's consciousness and behavior at the time of committing a crime. An algorithm of forensic psychological evaluation of the defendant's emotional states is proposed, together with examples of sample wording of expert conclusions, and their legal meaning.

Keywords: *psychological evaluation, heat of passion, forensic concept, emotional state.*

ВВЕДЕНИЕ

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза эмоционального состояния (далее КСППЭ) у обвиняемого в момент совершения им агрессивно-насильственных действий относится к числу наиболее сложных видов экспертной деятельности. Она должна базироваться на сформированной, лишенной внутренних противоречий и содержательных лакун, методологии и четких критериях экспертной оценки. Проведение подобных экспертиз требует от психолога умения использовать и применять на практи-

¹ Публикуется по: Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации. - М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. - 28 с.

ке специальные научные знания, владения методами ведения клинко-психологической беседы, ретроспективного психологического анализа уголовного дела и приобщенных к нему материалов с целью выявления наличия или отсутствия у подэкспертного в момент совершения правонарушения значимых признаков юридически релевантных эмоциональных состояний. Вместе с тем, несмотря на большой объем научной и методологической литературы по данной проблеме, в настоящее время нельзя говорить о сложившемся едином подходе к диагностике аффекта, поскольку эксперты нередко не только оперируют разными критериями экспертной оценки, но и ориентированы на различные континуумы психологических юридически значимых состояний. Такое положение дел затрудняет работу как самих психологов-экспертов, в частности нарушая взаимопонимание между ними, так и применение экспертных выводов следственными и судебными органами.

Вопросы оценки и квалификации аффективных состояний имеют междисциплинарный характер, что часто приводит к смешению системы используемых категорий, хотя обозначаемые одним и тем же термином юридические и психологические категории имеют не полностью совпадающее смысловое наполнение. То же относится и к соотношению судебно-психологических экспертных понятий с общепсихологическими: один и тот же термин, обозначающий эмоциональное состояние человека, в судебной и общей психологии может быть не полностью тождественным. Смешение этих двух подходов в экспертном исследовании вызывает у следственных и судебных органов значительные затруднения при использовании заключений экспертов для квалификации «аффективных» преступлений.

Традиционно, еще до введения в 1997 г. УК РФ, при определении непатологических состояний с аффективно обусловленными нарушениями криминального поведения использовались судебно-психологические экспертные понятия «аффект» и «эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и деятельность субъекта в ситуации правонарушения». При этом с юридической категорией «внезапно возникшее сильное душевное волнение» соотносились экспертные выводы о наличии у обвиняемого как физиологического (или кумулятивного) аффекта, так и иного эмоционального состояния при условии, что оно характеризуется внезапностью возникновения, частичным сужением сознания и спровоцировано действиями потерпевшего. Если признак внезапности отсутствовал, эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на поведение обвиняемого при совершении инкриминируемого ему деяния, могло быть соотнесено с «сильным душевным волнением» и служить основанием для оценки его как смягчающего вину обстоятельства (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

В действующем УК РФ в текст ст.ст. 107 и 113 введено понятие «аффекта», но при этом сохранилось и обозначение «извинительного» эмоционального состояния – «внезапно возникшего сильного душевного волнения». Прямое указание на выраженные эмоциональные состояния в качестве смягчающих ответственность обстоятельств из соответствующего перечня исчезло. В результате термин «аффект» стал употребляться в трех значениях: общепсихологическом, поскольку психолог проводит анализ динамики эмоционального реагирования в категориях своей специальности; экспертном судебно-психологическом, так как в качестве эксперта он же дает оценку выявленному им состоянию; и уголовно-правовом, играющем значимую роль при квалификации состава преступления. Наряду с этим в экспертных заключениях (как и в экспертных заданиях судебно-следственных органов) используется понятие «существенное влияние» эмоционального состояния, которое либо соотносится с экспертной категорией аффекта, либо противопоставляется ей, что ставит под сомнение его экспертное квалифицирующее значение в силу двойственности его трактовки.

Проблемы диагностики и квалификации аффекта обусловлены не только противоречиями, заложенными в истории развития методологии данного вида экспертиз, но и трансформацией самих аффективных состояний, связанной с воздействием макросоциальных факторов на мотивационно-ценностную систему и регуляторные ресурсы личности. Еще одним фактором, размывающим экспертные критерии квалификации данной экспертной категории, является и трансформация протекания психологических эмоциональных состояний в изменившихся условиях социума. Как показывает практика, в настоящее время лишь часть случаев в полной мере соотносится со считавшимися ранее обязательными признаками «классического» аффекта.

Сложившееся положение делает актуальным уточнение системы психологических понятий в их соотношении с экспертными категориями, корректировку экспертных критериев ди-

агностики аффекта, его дифференциации с другими эмоциональными состояниями, сопровождающимися существенным снижением уровня произвольной регуляции деятельности.

ОПИСАНИЕ МЕТОДА

1. Аффект как судебно-психологическое экспертное понятие

Из множества видов и признаков аффектов, описанных в общей психологии, в судебно-психологическое экспертное понятие аффекта вошли только те, которые могут быть прямо использованы при квалификации судом внезапно возникшего сильного душевного волнения. Во-первых, из всех разновидностей аффектов как особого класса эмоциональных состояний, с «душевым волнением» у обвиняемого соотносятся только аффекты гнева и ярости (хотя диапазон дополнительных переживаний может быть шире – страх, обида, глубокое унижение и др.). Во-вторых, уголовно-релевантный аффект должен содержать признак «внезапности», прямо указанный в ст. ст. 107 и 113 УК РФ. В-третьих, такой аффект должен вызываться не широким кругом причин (как описано в общей психологии), а психотравмирующими для обвиняемого действиями потерпевшего – либо непосредственно перед содеянным, либо в условиях длительной фрустрирующей ситуации. В-четвертых, указание законодателя, что «душевное волнение» обвиняемого должно быть «сильным», определяет экспертную квалификацию как аффекта только тех эмоциональных реакций и состояний, которые сопровождаются выраженными нарушениями осознанной регуляции совершаемых криминальных действий.

В психологической экспертизе существовала четкая дихотомия с противопоставлением физиологического аффекта (долгое время этим термином обозначали и кумулятивный его вариант) с патологическим. В процессе развития в судебной психологии теории и методологии аффекта представления о нем стали более дифференцированными: физиологический аффект был отделен от кумулятивного по механизмам возникновения; выделены аномальный аффект у психопатических личностей и аффект на фоне простого алкогольного опьянения. Наряду с этим, в силу невозможности охватить все психологически обусловленные аффективные реакции понятием физиологического аффекта с его жесткими надличностными критериями была предложена и широко вошла в практику диагностика эмоциональных состояний (возбуждения, напряжения), существенно ограничивающих осознанность и произвольность инкриминируемого поведения. При этом подчеркивалось качественное отличие таких состояний от аффекта – по глубине или характеру нарушений сознания и произвольной регуляции деятельности.

В современной методологии КСППЭ эмоциональных состояний собственно психологический анализ является необходимым, но недостаточным этапом квалифицирующего экспертного суждения. Аффект стал рассматриваться как **экспертное понятие**, за которым стоят различные по механизмам возникновения и протекания психологические состояния, возникающие в ответ на фрустрирующие воздействия не только объективно, но и субъективно внезапно, и объединенные наличием юридически значимых нарушений произвольной регуляции деятельности. Расширились представления об атипично протекающих аффектах у лиц с психическими расстройствами, не исключая вменяемости, в том числе в соотношении с категорией «ограниченной вменяемости», была выделена специфика аффектов у подростков. Вместе с тем система используемых критериев, вариантов экспертных выводов, их корреляция с экспертными заданиями усложнились и утратили четкость и однозначность.

Разное понимание понятия аффекта в общепсихологическом, судебно-психологическом и уголовно-правовом значениях, широта континуума эмоциональных состояний, сопровождающихся дисрегуляцией деятельности, порождает множество проблем для судебной экспертизы. К основным проблемам можно отнести вопросы об объеме судебно-психологического экспертного понятия аффекта; о необходимости диагностики иных эмоциональных состояний, нарушающих произвольную регуляцию криминальных действий, и их правовом значении; о критериях дифференциации аффекта с временными психическими расстройствами.

2. Объем судебно-психологического экспертного понятия аффекта

На сегодняшний день существует несколько классификаций подобных состояний, различия между которыми окажутся не столь значительными, если упорядочить и унифици-

ровать основания типологии аффекта, а не использовать их как взаимозаменяющие. Исходя из принципа единства оснований классификации, можно выделить следующие оси, позволяющие систематизировать представления об аффекте как о психологическом феномене.

- **Механизм образования**, в соответствии с которым целесообразно подразделять аффекты на *кумулятивные* и *реактивные (физиологические)*. Физиологические (реактивные) аффекты развиваются в ответ на непосредственные острые психотравмирующие обстоятельства, кумулятивные – в условиях длительной психотравмирующей ситуации.

- **Характер аффективной реакции**. Аффект может протекать в виде эмоционального *возбуждения* (с взрывной или иной аффективной разрядкой) или *напряжения*. При этом возможны варианты с мобилизацией ресурсов для аварийного реагирования (взрыв, формирование аффективно насыщенной цели) либо с преобладанием хаотичной дезинтегрированной активности.

- **Специфика протекания**, в зависимости от которой могут выделяться аффекты *типичные* (соответствующие классическим представлениям о трехфазной динамике и феноменологии изменений восприятия, сознания и деятельности) и *атипичные* – с качественной трансформацией содержания и динамики фаз.

- Базисом, на котором развиваются аффективные состояния, является личность со всеми ее особенностями, в том числе и возможностью наличия психического расстройства – то есть при диагностике аффекта обязателен учет и **личностно-патоперсоналогического (субъектного)** фактора.

По выделенным осям может быть классифицировано любое психологическое состояние, соответствующее экспертной категории «аффект» с учетом субъектного фактора: психическое здоровье или наличие расстройства, аномалии развития, наличие алкогольного опьянения или иной интоксикации, состояние после непосредственно полученной черепно-мозговой травмы, особенности психической деятельности, эмоционально-волевой и личностной сфер.

При квалификации у подэкспертного аффекта (экспертная категория) необходимо включать в него следующий спектр психологических состояний – **физиологического** (реактивного) **аффекта**, протекающего всегда в форме **возбуждения**; **кумулятивного аффекта**, разрядка при котором может происходить как форме **возбуждения**, так и **напряжения**. Следует учитывать, что кумулятивная форма аффекта может протекать как **типичным** способом, так и **атипичным** (рис. 1). При этом указанные состояния должны отвечать признакам внезапности возникновения, в том числе – субъективной; развития их в ответ на острую фрустрацию или длительные психотравмирующие воздействия со стороны потерпевшего; наличия выраженных нарушений регуляции деятельности в момент совершения агрессивных действий.

Рис. 1. Объем судебно-психологического понятия «аффект».

Наряду с методологическими трудностями при квалификации аффекта в экспертизе значимой проблемой является соотнесение отмечаемых в последнее время изменений в феноменологии течения эмоциональных реакций и поведения в криминальной ситуации с классическими критериями аффекта. При проведении КСППЭ эмоциональных состояний психологи-эксперты часто сталкиваются с аффективными реакциями, не укладывающимися в представления об «аффективном взрыве», «внезапных взрывного характера изменениях

² Используемая экспертами психологическая категория «аффект в форме **существенного влияния выраженного эмоционального напряжения**» по сути соответствует кумулятивному аффекту, протекающему с разрядкой не возбуждения, а напряжения.

³ Включает в себя эмоциональные реакции, часто описываемые экспертами как «**эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение**».

психической деятельности», «резкой разрядке эмоционального напряжения», хотя при этом личностный уровень регуляции в процессе совершения криминальных действий оказывается грубо нарушенным. Такая трансформация протекания аффективных состояний связана с влиянием социально-психологических факторов на систему ценностей и приоритетов, способы совладающего поведения и используемые копинг-стратегии, требования личности к себе и окружающим. В результате в юридически релевантном поведении субъекта при совершении агрессивных действий претерпевают изменения характер и течение эмоциональных реакций и сопровождающая их феноменология, в частности специфические особенности сознания и восприятия. При этом трансформации подвержены все стадии, в том числе и наиболее «устойчивая» к влияниям индивидуальности фаза аффективного взрыва.

При квалификации аффекта в случае его нетипичного течения следует учитывать генез, механизмы и феномены трансформированных аффективных реакций.

1. Трудности отреагирования и преодоления отрицательных эмоций при отсутствии жестких социальных ориентиров, возрастании личной ответственности человека, расширении спектра общественно приемлемых вариантов решения проблем, ограничении внешней поддержки и помощи обуславливают рост фрустрации и кумуляцию эмоционального напряжения.

2. Даже у психически здоровых лиц с достаточным уровнем адаптации хроническая фрустрация, в том числе социально обусловленная, приводит к формированию «аффективного тупика» и дистресса с истощением не только личностных, но и психофизиологических ресурсов.

3. Структура деятельности нарушается еще до фазы аффективной разрядки, личностный уровень регуляции в значительной степени редуцируется, намерения и побуждения носят безальтернативный характер, страдает способность к их рациональной оценке, сдерживанию. Уже в этот период отмечаются изменения восприятия, специфические вегетативные ощущения. На фоне «аффективного туннеля» агрессивные действия возникают субъективно внезапно, несмотря на некоторую отсроченность от внешнего повода.

4. Аффективная разрядка часто наступает на фоне чувства усталости, апатии, истощения со снижением энергетического потенциала; она может быть ундулирующей, достаточно пролонгированной, внешне представляться относительно сложно организованной.

5. Постаффективная фаза отличается полиморфной феноменологией.

Таким образом, по глубине нарушений сознания и поведения трансформированные аффективные состояния, при которых личностный уровень регуляции утрачивается, структура деятельности нарушается, агрессивные действия субъективно внезапны, безальтернативны и зачастую воспринимаются как «насильственные», должны быть отнесены к экспертному понятию «аффект», протекающему в форме разрядки эмоционального напряжения с атипичным течением.

3. Дифференциальная диагностика уголовно-релевантного аффекта и эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение

Дихотомия оценок – аффект/отсутствие аффекта – упрощает экспертную работу психологов и юридическую квалификацию эмоциональных состояний обвиняемого, имея преимущество четкости и однозначности. Однако сами по себе состояния с эмоционально обусловленной дисрегуляцией, как показывает многолетняя экспертная практика, значительно сложнее и представляют собой определенный континуум: от болезненных и аффекта до других – отличающихся от аффекта по глубине и специфике нарушений деятельности, по особенностям течения и феноменологии. Такие состояния экспертами квалифицируются как «эмоциональное напряжение» или «возбуждение», оказывающие *существенное влияние* на сознание и деятельность субъекта в момент совершения криминального действия. Они более индивидуализированы и отчасти личностно детерминированы, но все же влияют на способность лица к произвольной регуляции деятельности, исключая целенаправленную активность и преднамеренность агрессивных действий. Потребность в дифференцированных психологических оценках определяется и спецификой уголовного процесса, который должен наиболее полно установить все значимые обстоятельства, влияющие на меру вины и ответственности, что подтверждается практикой правоприменения.

Для четкого понимания круга психологических состояний, подпадающих под экспертную категорию «существенное влияние эмоционального состояния» важно четко представлять дифференцирующие его критерии в соотношении с другими аффективно обусловленными состояниями.

Наиболее значимые экспертные критерии дифференциации психогенно обусловленных эмоциональных состояний обвиняемого в момент совершения правонарушения, включая патологические, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Критерии дифференциации эмоциональных состояний обвиняемого.

Патологическое состояние	Аффект	Существенное влияние на сознание и поведение	Без существенного влияния на сознание и поведение
<i>Переживания</i> в момент деликта либо нивелируются, либо приобретают патологический характер.	Острота переживаний , охваченность ими, непереносимость с выхолащиванием содержания событий.	Охваченность переживаниями при их связанности с событийной стороной.	Непосредственность и интенсивность переживаний с включенностью в актуальную ситуацию и ее динамику.
Критический вход , в плане отражения действительности воспринимается: как утрата сознания и связи с реальностью; как сумеречное помрачение сознания с заполненностью психопатологической продукцией.	Изменение сознания по типу аффективной суженности (как результат) в условиях взрыва или дезорганизации.	Сужение (как процесс) сознания по механизмам аффективной дезорганизации.	Отсутствие значимых изменений со стороны сознания.
Восприятие искажено , появляется продуктивная психотическая симптоматика: гипоактуации, гиперактуации, иллюзорные восприятия, функциональные галлюцинации, нарушение схемы тела.	Фрагментарность восприятия вплоть до проявлений иллюзорности и дереализации, а также отдельных элементов деперсонализации; нарушения константности, целостности, структурности и осмысленности восприятия.	Сужение поля восприятия , нарушение селективности восприятия, возможна ундуляция изменений целостности и осмысленности восприятия.	Повышенная избирательность восприятия с фиксацией на фрустрирующем объекте; возможна редукция сложных видов восприятия.
Дезориентировка и нарушения мышления , совершаемые действия соотносятся с психотическими переживаниями.	Возможность наличия отдельных аффективно обусловленных целей, возникших еще на первой стадии при редукции интеллектуальной деятельности в целом – нарушение интеллектуального контроля .	Доминирование аффективной логики, неспособность к рациональному осмыслению создавшейся ситуации с признаками дезорганизации мышления – снижение интеллектуального контроля .	Отдельные проявления аффективной логики при в целом сохранности основных компонентов интеллектуального контроля .

Патологическое состояние	Аффект	Существенное влияние на сознание и поведение	Без существенного влияния на сознание и поведение
<i>Нарушение</i> интегративных и аналитико-синтетических функций мышления приводит к искажению оценочной деятельности и прогноза, непониманию или неадекватному значению своих действий.	<i>Нарушение</i> интегративных и аналитико-синтетических функций мышления, критических возможностей, оценочной деятельности и прогноза .	Трудности целостного и критического осмысления всех параметров ситуации, что обуславливает существенное снижение способности к оценке и прогнозу своих действий и их результата. Возможна частичная оценка отдельных аспектов.	Достаточный охват всех параметров ситуации при субъективной оценке происходящего с понижением интегративной оценки, значимости социальной составляющей своих действий и их значения .
Нарушение волевого компонента регуляции деятельности (неспособность руководить ими): психомоторное возбуждение с хаотичными или автоматизированными действиями.	Насильственность агрессивных действий по отношению к личности – нарушение волевого контроля .	Агрессивные действия на фоне значительного снижения ресурсов сдерживания и самоконтроля .	Агрессивные действия соответствуют привычным формам реагирования либо являются результатом ситуативного выбора - сохранность волевого контроля в целом при некотором снижении его качества .
Внезапное изменение психической деятельности с переходом ее на психопатологический уровень регуляции без субъективного переживания резких изменений в силу глубины нарушений сознания.	Внезапная , объективно или субъективно выраженная энергетическая разрядка , возможность стереотипий и автоматизмов. Регуляция поведения снижается до операционального уровня .	Выраженная разрядка с возможностью множественных агрессивных действий за счет охваченности переживаниями, дезорганизации и снижения волевых ресурсов. Поведение регулируется на уровне отдельных действий и операций .	Характер агрессивных действий соотносится с параметрами ситуации и/или индивидуально-психологическими особенностями. Сохранны целевой и мотивационно-смысловой уровни регуляции .
Возможны относительно продолжительные по времени эпизоды нарушенного сознания с неадекватностью поведения при определяемом содержанием психопатологических переживаний операциональном составе деятельности.	Ограниченные во временном интервале агрессивные действия, при достаточной однородности операционального состава действий возможны элементы переключения без способности к осознанному выбору нового орудия, осмыслению промежуточных результатов.	Возможность как кратковременных, так и относительно пролонгированных агрессивных действий (но в рамках единой реакции) с допустимостью ситуативной смены простого операционального состава.	Возможность как кратковременных, так и растянутых во времени агрессивных действий в зависимости от ситуации, реакций потерпевшего, оценки результата.
Тотальная амнезия , либо фрагментарность воспоминаний в основном о психотических переживаниях.	Частичная амнезия происходящего .	Возможность запоматования деталей и сложной последовательности действий , внешних параметров ситуации.	Возможность запоматования отдельных деталей происшедшего в момент агрессивных действий.

Патологическое состояние	Аффект	Существенное влияние на сознание и поведение	Без существенного влияния на сознание и поведение
Вегетативные проявления и физиологические реакции сопряжены с патологическими переживаниями.	Специфические вегетативные проявления и физиологические реакции при аффекте – субъективные ощущения слабости, силы, жара, потоотделения, жажды и др. – без соотнесения их с совершаемыми действиями.	Вегетативные проявления сопряжены с ситуацией и совершаемыми действиями.	Отсутствие выраженных вегетативных проявлений при субъективных ощущениях из регистра вегетативной неустойчивости .

Эмоциональные переживания. При аффекте, в отличие от эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение, острота и интенсивность переживаний настолько выражены, что становятся субъективно непереносимыми, полностью заполняют сознание. Они, хотя и связаны с источником фрустрации, но как бы «отрываются» от конкретной событийной канвы и становятся пусковым механизмом аффективного взрыва. В процессе разрядки эмоционального напряжения и совершения агрессивных действий нивелируются и теряют очерченность эмоции как таковые, а на первый план выходят ощущения (как вторичные проявления аффективного переживания уже на витальном, организменном уровне), что и является показателем грубого нарушения структуры деятельности в период совершения деликта. При существенном же влиянии эмоционального состояния переживания, хотя и ограничивают поле сознания, но связаны с событийной стороной и зачастую имеют внутреннюю динамику на протяжении совершения агрессивных действий. При патологических состояниях (временных болезненных расстройствах, обусловленных психогенией) острые переживания присутствуют на предпсихотической стадии, и поведение в этот момент регулируется психологическими или патопсихологическими механизмами. В процессе перехода на психопатологический регистр – переживания либо утрачиваются, либо приобретают искаженный характер.

Сознание. Психогенно обусловленным патологическим и непатологическим реакциям свойственна та или иная степень герметичности сознания с самоизоляцией от внешнего мира и его наполненностью сугубо внутренней продукцией. Для патологических состояний характерен критический вход, субъективно воспринимаемый как утрата связи с реальностью и наполненность сознания психотическими феноменами, что составляет психопатологическую суть сумеречного помрачения сознания. При аффекте отмечается острое переживание доминирующей эмоции, овладевающей субъектом и при этом лишенной содержательно-смысловых нюансов, и личностной окраски, что на уровне отражения передается как «обрывки» чувств, мыслей и ощущений. Герметичность сознания при аффекте определяется как его суженность и является одним из наиболее диагностически значимых критериев. Тонкая дифференцировка изменений – нарушений сознания, оценка выраженности и качественных особенностей этого феномена – важна для четкой квалификации исследуемого состояния. При непатологических реакциях необходимо учитывать степень сужения, которая обуславливает качественные изменения, нарушения сознания: в случае аффекта целесообразно говорить именно о суженности в силу «завершенности» процесса изменения сознания, в то время как при существенном влиянии более правильной будет характеристика «сужения сознания» (как процесса), допускающая определенный вариативный диапазон и колебания в его рамках. Именно суженность сознания, как симптом более глубоких нарушений, сопровождается элементами дереализации и деперсонализации, нарушениями зрительной перспективы и восприятия времени, интеграции информации слухового, зрительного и тактильного анализаторов, а сужение – связано с динамикой переживаний и может носить ундулирующий характер.

Восприятие. При существенном влиянии эмоционального состояния нарушения восприятия не столь глубоки и проявляются, как правило, в сужении его поля, ограничении селективности и произвольности, что и приводит к недостаточности целостной перцепции. Континуально нарушения восприятия при аффекте близки к психопатологическим феноменам и даже в какой-то части пересекаются с ними: например, могут сопровождаться элементами дереализации и деперсонализации, изменениями восприятия времени и пространства с единичными искажениями (быстротой или замедленностью, снижением или повышением освещенности, яркости, замещающими «видениями» – темнотой, вспышками, «снегом», «мошками» и др., «глухотой» или особой громкостью звуков). В случае развития временного болезненного расстройства восприятие искажается, появляется продуктивная психотическая симптоматика (гипоакузии, гиперакузии, иллюзорные восприятия, функциональные галлюцинации, нарушение схемы тела).

Когнитивная сфера. При аффекте процесс мышления в силу нивелирования его важнейших функций – интеграции и критичности – «приостанавливается» (субъективный шперрунг), нарушается произвольная селекция поступающей информации, способность к выделению значимого при возможной примитивной когнитивной констатации актуальных несущественных деталей; мышление, как регуляторная функция, практически перестает функционировать. Во внутреннем плане могут отмечаться также явления дезорганизации мышления, что субъективно переживается как «отсутствие» мыслей или отдельные всплывающие в сознании обрывки мыслей из прошлого, спонтанные отрывочные ассоциативные образы, связанные с переживаниями, запустившими аффективную реакцию. Реализация функций планирования, оценки, прогноза, интеллектуального контроля на пике взрыва невозможна. При существенном влиянии эмоционального состояния недостаточность интеллектуального контроля и неспособность к рациональному осмыслению событий сопровождаются дезорганизацией мышления, обусловленной доминированием аффективной логики. Значительно снижается эффективность регуляторной функции мышления в звеньях оценки и прогноза. В случае развития болезненного состояния отмечаются дезориентировка и психопатологические нарушения мышления, при которых совершаемые действия соотносятся с психотическими переживаниями.

Волевая сфера. При патологических состояниях криминальная активность определяется психомоторным возбуждением с хаотичными или автоматизированными действиями. Внезапно возникшее грубое нарушение волевого контроля в момент деликта – неотъемлемый атрибут не только патологического состояния, но и аффекта: субъект утрачивает возможность управления собственными действиями, которые практически не опосредуются (не соотносятся ни с мотивами и личностными смыслами, ни с ситуацией). Сохраняющаяся, хотя бы и на элементарном уровне, способность к сдерживанию агрессии в момент уже начавшегося взрыва ставит под сомнение квалификацию аффекта. При существенном влиянии эмоционального состояния рудименты регуляторных функций сохраняются на фоне значительного снижения ресурсов сдерживания и самоконтроля, нивелирования личностных механизмов регуляции – способов совладающего поведения (защитных механизмов и копинг-стратегий).

Длительность. При существенном влиянии эмоционального состояния, как и при сумеречных расстройствах сознания, в отличие от аффекта, возможны относительно пролонгированные агрессивные действия и перемещения в пространстве. В то же время в случае патологической реакции отмечаются грубые нарушения адекватности поведения, а при эмоциональном состоянии, существенно ограничивающим регуляцию, совершаемые действия внешне могут представляться достаточно организованными и направленными на достижение цели, однако по существу они такими не являются. Оценочная и контролирующая функции не реализуются в полном объеме. При аффекте осознанная субъективная постановка даже промежуточных целей недоступна, несмотря на возможность отдельных ответных реакций на раздражители и смену орудий, определяемых автоматизмами и влиянием поля.

Амнезия. Наличие амнезии происходящего той или иной степени выраженности, хотя и представляется одним из наиболее значимых критериев для судебно-следственных работников, на самом деле не является дифференцирующим признаком аффекта и иных психологических эмоциональных состояний. Ссылки на забывание могут отражать аффектогенную амнезию, а также и неспособность воспроизвести события вследствие включения бессознательных защитных личностных механизмов вытеснения. Характер ам-

незии (частичная) при аффекте определяется глубиной суженности сознания и представленности в нем переживаний, необычных ощущений на пике взрыва, которые, как правило, и запоминаются, в то время как действия (собственные и иных лиц) и внешние параметры ситуации недоступны к последующему воспроизведению. При существенном влиянии эмоционального состояния контакт с реальностью утрачивается в меньшей степени, что и обуславливает большую сохранность воспоминаний. Выпадают в основном детали, отдельные действия и операции, но общие, хотя и поверхностные, представления о происходящем формируются. Для временного болезненного состояния характерна либо тотальная амнезия, либо фрагментарность воспоминаний в основном о психотических переживаниях, которые согласуются с общей клинической картиной.

4. Алгоритм экспертной работы психолога при КСПЭ эмоциональных состояний

На первом этапе психолог анализирует индивидуальную феноменологию развития эмоциональных реакций, характерную для исследуемого частного случая, затем, обобщая, производит соотнесение ее с системой общепсихологических понятий и критериями, позволяющими оценить наличие и степень значимости психотравмирующих воздействий, внезапность взрыва с субъективной безальтернативностью деструктивного реагирования, выраженность изменений сознания и восприятия, разрядку по механизмам возбуждения или напряжения, типичность-атипичность протекания, глубину нарушений произвольной регуляции деятельности. В качестве предварительного вывода он определяет психологическую сущность, частный вид аффективной реакции, после чего переходит на уровень сугубо экспертных категорий, вынося решение о наличии/отсутствии аффекта или существенного влияния эмоционального состояния. Такое экспертное суждение является наиболее значимым для судебно-следственных органов, поскольку и содержит прямой ответ на их вопрос. Вместе с тем развернутый психологический анализ динамики ситуации, особенностей ее индивидуального восприятия, осмысления и личностного реагирования, а также стадии разрядки и выхода из аффективно обусловленного состояния, как и обобщенная психологическая квалификация типа аффективной реакции, должны быть обязательной составной частью заключения комиссии экспертов, поскольку представляют собой доказательную базу для экспертного вывода.

5. Формулировка экспертных выводов

Ответ на вопрос следственных или судебных органов **«Находился ли подэкспертный в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии аффекта (или ином эмоциональном состоянии, оказавшем существенное влияние на его сознание и поведение)?»** предполагает три варианта ответов.

1. Если экспертами-психологами диагностировано состояние **аффекта** (вторая колонка табл.1), то при обосновании экспертного вывода необходимо указать, по какому психологическому механизму (рис.1) развивалась эмоциональная реакция (эмоциональное состояние). Например: *«Подэкспертный в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии аффекта, которое протекало по механизму (физиологического аффекта - непосредственного отреагирования на психотравмирующее воздействие со стороны потерпевшего в форме выраженного эмоционального возбуждения; кумулятивного аффекта с разрядкой накопленного эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с поведением потерпевшего, в форме аффективного взрыва; кумулятивного аффекта с субъективно внезапным ростом выраженного эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с поведением потерпевшего; и т.п.). Об этом свидетельствует следующее (описываются динамика возникновения и развития аффекта с подробным анализом переживаний подэкспертного, изменениями сознания и произвольной регуляции действий, психического и физического состояния)».*

Неверными по существу являются ответы типа: *«Подэкспертный находился в эмоциональном состоянии, оказавшем существенное влияние на сознание и поведение, однако это состояние достигало степени выраженности аффекта (либо: может быть приравнено к аффекту; не уступает аффекту по глубине нарушений регуляции деятельности)»* или *«Эмоциональное напряжение подэкспертного оказало существенное влияние на его сознание и поведение, сопровождалось (далее описываются признаки, свойственные кумулятивному аффекту), однако это состояние не носило характера аффекта».*

«Эмоциональное напряжение подэкспертного оказало существенное влияние на его сознание и поведение и носило характер аффекта». Такого рода формулировки приводят к тому, что суды первой инстанции при оценке выводов экспертов-психологов испытывают немалые затруднения, часто не могут соотнести экспертные заключения о наличии такого состояния (в том числе и с «двойной» экспертной оценкой) с внезапно возникшим сильным душевным волнением («аффектом» в его уголовно-правовом значении), что приводит к судебным ошибкам.

2. При квалификации экспертом-психологом «эмоционального состояния (возбуждения, напряжения), оказавшего существенное влияние на сознание и поведение, необходимо указать, что «эмоциональное состояние подэкспертного при совершении инкриминируемого ему деяния не достигало степени выраженности аффекта, однако оказывало существенное влияние на сознание и поведение, сопровождалось (описываются изменения эмоциональных переживаний, сознания, восприятия, когнитивной и волевой сфер)».

3. Ответ «Подэкспертный во время совершения инкриминируемого ему деяния не находился в состоянии аффекта или ином эмоциональном состоянии (возбуждения, напряжения), которое оказывало существенное влияние на его сознание и поведение» предполагает обоснование через отсутствие значимых признаков аффекта или эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение.

6. Юридическое значение экспертных понятий, описывающих эмоциональные состояния обвиняемых

Квалификация аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения) или его отсутствия может осуществляться судами самостоятельно, без назначения судебных экспертиз с участием психолога, а также принятия его заключения как доказательства. Это входит в компетенцию суда наряду с правовой оценкой внезапности умысла на убийство, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью и определением действий потерпевшего как противоправных либо аморальных (в том числе, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением длительной психотравмирующей ситуации). Однако такое решение осуществимо только при наличии очевидных для неспециалиста признаков изменения сознания и нарушения самоконтроля (или их отсутствия). В остальных случаях суд при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных познаний в области психологии, назначает экспертизу.

При современной конструкции уголовного законодательства возможны следующие варианты соотнесения экспертных выводов с правовыми последствиями (табл.2). Судебный эксперт-психолог не имеет права говорить о «внезапно возникшем сильном душевном волнении», то есть аффекте в уголовно-правовом значении, но диагностика им аффекта или иных эмоциональных реакций и состояний (таких как стресс, растерянность, фрустрация и т.п.) только в их общепсихологическом смысле создает для суда немалые трудности по выделению уголовно-релевантных признаков. Судебные эксперты-психологи должны понимать и определять аффект как судебно-психологическое экспертное понятие, опираясь не на общепсихологические представления об этом виде эмоционального состояния, а на четкие судебно-психологические критерии, основанные на юридически значимых психологических признаках.

Таблица 2. Юридическое значение экспертных выводов.

Экспертное решение	Уголовно-правовые последствия
Подэкспертный не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие временного психического расстройства	Ст.21 УК РФ (невменяемость)
Подэкспертный во время совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического или кумулятивного аффекта с разрядкой возбуждения или напряжения, типичным или атипичным течением (см. рис.1)	Ст.107 (убийство, совершенное в состоянии аффекта) или ст.113 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта) УК РФ. Привилегированные составы преступления

Экспертное решение	Уголовно-правовые последствия
Подэкспертный во время совершения инкриминируемого ему деяния находился в эмоциональном состоянии (возбуждения, напряжения), которое оказало существенное влияние на его сознание и деятельность и ограничило способность к осознанно-волевой регуляции своих действий	<p>При отсутствии признака внезапности и диагностике влияния на ограничение способности к осознанно-волевой регуляции своих действий пограничного психического расстройства – ст.22 УК РФ (уголовная ответственность лица с психическим расстройством, не исключающим вменяемости)</p> <p>При отсутствии признака внезапности – возможность использования ч.2 ст.61 УК РФ (при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч.1 настоящей статьи)</p>
Подэкспертный во время совершения инкриминируемого ему деяния не находился в состоянии аффекта или ином эмоциональном состоянии (возбуждения, напряжения), которое оказывало существенное влияние на его сознание и поведение	Подлежит уголовной ответственности на общих основаниях

Диагностика экспертом-психологом существенного влияния эмоционального состояния обвиняемого на его криминальные действия имеет неоднородные уголовно-правовые последствия. В действующем УК РФ экспертное понятие «эмоциональное состояние, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение» обвиняемого при отсутствии признака внезапности возникновения такого состояния не имеет прямого юридического значения. В списке обязательно учитываемых смягчающих обстоятельств, по сравнению с УК РСФСР, не упоминаются какие-либо эмоциональные состояния, нарушающие осознанно-волевую регуляцию действий обвиняемого, что противоречит «принципу справедливости», согласно которому наказание должно «соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления» (ст. 6 УК РФ). Криминальные действия, совершаемые в ответ на неправомерное поведение потерпевшего, лицом, не в полной мере контролирующим свою деятельность под влиянием частичного сужения сознания, обусловленного эмоциональным состоянием, и лицом, сохраняющим способность к регуляции, отличаются степенью общественной опасности.

Необязательность квалификации эмоционального состояния, как смягчающего обстоятельства, существенно снижает возможности индивидуализации наказаний в зависимости от меры самоконтроля противоправного деяния. В то же время именно под такую экспертную оценку подпадает целый класс эмоциональных состояний (в том числе и упоминаемые в юридической литературе стресс, фрустрация, растерянность и др.), которые качественно отличаются от представления об аффекте в общей психологии и психологии личности, однако оказывают дисрегулирующее влияние на сознание и деятельность субъекта в момент совершения правонарушения. Это позволяет суду более четко соотнести выявленные экспертами изменения сознания и регуляции поведения с признаками уголовно-правовых категорий, описывающих субъективную сторону преступлений, и тем самым повысить точность квалификации составов преступлений или смягчающих ответственность обстоятельств, способствовать более полной реализации принципа индивидуализации наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для верификации метода осуществлен анализ 56 решений (определений) за 1997-2014 гг. Судебной коллегии по уголовным делам (Президиума) Верховного суда РФ (СК ВС), рассматривавших кассационные жалобы или протесты по делам, связанным с квалификацией ст. 107 или 113 УК РФ.

В 34 случаях СК ВС не удовлетворила ходатайства о перекалфикации преступлений со ст. 105 на ст. 107, а также – со ст. 111 и 112 на ст. 113 УК РФ. При этом в 12 решениях

содержится ссылка на выводы эксперта-психолога об отсутствии у обвиняемого состояния аффекта.

В 21 случае СК ВС определила, что преступление было совершено в состоянии аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения): в 18 случаях переквалифицировала преступления на ст. 107 или 113, в 3 случаях подтвердила решения судов первой инстанции о квалификации ст. 107 УК РФ. В 9 случаях никаких судебных экспертиз с участием психолога судами первой инстанции не назначалось. В остальных 12 решениях СК ВС ссылка на результаты КСППЭ или СПЭ содержится. В 7 случаях (из 12) СК ВС использовала заключения экспертов-психологов о наличии у обвиняемого состояния «аффекта» (физиологического аффекта, кумулятивного аффекта). В остальных 5 ситуациях (41,7 %) определения СК ВС обосновываются выводом судебной экспертизы о наличии у обвиняемого состояния «выраженного эмоционального напряжения, которое оказало существенное влияние на сознание и поведение» в момент совершения правонарушения.

Анализ показал, что суды первой инстанции при оценке выводов экспертов-психологов о состоянии «эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение» обвиняемого, испытывают немалые затруднения, часто не могут соотнести экспертные заключения о наличии такого состояния с внезапно возникшим сильным душевным волнением («аффектом» в его уголовно-правовом значении), что приводит к судебным ошибкам. Поэтому имеются основания рекомендовать экспертам-психологам включать в объем судебно-экспертной категории аффекта не только физиологический и кумулятивный варианты собственно аффекта (с выраженным эмоциональным возбуждением), но и аффект напряжения, ранее обозначавшийся как состояние выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение, при условии, что оно наступает внезапно в длительной психотравмирующей ситуации, связанной с поведением потерпевшего, и на высоте своего развития сопровождается частичным сужением сознания.

Анализ решений СК ВС показал, что практически во всех случаях при обосновании были использованы следующие признаки составов преступлений ст.ст. 107 и 113 УК РФ:

- 1) внезапность возникновения умысла на убийство;
- 2) противоправность или аморальность действий потерпевшего либо длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего;
- 3) сильное душевное волнение.

Это обстоятельство еще раз подчеркивает правильность интерпретации судебно-экспертного понятия аффекта как состояния, включающего в себя все эмоциональные реакции и состояния, которые характеризуются тремя свойствами – своеобразными судебно-психологическими коррелятами вышеописанных признаков:

- 1) возникают субъективно внезапно;
- 2) вызываются либо психотравмирующим воздействием со стороны потерпевшего, либо длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего;
- 3) на высоте своего развития резко ограничивают способность обвиняемого к осознанно-волевой регуляции своих криминальных действий.

Сведения об авторах:

Сафуанов Фарит Суфиянович – доктор психологических наук, профессор, руководитель Лаборатории психологии ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, тел: 8 (495)-637-16-57; e-mail: safuanovf@rambler.ru;

Савина Ольга Феликсовна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России; тел: 8 (495)-637-16-57; e-mail: psychol1@yandex.ru;

Морозова Марина Валентиновна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории психологии ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, тел: 8 (495)-637-16-57; e-mail: marina@serbsky.ru;

Исаева Ирина Вячеславовна – медицинский психолог Отделения психологии ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, тел: 8 (495)-637-16-57; e-mail: isaeva_ira_88@list.ru.

С.А. Крукляк

ФГКОУВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва, Россия, 117437

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАМКОВ И ЗАПОРНО- ПЛОМБИРОВОЧНЫХ УСТРОЙСТВ

В статье кратко излагаются возможности, результаты и перспективы развития методических основ механоскопической экспертизы, в частности исследования замков и запорно-пломбировочных устройств. Показана важность исследования таких объектов при расследовании различных видов преступлений. Сформулированы предложения о необходимости разработки современной методики экспертных исследований и усовершенствования конструкций запирающих устройств.

Ключевые слова: замки, запорно-пломбировочные устройства, характеристика криминальной устойчивости запорно-пломбировочных устройств.

S.A. Kruglyak

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, 117437

THE ISSUE OF METHODOLOGICAL SUPPORT OF FORENSIC EXAMINATION OF LOCKS AND SECURITY SEALS

The author summarizes the possibilities, achievements, and outlook for developing the methodological framework of toolmark analysis, including the examination of locks and security seals. The significance of toolmark analysis performed on these objects is demonstrated in the context of investigating different types of crimes. The author offers suggestions on the need to develop state-of-the-art forensic methodologies, and to improve the design of locking devices.

Keywords: locks, security seals, tamper resistance of security seals.

Из очерков истории известно, что использование замков и запорно-пломбировочных устройств началось в глубокой древности и их появление, несомненно, связано с историей развития человечества. Эволюция человечества способствовала его социальному расслоению, что, в свою очередь, привело к возникновению групп людей, обладающих большими материальными ценностями, нежели остальные, что и требовало защиты и охраны их собственности и жизни от посягательств.

Общественно-экономические изменения, которые произошли в России на

рубеже веков и продолжают происходить в настоящее время, вызвали резкое увеличение масштаба и числа угроз безопасности не только для граждан и их собственности, но и общества и государства в целом. Увеличивается спектр угроз таким важным объектам, как военным, промышленным заводам, ядерно-оружейному комплексу, объектам ядерной энергетики и им подобным; не без внимания преступных групп остаются и социально значимые объекты и здания, предприятия малого и среднего бизнеса, а также жилье и имущество граждан.

Несомненно, что борьба с причинами и последствиями угроз данного характера – одна из задач государства, но неоспорим тот факт, что соответствующими техническими средствами обеспечить страну под силу лишь ученым, инженерам, а также производственному звену промышленности.

Общеизвестно, что наука не стоит на месте и постоянно предлагает усовершенствованные и эффективные способы обеспечения безопасности всех сфер жизнедеятельности человека и государства. И, как известно, одна из главнейших целей обеспечения безопасности – создание и применение соответствующих средств и мер противодействия преступным посягательствам.

Творческий поиск в «замочном деле» никогда не был случайным процессом. Его всегда жестко направляли реальные требования жизни в конкретной области деятельности человека.

Более 50 лет назад заказы на специальные запирающие устройства высокой надежности поступали от государственных структур СССР для использования на объектах особой важности [1].

Совокупность правовых норм, организационных мер и инженерно-технических решений, направленных на защиту жизненно-важных интересов и ресурсов предприятия (объекта) от угроз, источниками которых являются злоумышленные (несанкционированные) физические воздействия физических лиц – нарушителей (террористов, преступников, экстремистов и т.д.) представляет собой систему физической защиты.¹ В этой системе выделяют различные замки и запирающие устройства, предназначением которых является ограничение несанкционированного доступа посторонних лиц к тому или иному объекту.

Эксперты конца XX – начала XXI века еще помнят свинцовые пломбы, сувальдные и получившие массовое распространение дисковые замки, которые просуществовали в неизменном виде длительное время, – менялись только их формы и размеры. Но технический прогресс имеет свойство менять не только форму, но и содержание, поэтому на смену им (ввиду их низкой устойчивости к несанкционированному доступу и подделке) пришли более современные

пломбы (индикаторные со встроенным запирающим механизмом, пломбы-пленки с термохромной краской и др.) и замки (цилиндрические, кодовые, электромагнитные и т.д.), механизмы которых невозможно открыть без видимых повреждений и оставленных следов.

Несмотря на то что защита от несанкционированного вскрытия замков и запорно-пломбировочных устройств постоянно совершенствуется, прогрессируют способы их подделки, замены и вскрытия.

В целях противодействия последним принимаются различные меры, в том числе и на государственном уровне.

Так, относительно запорно-пломбировочных устройств в 2002 году в Российской Федерации была введена система государственных стандартов, которая определила:

1) Классификацию пломбировочных устройств (далее ПУ), а также критерии отнесения запорно-пломбировочных устройств к определенному виду;

2) Требования к методикам испытания стойкости защитных свойств запорно-пломбировочных устройств;

3) Порядок пломбирования, контроля, учета, утилизации.

Это существенно упростило работу экспертов в данном направлении и позволило проводить исследования с прямой ссылкой на ГОСТы и ТУ, не ограничивая сферу своих изысканий несколькими устаревшими к тому времени литературными источниками и нормативными актами.

Необходимо отметить, что впервые в отечественной практике в стандарты были включены и характеристики криминальной устойчивости запорно-пломбировочных устройств (стойкость к несанкционированному вскрытию и подделке).

С момента утверждения ГОСТов, регламентирующих сферу использования запорно-пломбировочных устройств, разработано значительное количество оригинальных конструктивных разработок; постоянно совершенствуются элементы запорных механизмов, технология производства, материалы.

Общеизвестно, что злоумышленники чаще всего используют для отпирания замков подобранные и поддельные ключи, отмычки либо иные подручные или заранее приготовленные предметы, для взлома – различные инструменты, также как и для снятия пломб и их повторного навешива-

¹ ГОСТ Р 52069.0-2003. «Защита информации. Система стандартов. Основные положения». - Введ. 01.01.2004. - М.: ИПК Издательство стандартов, 2003.

ния, срезания запорно-пломбировочного устройства, воздействия на пломбу магнитом или других видов не санкционируемого доступа.

Как свидетельствует анализ специальной литературы, на данный момент имеется лишь несколько методических рекомендаций [2] по производству трасологической экспертизы замков и запорно-пломбировочных устройств. Исследование их основано на общей методике трасологической экспертизы, но имеет свои особенности. В целом же, в этом виде исследования решаются как идентификационные, так и диагностические задачи, а в ряде случаев и ситуационные.

К основным задачам относятся: установление исправности механизма замка; если не исправен, то какова причина неисправности и могла ли она повлиять на охранные свойства замка и запорно-пломбировочного устройства; не открывался ли замок поддельным ключом, отмычкой или другим предметом; находился ли данный замок в эксплуатации; в запертом или отпертом состоянии поврежден замок; одним ли способом отперты или взломаны несколько замков; поврежден ли представленный замок конкретным орудием и др.

Для решения обозначенных задач разработаны методики экспертного исследования, но появление новых видов такого рода объектов требует применения более современных подходов.

Так, например, нанотехнологии ставят перед экспертами новые вопросы. В частности, электронные или электронно-оптические пломбы, электромагнитные замки и подобные системы охранного комплекса перестают входить в рамки традиционных, привычных объектов механоскопической экспертизы, а приобретают межотраслевой характер исследования для решения поставленных вопросов. Если же эксперт в незапамятные времена в лабораторных условиях единолично мог рассчитать экспериментальным путем предел прочности (стойкости) запорного устройства при растяжении, то проведение исследований с вышеназванными объектами становится более затруднительным и требует привлечения специалистов в области техники и электроники. Особую же сложность данные исследования приобретают в случае, если запорное устройство состоит из нескольких частей, соединяемых при установке на объект.

В процессе криминалистического исследования работоспособности устройства запирающего механизма необходимо четко разделить технологические следы и следы, которые образовались или могли быть образованы в результате несанкционированного доступа (определенных манипуляций).

В настоящее время разработан ГОСТ Р 52365-2005 «Устройства пломбировочные. Требования к методикам испытаний стойкости защитных свойств и устойчивости к несанкционированному вскрытию». Параллельно с этим в НИЦ «Охрана» ГУВО МВД России, который является ведущим исполнителем работ по проведению аттестации ПУ в России, разработан ГОСТ Р 53787-2010 «Устройства пломбировочные. Методы испытаний силовых пломбировочных устройств стержневого типа на устойчивость к несанкционированному вскрытию. Общие требования».

В соответствии с программой испытаний определен алгоритм проведения испытаний и исследований запорно-пломбировочных устройств:

1) для поиска слабых мест в конструкции запорно-пломбировочного устройства перед любыми испытаниями следует провести тщательное изучение их конструкторской (патентной) документации. Если такая документация отсутствует, необходимо провести полную разборку корпуса имеющегося в наличии образца с фиксацией геометрических размеров всех составных частей, а также их технологических зазоров, исследовать детали запирающего устройства и определить их взаимодействие, материал и покрытие составных частей механизма, технологию сборки запирающего устройства (важно учесть тот факт, что разборку возможно провести различными способами в зависимости от конструкции запирающего устройства). Необходимо также изучить правила пломбирования и установки конкретного вида запирающего устройства и его снятия;

2) выбрать подходящую для данного типа пломбировочного устройства методику испытаний;

3) подготовить комплект инструментов и принадлежностей, необходимых для проведения испытаний;

4) зафиксировать имеющиеся на внешней поверхности образца ПУ следы (сколы, потертости, царапины, дефекты маркировки и пр.);

5) зафиксировать время начала испытаний;

6) провести вскрытие ПУ и зафиксировать время, затраченное на вскрытие;

7) провести осмотр внешних поверхностей деталей ПУ и сравнить имеющиеся на поверхности следы с перечнем, составленным перед испытанием.

Данная последовательность проведения испытаний в полном объеме применима и к проведению экспертного исследования и эксперимента с целью решения вопросов, поставленных перед экспертом.

Экспертиза замков и запорно-пломбировочных устройств, независимо от решаемых вопросов, включает несколько важнейших этапов: тщательное исследование замка, подвергнутого не санкционируемому воздействию как снаружи визуально, так и исследование его внутреннего состояния с помощью различных технических средств; проведение экспертного эксперимента, если это обусловлено особенностями разрешаемого вопроса, поставленного перед экспертом; оценка результатов исследования с обоснованием вывода и оформление материалов экспертизы с соблюдением общих правил и с учетом особенностей, характерных для исследования конкретного вида объекта.

По мнению некоторых разработчиков и производителей, конструкция и защитные свойства запирающих устройств достигли предела своего развития. В настоящее время формируются перспективные направления в разработке электронных запорных устройств, основанные на симбиозе надежности механики с электронными средствами информационной поддержки, идентификации и регистрации факта вскрытия.

Для целей исследования электронных запирающих устройств необходимо применять устройство программирования и считывающие устройства, которые должны располагаться по всему маршруту перемещения груза либо по периметру всей территории, на которой расположен охраняемый объект.

В этой связи предполагается возможность проведения комплексного исследования электронных запирающих устройств, которое будет обеспечиваться присутствием специалиста в области сотовой и спутниковой связи и программиста. Присутствие данных специалистов позволит исследовать не только механическую составляющую запирающего устройства, но и

входящие в его состав электронные носители информации.

Для более точного установления условий несанкционированного вскрытия широкого спектра запирающих устройств (замков, пломб и т.д.) необходимо разработать современную единую методику экспертного исследования замков и запорно-пломбировочных устройств на основе комплексного подхода.

Для создания такой методики всестороннего экспертного исследования новых видов запирающих устройств необходимо выполнить следующее:

1. Разработать единые рекомендации для экспертных подразделений, которые будут содержать четкую последовательность разборки различных конструкций запирающих устройств с целью исследования их внутреннего состояния и положения элементов фиксирующего механизма;

2. Проанализировать и систематизировать современную классификацию способов криминального воздействия на запирающее устройство, основанную как на базе накопления данных проведенных экспертиз, исследований и осмотров мест происшествий, так и путем моделирования возможных способов такого воздействия;

3. Усовершенствовать рекомендации по оценке соответствия прочностным характеристикам, заданным производителем, отраженным в ТУ завода-изготовителя.

Эмпирические данные, необходимые для выполнения вышеизложенного, можно получить несколькими способами:

- сбор и анализ материалов экспертиз и исследований запирающих устройств, поступивших на исследование с мест происшествий за конкретный промежуток времени, и протоколов осмотров мест происшествий с изъятием объектов механической экспертизы;

- моделирование возможных способов криминального воздействия на запирающие устройства новейших образцов с целью получения информации по их криминалистической устойчивости и появлению характерных следов для конкретного вида воздействия на определенном виде запирающего устройства;

- тесный контакт и постоянное сотрудничество с фирмами-изготовителями и поставщиками объектов охранной промышленности с возможностью получения

объектов для учебных целей и проведения научных изысканий.

Очевидно, что данная информация может быть полезна не только для качественной разработки методики экспертных исследований, но и для дальнейшего усовершенствования конструкций запирающих устройств, что в будущем станет практической основой для формирования более современных способов, средств и методов исследования объектов механоскопических экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстров Ю., Радаикин В.И. Современные технологии запирающих устройств. Часть 1. – *Мир и безопасность*. – 2004, – № 6. – С. 20-23.

2. Монин А.Г., Ермилов А.В., Сухарев А.Г., Крылов В.В, Поздняков Е.Н., Пушко Р.В. *Пломбы механические: Справочное пособие*. ЗАО «ИПК «СТРАЖ». – М.: ИнтерКрим-пресс, 2014. – 570 с.

REFERECES

1. Bystrov Yu., Radaikin V.I. *Sovremennye tekhnologii zapirayushchikh ustroystv. Chast' 1* [Modern technologies of the locking devices. Part 1]. *Mir i bezopasnost'*. 2004, No 6, pp. 20-23 (In Russ).

2. Monin A.G., Ermilov A.V., Sukharev A.G., Krylov V.V, Pozdnyakov E.N., Pushko R.V. *Plomby mekhanicheskie: Spravochnoe posobie*. ZAO "IPK "STRAZh" [Mechanical seals: Handbook. "IPK "STRAZh"]. Moscow: InterKrim- press Publ., 2014. 570 p. (In Russ).

Сведения об авторе:

Кругляк Светлана Александровна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; тел.: 7 (909)-935-29-78; e-mail: hozjajuh@mail.ru

**С.А. Смирнова^{1,2}, Е.В. Макушкин³, А.Я. Аснис¹, Е.В. Васьков³, Е.Г. Дозорцева³,
Ф.С. Сафуанов³, С.Н. Шишков³, С.С. Шипшин⁴, Д.С. Ошевский³,
Д.В. Бердников⁵, Т.Н. Секераж¹, А.Н. Калинина¹**

¹ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

²ФГАОУ высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия, 117198

³ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия, 127994

⁴ФБУ «Южный региональный центр судебной экспертизы»
Минюста России, Ростов-на-Дону, Россия, 344038

⁵ФБУ «Курская лаборатория судебной экспертизы»
Минюста России, Курск, Россия, 305000

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «О НЕПРАВОМЕРНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПУТЁМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»

Информационное письмо подготовлено в связи с растущим числом обращений следователей и вынесением постановлений о назначении психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям допросов и продиктовано необходимостью упорядочить экспертную практику, касающуюся исследования видеоматериалов проведения отдельных следственных действий с различными субъектами уголовного процесса.

В информационном письме рассматриваются возможности назначения таких экспертиз и основания проводимых исследований, в соответствии с научными принципами профессиональной деятельности экспертов.

Письмо подготовлено под руководством директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного работника юстиции России С.А. Смирновой и заместителя генерального директора по научной работе ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России доктора медицинских наук, профессора Е.В. Макушкина, доктором юридических наук А.Я. Аснисом, доктором психологических наук Е.В. Васьков, доктором психологических наук профессором Е.Г. Дозорцевой, доктором психологических наук профессором Ф.С. Сафуановым, кандидатом юридических наук доцентом С.Н. Шишковым, кандидатом психологических наук доцентом С.С. Шипшиным, кандидатом психологических наук доцентом Д.С. Ошевским, кандидатом медицинских наук Д.В. Бердниковым, кандидатом юридических наук доцентом Т.Н. Секераж, кандидатом юридических наук А.Н. Калининой.

Письмо утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Протокол № 6 от «15» июня 2016 года) и Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол № 7 от «20» июня 2016 года).

Для следователей, судей, прокуроров, руководителей федеральных бюджетных учреждений Минюста России, судебных психологов.

Ключевые слова: *судебно-психологическая экспертиза, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, способность давать показания, достоверность показаний*

S.A. Smirnova^{1,2}, E.V. Makushkin³, A.Ya. Asnis¹, E.V. Vaske³, E.G. Dozortseva³, F.S. Safuanov³, S.N. Shishkov³, S.S. Shipshin⁴, D.S. Oshevskii³, D.V. Berdnikov⁵

¹ Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, 117198

³ V.P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, 127994

⁴ Southern Regional Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, 344038

⁵ Kursk Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kursk, Russia, 305000

INFORMATION LETTER
«ON THE ISSUE OF LEGAL WRONGFULNESS IN ESTABLISHING WITNESS CREDIBILITY THROUGH FORENSIC EVALUATION»

This information letter was produced in response to a growing number of inquiries from investigators, and increased instances of forensic psychologists being appointed to evaluate witness credibility based on videos of interrogations. The letter addresses the need to streamline forensic casework related to the analysis of video recordings of specific investigative actions involving different agents of the criminal process. The letter considers possibilities for commissioning these forensic procedures and the rationale for conducting such examinations, in compliance with the scientific principles of professional forensic work.

Keywords: forensic psychology, integrated forensic psychological and psychiatric evaluation, ability to testify, witness credibility.

Научная дискуссия о надежности свидетельских показаний и о возможности их использования в судебной практике была начата еще в начале XX века на этапе зарождения юридической психологии. Одной из ключевых работ этого периода стало исследование В. Штерна «Показание как результат умственной работы и продукт допроса: экспериментальное исследование школьников» (1904). В последующие годы эта тема, как чрезвычайно важная для принятия правильных судебных решений, продолжала пользоваться вниманием ученых и практиков.

Исследования, выполненные зарубежными учеными на эмпирическом материале, привели к созданию методического подхода к оценке достоверности (правдоподобности) показаний детей. Но в дальнейшем область применения этого метода была расширена на показания свидетелей и потерпевших любого возраста. К настоя-

щему периоду в отечественной экспертной практике традиционной и обязательной является судебно-психологическая либо комплексная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего или свидетеля, «когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания» (ст. 196 УПК РФ).

Разработка методологии судебной психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) способности подэкспертного давать показания в российской судебной психологии (Коченов М.М., 1977; Морозова М.В., 1995, 2009, 2016; Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф., 2012) позволила сформулировать несколько базовых положений, лежащих в настоящее время в основе экспертной практики. К ним, в частности относится выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета

экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля и др.) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, а также установление влияющих на эти феномены факторов.

Так, потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов, и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях. На актуальную возможность влияют фактор возраста и соответствующего психического развития (если подэкспертным является ребенок), индивидуально-психологические (личностные) особенности, а также специфика ситуации. Данные факторы имеют динамический характер, а ситуация рассматривается как развивающаяся от криминального эпизода до времени дачи показаний.

В результате комплексного исследования потенциальной способности и актуальной возможности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, с учетом выделенных факторов, делаются экспертные выводы о наличии указанных способности и возможности в их ограничении либо нарушении. При этом, сами показания специальному анализу для установления их правдоподобности не подвергаются.

Вместе с тем, практическая потребность в подобном анализе существует как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Поэтому проблема экспертной оценки способности давать показания в рамках уголовного дела, а также возможность оценивать в этом контексте сами показания, требуют всестороннего и самого пристального анализа.

Как известно, определение достоверности показаний относится к компетенции суда. Ряд российских специалистов в области юридической психологии высказываются в пользу проведения соответствующих психологических исследований, в том числе экспертных, для информирования сотру-

дников органов предварительного следствия и судей о том, содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности» (Ситковская О.Д., 2001, 2007).

В последнее время в российской экспертной практике начинают появляться и сами судебные экспертизы свидетельских показаний, нацеленные на выявление «признаков психологической достоверности». Так, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова и Е.Н. Холопова (2016) в своей книге «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» делают попытку методологически обосновать методику анализа достоверности свидетельских показаний по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предлагая использовать анализ содержательных особенностей показаний, поведения и эмоциональных проявлений подэкспертного, его индивидуально-психологических особенностей, «ведущей мотивации и системы мотивов при даче показаний по делу» (с.86). Однако, признать эту попытку успешной нельзя.

В качестве обоснования данной методики авторы приводят различные концепции и методические подходы как отечественных (Л.Б. Филонов, В.П. Белянин и др.), так и зарубежных (А. Врай, П. Экман, М. Штеллер, Г. Кёнкен, В.А. Шаповалов) авторов. Несмотря на то, что В.Ф. Енгальчев с соавторами приводят различные системы анализа поведения и эмоций, якобы позволяющие дифференцировать ложные и истинные высказывания, возможности такой дифференциации не имеют экспериментального обоснования.

Так, в структуру данной «частной экспертной методики» входят: психологический анализ материалов уголовного дела; психологический анализ коммуникативного взаимодействия подэкспертного с фигурантами видеозаписи и определение «фоновое» состояния допрашиваемого лица; психологический анализ вербальных и невербальных проявлений подэкспертного и его психоэмоционального состояния; сравнительный анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного об обстоятельствах, имеющих уголовно-релевантное значение, и его невербального реагирования.

Таким образом, основой экспертной методики является анализ вербальных и не-

вербальных составляющих показаний, где одно из центральных методических средств – «Оценка валидности утверждений». В книге ее авторство почему-то приписывается У. Ундойчу, хотя последнему принадлежит лишь гипотеза о качественных различиях показаний, основанных либо не основанных на пережитом субъектом опыте, а также первоначальный опыт ее проверки на практике. В действительности авторами данной методики (в оригинале она носит название «Анализ качества высказываний») являются немецкие психологи М. Штеллер и Г. Кёнкен, предложившие ее в 1989 г.

В.Ф. Енгальчев и его соавторы апеллируют к иностранному опыту на основе информации из книги А. Врая (в издании – О.Фрай). Однако, как сам А. Врай (2005), так и другие психологи, в том числе Г. Кёнкен (2010, 2015), выступают против использования контент-анализа содержания показаний и выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. Точность дифференциации воспроизведения «пережитых» и «не пережитых» событий при этом хоть и составляет от 70 до 90%, но она недостаточна для принятия однозначного экспертного решения, тем более, если оно имеет инкриминирующее значение. Как пишут Г. Кёнкен и его соавторы, ««Оценка валидности утверждений» «не является психометрическим тестом, а представляет собой процедуру генерирования и проверки гипотез относительно происхождения утверждений» (K hnen G. et al., с. 14); «К сожалению, не существует методов, которые могли бы быть применены для различения между ложными и истинными воспоминаниями, поскольку их характеристики не всегда разнятся» (там же, с. 16).

В англоязычной литературе нет ссылок на то, что подобная процедура используется в экспертной практике, в то же время ее применение рекомендуется при расследовании дела, особенно на первых стадиях следствия для выдвижения основных версий.

Экспертные исследования свидетельских показаний на основе видеозаписей за рубежом выполняются в полном объеме только в немецкоязычном регионе (ФРГ, Австрия, Швейцария), где в течение последних 60 лет и шла разработка методов оценки показаний. При этом, весьма существенные изменения экспертная практика в этой области претерпела за последние 15 лет после громких скандальных судебных

процессов (Вормские процессы), когда Верховный суд ФРГ принял ряд методических ограничений для подобного рода экспертиз.

Так, например, экспертный вопрос имеет принципиальную «обратную» постановку – в нем изначально постулируется несоответствие показаний реальности, а задача эксперта состоит в поиске доказательств, опровергающих эту гипотезу. Кроме того, речь идет об исследовании не показаний, а психической деятельности свидетеля, обладающего определенными качествами (компетентностью): *Мог ли этот свидетель с данными индивидуальными характеристиками при данных условиях опроса и с учетом возможных в конкретном случае влияний со стороны третьих лиц дать эти конкретные показания, без того, чтобы они основывались на реальных переживаниях?* (Volbert R., 2014).

Для проведения экспертизы устанавливаются и определенные условия – особые требования к характеру проведения допроса, использование только первичных показаний. Подчеркивается, что применение контент-анализа показаний имеет смысл только при предположении о том, что свидетель сознательно обманывает следствие. В случаях же добросовестного заблуждения «признаки достоверности» неприменимы, тогда как эксперт должен выяснить и эти обстоятельства.

Проведенный анализ текста книги В.Ф. Енгальчева и соавторов показал, что эти требования и ограничения авторами не учитывались, в связи с чем говорить об адекватном использовании ими оригинальной методики не представляется возможным.

Более того, немецкие исследователи выступают против применения в экспертных целях анализа невербальных признаков «достоверности» информации. Так, Г. Кёнкен (2010) называет мифом утверждения о том, что особенности поведения лгущего отличают его от говорящего правду, представляя убедительные данные о том, что успешность такой дифференциации не отличается от случайной. Как известно, и данные П. Экмана о микровыражениях лица, также к настоящему времени не имеют эмпирического подтверждения. В связи с этим, считаем преждевременным включать анализ невербального поведения в экспертное исследование.

Представленный авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» метод «Стоп-кадр», по их утверждению, «призван решать идентификационную задачу, сопряженную с отождествлением субъекта, являющегося подэкспертным, и решать диагностическую задачу, связанную с выявлением сенсорно-очевидных признаков невербального (поведенческого) и психоэмоционального характера и их фиксацией – для запечатления в статике» (с. 202). В.Ф. Енгальчев с соавторами предлагают зафиксированные признаки невербальных реакций и мимических проявлений субъекта, на которые эксперты ссылаются в тексте своего заключения, отображать с скриншотами в фототаблице, что, по их мнению, «наглядно иллюстрирует идентификационную значимость отдельно взятого признака и их совокупность» (с. 202). В качестве примера авторами «для наглядности в монографии представлены фотографии, выполненные методом «Стоп-кадр» (скриншоты) из заключений экспертов, выполненных по разным уголовным делам в различное время» (с. 202), к которым, со ссылкой на работу Д. Фаста «Язык тела. Азбука человеческого поведения» (с. 207), следуют короткие комментарии: жест «рука к лицу», глаза в пол, ерзанье, стряхивание напряжения с рук, плотно сжатый рот, глубокий вздох, негативные эмоции, закрытие рта, сглатывание, заикание и др. (с.203-206). При этом авторы поясняют, что «в целях снижения вероятности экспертных ошибок субъективного характера представленная видеозапись (в том числе и зафиксированные с помощью метода «Стоп-кадр» поведенческие и эмоциональные проявления) оцениваются каждым из экспертов независимо от другого эксперта и только в контексте «целостной модели поведения» (с. 207). Полученные экспертами результаты сопоставляются, и анализируются только те выявленные признаки, которые не вызывают ни у одного из экспертов сомнений» (с. 207). Однако, даже при вышеприведенных «оговорках» авторов, предложенный ими метод «Стоп-кадр» никоим образом не может претендовать на научную обоснованность, в связи с чем, его использование в экспертной практике недопустимо.

При анализе материала, представленного в книге В.Ф. Енгальчева и соавторов,

нельзя обойти вниманием и тот эмпирический материал, который должен иллюстрировать действенность предлагаемого ими методического подхода. Так, в приложении приводится описание дела несовершеннолетнего (13 лет) потерпевшего С. Максима, который дает показания о якобы имевшем место сексуальном злоупотреблении со стороны отца. На основе анализа материалов уголовного дела, а затем и очного обследования эксперт-психолог дела делает вывод о наличии у С. Максима «признаков диссоциального нарушения личности» и «псевдологии (лживости)». Тем самым эксперт не только выходит за пределы своей компетенции («диссоциальное расстройство личности» и «псевдология» – клинические диагнозы, которые могут быть поставлены только врачом-психиатром), но и демонстрирует незнание того обстоятельства, что расстройство личности может быть диагностировано не ранее 16-17-летнего возраста. При очном обследовании подростка используется и содержательно трактуется тест Люшера, тогда как валидации этой методики, в частности, для подростковой популяции, нет, и применение «толкований» различных сочетаний цветов по отношению к ребенку недопустимо. Субъективностью отличаются и трактовки различных поведенческих проявлений С. Максима при даче им показаний.

Необходимо отметить и тот факт, что, представляя свою «частную экспертную методику», наряду с некорректной или неверной трактовкой концептуальных позиций ряда авторов (У. Ундойча, А. Врая, Г. Кёнкена и др.), авторы книги неоднократно не только ссылаются, но и обширно цитируют практиков из среды предпринимателей, что вызывает большие сомнения в научной обоснованности предлагаемых ими методов экспертного исследования. Так, например, в качестве обоснования своей позиции авторами цитируются следующие речевые конструкции:

- «Существует закономерность во взаимосвязи служебного положения человека и его лексикона: чем выше на социальной лестнице находится человек, тем больше он общается с помощью речи, в то время как менее образованные люди больше полагаются на жесты». (См.: Спирица Е. Теория лжи: кратко о сложном: курс лекций. М.: Международная Академия исследования лжи, 2011) (с. 265);

- «Самый верный признак лжи был только у сказочного персонажа Пиноккио. Когда он говорил неправду, его нос удлинялся. Отсюда и пошел жест прикосновения к носу, который так и называется “синдром Пиноккио”» (См.: Спирица Е.В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // Материалы семинара-тренинга для специалистов-полиграфологов: тренинг «Оперативная психодиагностика людей: как узнать всю правду про собеседника за 3 мин» (Екатеринбург, 15–17 июня 2012 г.). Екатеринбург, 2012.) (с. 300) и т.д.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, предлагаемый авторами книги «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» методический подход является эклектичным и научно необоснованным.

Установление же достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной), как авторы предлагают в книге, на научной основе в настоящий момент невозможно по следующим основаниям.

Общепринято, что предметом судебно-психологического экспертного исследования является в общем плане психическая деятельность подэкспертного лица, имеющая юридическое значение и влекущая определенные правовые последствия. Авторами книги (с. 69-70) утверждается, что частным предметом экспертизы достоверности показаний является «*информация, получаемая от объекта видеозаписи, воспроизводимая им в устно-речевой или письменно-речевой формах (содержательные особенности показаний) и имеющая уголовно-релевантное поведение...*». Общим предметом экспертизы, по мнению авторов (с.69), являются «коммуникативная ситуация (*следственное действие либо оперативно-розыскное мероприятие*), коммуникативная деятельность участников оперативного или следственного действия и особенности взаимодействия между субъектами, запечатленными на видеозаписи». Определение общего и частного предметов экспертного исследования и их соотношение вызывает серьезные сомнения.

Во-первых, следственные и оперативно-розыскные мероприятия не могут

выступать в качестве предмета психологической экспертизы.

Во-вторых, нельзя соотнести воспроизводимую подэкспертным информацию как со следственными и оперативно-розыскными действиями, так и с коммуникативной деятельностью допрашиваемого, т.к. оценка достоверности содержательной стороны показаний подразумевает, по версии авторов, и диагностику содержания сознания подэкспертного, что в настоящее время с позиций научной психологии невозможно.

Авторы, при попытке развести «юридическую» и «психологическую» достоверность показаний утверждают, что психологическая достоверность – это «свойство показаний, характеризующее степень соответствия сообщаемой допрашиваемым информации событиям (явлениям), *воспринятым им* в юридически значимой ситуации. Недостоверность же представляет собой противоположное достоверности свойство показаний, то есть несоответствие сообщаемой информации *воспринятым допрашиваемым событиям*» (с.78). Однако, диагностика содержания сознания (даже если оно имеет юридическое значение, как например при решении вопроса о понимании обвиняемым в изнасиловании беспомощного состояния потерпевшего) никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет (это же относится и к полиграфическому исследованию).

Авторы книги понимают «юридическую достоверность» судебного доказательства только как его соответствие другим доказательствам: «Достоверность доказательства проверяется его сопоставлением с другими доказательствами. Обнаружение противоречивых, взаимоисключающих сведений говорит о недостоверности каких-то из доказательств. Исходя из этого, одним из основных качеств «юридической достоверности» является ее *непротиворечивость* другим собранным по делу доказательствам» (с. 77). Таким образом, при подобном «понимании» установление следователем (судом) «юридической» достоверности доказательства фактически сведено исключительно к его сопоставлению с другими с целью выявления их противоречивости либо непротиворечивости.

Данный подход является необоснованным, что подтверждается следующим.

Во-первых, он не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Следовательно, оценка достоверности должна производиться в отношении каждого доказательства в отдельности, а все они оцениваются в совокупности друг с другом, чтобы оценить их достаточность для разрешения дела. К лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ). Эксперта в этом перечне нет.

Во-вторых, предлагаемая авторами концепция «юридической» и «психологической» оценки достоверности показаний перекладывает оценку их содержательной стороны на экспертов, вопреки тому, что содержательную оценку каждого доказательства УПК РФ отнес к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. По логике авторов монографии, субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты.

Экспертные исследования свидетельских показаний – чрезвычайно сложная область экспертной практики, требующая от экспертов особой ответственности и профессионализма. Дальнейшие исследования в этой сфере необходимы. Однако, это не является основанием для применения в экспертной практике непроверенных, не основанных на убедительных научных данных методов и «частных экспертных методик». В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт должен проводить исследования объективно, **на строго научной** и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность **проверить** обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе **общепринятых научных** и практических данных.

Таким образом, учитывая положения уголовно-процессуального законодатель-

ства Российской Федерации и состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васькэ Е.В. Особенности проведения судебно-психологических экспертиз в ходе предварительного расследования: Практическое пособие. – Н. Новгород: ГУВД по Нижегородской области, 2007. – 71 с.

2. Васькэ Е.В., Виноградов А.П. Судебно-психиатрические, судебно-психологические и комплексные с ними экспертизы: особенности назначения и проведения в ходе предварительного следствия: Учебно-методическое пособие. – Н. Новгород: СУ СК РФ по Нижегородской области, 2016. – 88 с.

3. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 47-56.

4. Дозорцева Е.Г., Жбанкова О.В., Гаврилова Т.В. Комплексная методика допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера // Практическое пособие по проведению допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших от преступлений сексуального характера (в печати).

5. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 328 с.

6. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания // Медицинская и судебная психология: Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2009. – С. 506-527.

7. Сафуанов Ф.С. Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994, – № 3. – С. 50-54.

8. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) / Ф.С. Сафуанов, // Законность, 1992. – № 2. – С. 13-14.
9. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство «Юрайт», 2014. – 421 с.
10. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: Научно-методическое пособие. – М.: Юнити-Дана, 2001. – 72 с.
11. Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний: Научно-методическое пособие. – М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. – 80 с.
12. Фрай О. Детекция лжи и обмана. – СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2005. – 320 с.
13. Фрай О. Ложь. Три способа выявления лжи. – СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2006. – 286 с.
14. Холевчук А.Г. Криминалистический анализ зарубежных методов детекции лжи: тенденции и определение перспектив // Инновации в науке / Сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. № 1 (50). Часть I. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. – 124 с.
15. Amado B.G., Arce R., Farina F. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2015. Vol. 7. № 1. pp. 3-12. doi:10.1016/j.ejpal.2014.11.002.
16. Anson D.A., Golding S.L., Gully K.J. Child sexual abuse allegations: Reliability of criteria-based content analysis // *Law and Human Behavior*. 1993. Vol. 17. №3. pp. 331-341. doi:10.1007/BF01044512
17. Arntzen F. *Psychologie der Zeugenaussage. System der Glaubwürdigkeitsmerkmale*. München: Beck, 1983. 171 p.
18. Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style / Santtila P., Roppola H., Runtti M., Niemi P. // *Psychology, Crime and Law*. 2000. Vol. 6. № 3. pp. 159-179. doi:10.1080/10683160008409802.
19. Bauer P.J., Wewerka S.S. Saying is revealing: Verbal expression of event memory in the transition from infancy to early childhood / P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourq (eds.) *Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. pp. 139-168.
20. Boychuk T. *Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse: A field-based validation study* / Unpublished doctoral dissertation, Arizona State University. 1991.
21. Brown J.M. *Statement Validity Analysis* / J.M. Brown, E.A. Campbell *The Cambridge Handbook of Forensic Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. pp. 319 – 326.
22. Bruner J., Haste H. *Making sense: The child construction of reality*. New York: Methuen, 1987.
23. Colewell K., Hiscock C.K., Memnon A. *Interviewing techniques and the assessment of statement credibility* // *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol. 16. № 3. pp. 287-300. doi: 10.1002/acp.788.
24. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis / Sporer S., Blandon-Gitlin I., Masip J., Hauch V. // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4-7 August 2015)*. Abstracts. 2015. p. 238.
25. Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis / Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. // *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28. № 1. pp. 79 – 90. doi: 10.1002/acp.2959.
26. Criteria-based Content Analysis of True and Suggested Accounts of Events / Blandon-Gitlin I., Pezdek K., Lindsay D.S., Hagen L. // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol. 23. № 7. pp. 901 - 917. doi: 10.1002/acp.1504.
27. Criterion-Based Content Analysis: A field validation study / Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W., Hershkowitz I., Orbach Y., Hovav M. // *Child Abuse and Neglect*. 1997. Vol. 21. № 3 pp. 255–264. doi:10.1016/S0145-2134(96)00170-6.
28. Detecting Deception in Children: Event Familiarity Affects Criterion-Based Content Analysis Rating / Pezdek K., Morrow A., Blandon-Gitlin I., Goodman G.S., Quas J.A., Saywitz K.J., Bidrose S., Pipe M.-E., Rogers M., Brodi L. // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. №1. pp. 119-126. doi:10.1037/0021-9010.89.1.119.
29. Dettenborn H., Fröhlich H.-H., Sze-wczyk H. *Forensische Psychologie*. Berlin: VEB

Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.

30. *Fivush R. Haden C.A.* Narrating and representing experience: Preschoolers' developing autobiographical recounts / In P. van den Broek, P.J. Bauer, T. Bourg (Eds.) *Developmental spans in event comprehension and representation: Bridging fictional and actual events*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1997. pp. 169-198.

31. *Goodman G.S.* Commentary: On stress and accuracy in research on children's testimony / J. Doris (Ed.) *The suggestibility of children's recollections*. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 77-82.

32. *Halfmann E., Sporer S.L.* Belief in Context: Effects of suspect preparation time on belief about Scientific Content Analysis // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts. 2015. p. 92-93.

33. *Honts C. R.* Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994 // *North Dakota Law Review*. 1994. Vol. 70. pp. 879-903.

34. Interviewer questions and content analysis of children's statements of sexual abuse / *Craig R.A., Scheibe R., Raskin D.C., Kircher J.C., Dodd D.* // *Applied Developmental Science*. 1999. Vol. 3. № 5. pp. 77-85. doi:10.1207/s1532480xads0302_2.

35. *Köhnken G.* Statement Validity Analysis and the detection of the truth / In P.A. Granhag, L.A. Stromwall (Eds.) *The detection of deception in forensic context*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. pp. 41-63.

36. *Köhnken G.* Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen) Aussagen / N. Saimeh (Hrsg.) *Kriminalität als biographisches Scheitern. Forensik als Lebenshilfe?* Bonn: Psychiatrie-Verlag, 2010. pp. 50-62.

37. *Köhnken G., Manzanero A.L., Scott M.T.* Statement validity assessment: myths and limitations // *Anuario de Psicología Jurídica*. 2015. № 25. pp. 13-19. doi:10.1016/j.apj.2015.01.004.

38. *Lamers-Winkelmann F., Buffing F.* Children's testimony in the Netherlands: A study of statement validity Analysis // *International perspectives on child abuse and children testimony: Psychological Research and law*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1996. pp. 45-62.

39. *Moston S.* How children interpret and respond to questions: situation sources of

suggestibility in eyewitness interviews // *Social Behavior*. 1990. № 5. pp. 155-167.

40. *Nelson K.* Event knowledge and cognitive development / K. Nelson (Ed.) *Event knowledge: Structure and functions in development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. pp. 1 – 19.

41. *Nelson K.* Remembering and telling: A Developmental story // *Journal of Narrative and Life History*. 1991. №1. pp. 109 – 127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi.

42. *Parker A.D., Brown J.* Detection of deception: Statement Validity Analysis as a means of determining truthfulness or falsity of rape allegations // *Legal and Criminological Psychology*. 2000. Vol. 5. №2. pp. 237 – 259. doi: 10.1348/135532500168119.

43. *Raskin D.C., Esplin P.W.* Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children's statements of sexual abuse // *Behavioral Assessment*. 1991. Vol. 13. pp. 265-291.

44. Reliability of criteria-based content analysis of child witness statements / *Horowitz S.W., Lamb M.E., Esplin P.W., Boychuk T.D., Krispin O., Reiter-Lavery L.* // *Legal and Criminological Psychology*. 1997. Vol. 2. № 1. pp. 11 – 21. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00329.x.

45. *Ruby C.L., Brigham J.C.* The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations // *Psychology, Public Policy, and Law*. 1997. Vol. 3. № 4. pp. 705-737. doi:10.1037/1076-8971.3.4.705.

46. *Steller M., Köhnken G.* Criteria-Based Content Analysis / In D. C. Raskin (Ed.), *Psychological methods in criminal investigation and evidence*. New York: Springer-Verlag, 1989. pp. 217 – 245.

47. The relationships among interviewer utterance type, CBCA scores and the richness of children's responses / *Herschkowitz I., Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W.* // *Legal and Criminological Psychology*. 1997. Vol. 2. № 2. pp. 169 – 176. doi: 10.1111/j.2044-8333.1997.tb00341.x.

48. *Volbert R., Hoff K., Lehmann R.* Criteria-Based Content Analysis: Empirical analysis of diagnostic value and latent structures // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts. 2015. p. 268.

49. *Volbert R., Steller M.* Glaubhaftigkeit / T. Bliesener, F. Lösel, G. Köhnken (Hrsg.) *Lehrbuch der Rechtspsychologie*. Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. S. 391 – 407.

50. *Vrij A.* Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2005. Vol. 11. № 1. pp. 3–41. doi:10.1037/1076-8971.11.1.3.

51. *Wells G.L., Loftus E.F.* Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique / In *J. Doris (Ed.)*,

The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 168–171.

52. *Wojciechowski B.* Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis // *EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015)*. Abstracts. 2015. p. 292 – 293.

Методы и средства Судебной экспертизы

Е.Л. Дайлоф

ФБУ «Южный Российский центр судебной экспертизы»
Минюста России, Ростов-на-Дону, Россия, 344038

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

Статья посвящена методическим вопросам анализа невербального компонента в рамках проведения лингвистического исследования креолизованных текстов по делам, связанным с проявлением экстремизма. На примерах из экспертной практики рассматриваются функции невербального компонента креолизованного текста, виды семантических связей между изображением и вербальной частью в разных типах креолизованных текстов, предлагается алгоритм семантического анализа креолизованного текста как объекта судебной экспертизы.

Ключевые слова: *экстремизм, креолизованный текст, демотиватор, невербальный компонент, семантический анализ, семантические связи, вербализация смысла.*

E.L. Daylof

Southern Regional Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, 344098

THE LINGUISTIC RESEARCH OF NONVERBAL COMPONENT OF A COMPOSIT VERBAL / VISUAL TEXT: PROBLEMS OF VERBALIZATION SENSE

The article is devoted to the methodical issues in the point of the non-verbal component analysis within the framework of linguistic research of composit verbal/ visual texts relevant to extremism prevention. The examples of expert practice functions of nonverbal components of a composit verbal/ visual text, types of semantic bounds between the visual and verbal part in different types of composit verbal/ visual texts are discussed. The algorithm for semantic analysis of composit verbal/ visual texts as an object of forensic assessment is suggested.

Keywords: *extremism, composit verbal/ visual text, demotivator, nonverbal component, semantic analysis, semantic connection, verbalization sense.*

Креолизованный («смешанный», «поликодовый», «семиотически осложненный») текст как лингвистический феномен является объектом научных изысканий многих ученых-лингвистов, в частности исследованию креолизованного текста посвящены работы Сорокина и Тарасова (1990), Анисимовой (2003), Валгиной (2003), Вашуниной (2009), Ворошиловой (2013), Чернявской (2010), Ариас (2015), Поймановой (1997) [1-8] и др.

Тем не менее, исследование вербально-визуальных объектов остается актуальной научно-практической проблемой при производстве судебных лингвистических экспертиз и исследований, в том числе в рамках антиэкстремистского законодательства.

Так, в практике экспертной деятельности объектами лингвистического исследования по делам, связанным с противодействием экстремизму, выступают как

статические вербально-визуальные произведения – плакаты, демотиваторы, листовки, так и динамические аудио-вербально-визуальные продукты – видеоролики, видеоклипы, фильмы, телевизионные программы и т.п. Связь вербального и визуального компонентов подобных произведений закреплена на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне [3]. Целью экспертного анализа креолизованного текста является объективное лингвистическое подтверждение идейно-тематического содержания подобного произведения как сложно организованного вербально-визуального семантического комплекса.

В зависимости от содержательно-смысловой структуры основными типами соотношения вербальной и визуальной информации в текстах данного вида являются: 1) «текст + изображение» (Т + И), 2) «изображение + текст» (И + Т), 3) «изображение = текст» (И = Т). В текстах первой группы (Т + И) между вербальным и изобразительным компонентами наблюдаются автосемантический вид внутритекстовых структурно-семантических отношений. Вербальная часть несет основную смысловую нагрузку, относительно автономна, обладает смысловой самостоятельностью вне визуального контекста. Изображение выступает в качестве факультативного элемента, выполняет вторичную функцию (иллюстрирует, дополняет, «расширяет» смысловое содержание вербального компонента). В текстах второй группы (И + Т) между вербальным и изобразительным компонентами наблюдаются синсемантические отношения. Доминирующая роль принадлежит изображению, которое выступает в качестве обязательного (облигаторного) элемента текста. Семантическая зависимость (синсемантия) одного компонента от другого может «подкрепляться» соответствующими языковыми маркерами в вербальной части. Данные маркеры могут соотносить вербальный компонент с изобразительным как эксплицитно, так и опосредованно (имплицитно) путем сложных семантических (смысловых) связей, отсылок. Примером эксплицитной семантической связи может служить демотиватор, визуальный компонент которого представляет собой фотографическое изображение горящего/ охваченного пожаром автомобиля, вербальный компонент представлен текстом «Дагестанская свадьба в Москве Должна выглядеть именно так!!!».

Указательное местоимение «так» в данном случае является непосредственным указанием, отсылкой к изображению. В текстах третьей группы (Т = И) содержание вербального и изобразительного компонента в целом дублируют друг друга.

Экспертный анализ креолизованных текстов первой и третьей группы, как правило, не вызывает для лингвиста особых трудностей в связи с доминирующей и/или относительной самостоятельностью вербальной части, и, как следствие, отсутствием необходимости подробного анализа содержания/смыслов, «заложенных» в изобразительном компоненте. В то время как в текстах второй группы, в которых доминирующую роль играет изображение, а вербальный компонент не является самостоятельным носителем информации, анализ смыслового содержания представленных в произведении изображений/визуальных образов выступает в качестве первоочередного (а зачастую и единственного) способа актуализации значения и извлечения смысла словесного компонента.

Определение типа семантической связи между компонентами и дальнейший процесс декодирования визуальных образов является важным условием проведения качественного экспертного анализа креолизованных текстов второго типа. В данном случае изображение является, по сути, имплицитным способом выражения значения, носителем определенной информации (семантической, экспрессивной). Задача эксперта-лингвиста состоит в экспликации данного значения, «переводе» визуальной информации в вербальную. Декодирование информации, выраженной средствами иной, чем языковая, знаковой системы предполагает визуальную интерпретацию изображения и его вербализацию – словесное описание, воспроизведение в форме высказывания содержания и смысла визуального образа. При анализе содержания изображения необходимо зафиксировать отраженную в нем предметную ситуацию, выделить основной, существенный и достаточный для понимания смысла вербальной части информационный (семантический) компонент, не перегружая исследование описанием второстепенных деталей. Подробное описание и оценка таких особенностей изображения, как цветовое решение, композиция, художественное значение и др., если таковые не влияют на понимание смысла вербальной части, представляет-

ся нецелесообразным, так как влечет риск проявления субъективно-личностного начала эксперта и выхода за пределы компетенции.

Связь между изображением и вербальной частью может носить глубокий имплицитный характер и требует тщательного соотнесения обоих компонентов, выявления внутренних структурно-семантических связей. При этом следует учитывать, что изобразительный компонент может содержать как конкретную («визуально-некодированную», буквальную) информацию, так абстрактную («визуально-кодированную», символическую) информацию [2, с. 10]. Информация первого типа является денотативной, ее понимание и интерпретация не вызывает трудностей, информация второго типа является коннотативной, основывается на различных ассоциативных связях, имплицитных значениях, и ее понимание и интерпретация предполагают наличие у реципиента (и как следствие у эксперта) определенных фоновых знаний, в том числе экстралингвистического контекста (национально-культурные особенности, общественно-политическая ситуация, значимые исторические события и явления и т.п.).

Вербальный компонент креолизованных текстов второго типа (И + Т) может выполнять как функцию комментария к изображению, так и в совокупности с изображением составлять целостную содержательно-смысловую единицу, в которой содержание изображения и вербальной части тесно спаяны между собой и составляют общее семантическое (смысловое) пространство. Достаточно часто содержание вербальной составляющей, переданное в рамках малых речевых форм (слоганов, лозунгов, единиц назывного типа, не связанных в предложение и т.п.), обладает высокой степенью смысловой компрессии и апеллирует к фоновым знаниям и речевому опыту читателя, используя визуальное изображение в функции «управления пониманием» [9]. Например, достаточно часто в демотиваторах используется прием двойной актуализации значения [2], основанный на одновременном соположении двух семантических планов понятия (языковой единицы), одно из которых выражено речевым средством, а другое – изобразительным. В частности, демотиватор, вербальный компонент которого представлен фразой «Чурки должны гореть в печурке», эксплуатирует знание/понимание реципиентом прямого и пере-

носного значения слова «чурка» («чурка» как «обрубок дерева, бревна» и «чурка» как экспрессивный этноним жителей/уроженцев республик Кавказа/ Средней Азии), при этом используемый визуальный образ людей определенной национальной/этнической группы актуализирует в данном случае переносное значение слова «чурки».

В демотиваторе, вербальный компонент которого представлен фразой «Кавказцы... Есть среди них и нормальные...», визуальный компонент – изображение собак, двойная актуализация значения основана на свойстве полисемии, в частности многозначности слова «кавказец»/ «кавказцы» («кавказец» как уроженец/житель Кавказа и «кавказец» как разговорная форма названия породы собак («кавказская овчарка»). Так, изображение в визуальном компоненте собак, видимо, данной породы в сочетании с текстом «Кавказцы... Есть среди них и нормальные...» актуализирует смысловое следствие вида: «единственными «нормальными» представителями Кавказа являются собаки породы кавказская овчарка» (в отличие от людей, являющихся уроженцами/жителями данного региона) // «среди кавказцев есть нормальные, и это – собаки».

Специфика видеоматериалов (роликов, клипов) как особого аудиовизуального канала передачи информации состоит в сочетании видеоизображения (визуальные образы), речи (как устной, так и письменной) и звукового сопровождения (музыка, различного рода звуки и шумы). Вербальная составляющая видеоролика может быть представлена устной («звучащей») речью дикторов и действующих лиц (в кадре/за кадром), устной песенной речью (исполнение текстово-музыкальной композиции) и письменной речью, переданной в элементах «телетекста», в формате «бегущей строки», в виде титров/субтитров и иных текстовых вставок. Проведение подобных экспертных исследований требует комплексного анализа цельного видеоряда в сочетании с вербальными элементами (исследование видеоряда, текстовых составляющих, текста «за кадром» и т.п.) с целью решения задачи выявления информации, формы ее выражения, языковых средств или особых приемов и способов передачи информации, а также определения смысловой направленности (прагматики) сообщения.

Сочетание вербальной и визуальной информации является наиболее действен-

ным способом создания необходимого семантического эффекта и оказания информационного воздействия. Видеоизображение («визуальный образ»), как и в случае со статическими вербально-визуальными объектами, в зависимости от задачи сообщения выполняет различные функции, в частности, видеоряд может играть роль иллюстративного сопровождения вербальной информации, являться основным носителем информации или содержать добавочные (дополнительные) смысловые акценты, позволяющие реципиенту конкретизировать/расширить восприятие и понимание содержания вербальной составляющей (извлечь имплицитную информацию, выявить намеки, переносный смысл и т.п.). При выполнении иллюстративной функции видеоряд в основном визуализирует основные идеи и образы речи, придавая словам большую выразительность и усиливая речевое воздействие; при этом семантические отношения видеоряда и вербальной составляющей, как правило, характеризуются определенной степенью диффузии, взаимодополнением/взаимопроникновением смыслов (визуальные образы иллюстрируют вербальный компонент текст/речь раскрывает суть визуальных образов).

Рассмотрим функции и смысловую нагрузку невербального компонента на примере видеоматериалов, выступавших реальными объектами исследования по делам, связанным с проявлением вербально-го экстремизма.

В экспертной практике встречаются работы, в которых видеоряд/ визуальные образы используется в качестве частных приемов «управления пониманием» [9]. Примером использования изображения в функции «визуальной персонификации» [9] может служить демонстрация объекта речи (лица/группы) в отрицательном визуальном контексте (уничижительном, выражающем презрение, пренебрежение и т.п.). Например, в одном из исследуемых видеороликов, посвященных теме событий на Юго-Востоке Украины, жители Донбасса, занимающие пророссийскую позицию, наделаются определением «быдло», при этом визуальный ряд составляют кадры изображения людей с российскими флагами на фоне здания СБУ Луганской области, которые последовательно сменяются кадрами с изображением блеющего стада баранов.

Прием «визуальной верификации знания» [9] как способ управления понима-

нием был использован в видеоролике, основная коммуникативная задача которого заключалась в формировании у реципиента (зрителя) представления о присутствии и активных действиях в Украине вооруженных сил России как истинном, соответствующем действительности, событии/ ситуации. В частности, в ролике демонстрируются фото- и видеокадры, на которых изображены вооруженные люди в военной форме без опознавательных знаков, военная техника (автомобили и др.) на фоне природной местности и в условиях населенного пункта/ населенных пунктов. Согласно титрам, данные видеозаписи были сняты в Украине 2 марта 2014 г. в селе Перевальном. Демонстрация данных кадров сопровождается надписью «Русские оккупационные войска». Подобное сочетание визуальной и вербальной информации как способ подачи материала, во-первых, эксплицирует вывод о том, что на вышеуказанных кадрах запечатлены российские военнослужащие/ представители вооруженных сил России, т.е. российские военнослужащие в указанный период находились на территории Украины, и, во-вторых, что действия вооруженных сил России на территории Украины были непосредственно направлены на захват, оккупацию данного государства.

Таким образом, общие принципы визуальной интерпретации и вербализации смыслового содержания изобразительного компонента текста применимы и к динамическим вербально-визуальным произведениям. В случае большого объема объекта исследования и/или затруднения извлечения смыслов, представляется целесообразным проводить декомпозицию видеоролика (фильма) – членение на фрагменты (эпизоды, мини-сюжеты) с экспликацией вербального компонента и одновременной вербализацией смыслового содержания визуального компонента (вербальный ряд – видеоряд). Например:

- видеоряд – изображение вооруженных людей в военной форме без опознавательных знаков; вербальный ряд – письменная речь, представленная в субтитрах: «Российские боевики угрожали расправой над детьми, когда брали штурмом базу в Евпатории»;

- видеоряд – чередование черно-белых и цветных фотографий, демонстрирующих тела убитых/погибших людей, раненых/травмированных детей; вербальный ряд – письменная речь, представленная в подпи-

сях к фотографиям: «Гитлеровский террор», «Геноцид русскими чеченцев», «Жертвы гитлеровцев», «Факты и свидетельства убийства русскими чеченских детей», «Грозный. 10 января 1995 г. Дети, спасенные из подвала дома, разрушенного в ходе бомбардировки российской армией» (в контексте видеоматериала черно-белые фотографии позиционируются как исторические фотокадры жертв гитлеровцев, цветные – как достоверные факты/документальные свидетельства совершения российской армией в Чечне в период «первой чеченской войны» бомбардировок жилых домов, массовых убийств чеченцев, в том числе мирного населения, детей, женщин);

• видеоряд – изображение мусульманских религиозных деятелей, российских и зарубежных политических и государственных лиц (в том числе В.В. Путина, Рамзана Кадырова, Дж. Буша и др.), вербальный ряд – устная звучащая речь/ текст песни: «Повсюду выполз этот сброд// Безродной нечисти и гнусов// Осведомителей и трусов// И вверх в страданья свой народ // Пускай же <корчатся> в пыли// Бригадные воры и <воры>// Их спесь и злые разговоры// Нас в эту бойню вовлекли».

На наш взгляд, в отличие от простой экспликации-«раскадровки», содержащей изображение синхронизированных с речью/текстом фото-, видеокадров, подобный подход к анализу визуального компонента креолизованных объектов не только способствует правильному установлению семантических отношений между вербальным и визуальным компонентами, и как следствие, положительно влияет на качество исследования и правильность экспертной оценки, но и, как представляется, в более полной мере отвечает задаче прикладного применения лингвистических знаний. Как и в случае с текстовыми материалами, при членении (декомпозиции) видеоматериала на структурно-смысловые части необходимо соблюдать требование смысловой достаточности и полноты выделенных фрагментов.

Примерная схема (алгоритм) экспертного анализа динамических вербально-визуальных объектов:

1. Установление/определение состава вербального и визуального компонентов

1.1. Вербальный компонент:

• устная («звучащая») речь: в кадре/ за кадром; песенная речь/тексты музыкальных композиций (песен);

• письменная речь в кадре: титры/ субтитры, элементы «телетекста», «бегущая строка», надписи/подписи в кадре/ на демонстрируемых в видеоряде материальных объектах;

1.2. Невербальный компонент (визуальный ряд): видеоизображения, фотографии, графические изображения (рисунки, картинки), коллажи и т.п.

• сюжетное/ законченное в смысловом отношении произведение;

• тематическая подборка фото-, видеоматериалов.

2. Установление/определение типа/ вида структурно-семантических отношений между вербальным и визуальным компонентами:

• ТЕКСТ + ИЗОБРАЖЕНИЕ (Т+ И);

• ИЗОБРАЖЕНИЕ + ТЕКСТ (И+ Т);

• ТЕКСТ = ИЗОБРАЖЕНИЕ (Т = И).

3. Установление смыслового содержания креолизованного объекта

3.1. ТЕКСТ + ИЗОБРАЖЕНИЕ (Т+ И); ТЕКСТ = ИЗОБРАЖЕНИЕ (Т = И) вербализация смыслового содержания изображения определение функции изображения (иллюстративная, аргументирующая, эвфемистическая, символическая, сатирическая и др.) экспликация смыслового содержания.

3.2. ИЗОБРАЖЕНИЕ + ТЕКСТ (И+ Т) вербализация смыслового содержания изображения установление/определение смысловой нагрузки и функций невербального и вербального компонента:

• невербальный компонент (изображение) несет основную смысловую нагрузку и выступает в качестве обязательного (облигаторного) элемента;

• текст как надпись/подпись к изображению;

• текст как комментарий к изображению;

• невербальный компонент как частный прием/способ подачи определенной информации, выражения определенного значения, семантики;

• изображение и вербальная часть образуют единую/ целостную содержательно-смысловую единицу, обладают значительной степенью диффузии/ взаимозависимости → установление смысловых связей/отсылок, имплицитно выраженных значений, семантики.

В заключение следует отметить, что проведение исследования вербально-визуальных объектов зачастую требует от эксперта не только общей теоретической, методической и научной подготовки, но и

творческого подхода и поиска нестандартных экспертных решений. Вопрос методологии исследования визуальной составляющей, разработки прикладных методов и процедур семантической интерпретации и вербализации изображения остается актуальной проблемой лингвистической экспертизы, требующей интеграции результатов современных научных изысканий в области исследования креолизованных текстов в практику судебно-экспертной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. *Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия*. – М.: Наука, 1990. – 240 с.

2. Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на примере креолизованных текстов): Учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов*. – М.: Тезаурус, 2013. – 122 с.

3. Валгина Н.С. *Теория текста: учебное пособие*. – М.: Логос, 2003. – С.192-194.

4. Вашунина И.В. *Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: автореф.дис... д-ра фил. наук*. – М., 2009. – 42 с.

5. Ворошилова М.Б. *Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Монография*. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – 194 с.

6. Чернявская В.Е. *Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте: сб. науч. ст./ отв. ред. проф. М.П. Котюрова*. – Пермь, 2010. – С.113-125.

7. Ариас А.М. *Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты: учебное пособие*. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. – 126 с.

8. Пойманова О.В. *Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дисс. ...канд. филол. наук*. – М., 1997. – 237 с.

9. Баранов А.Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие/ А.Н. Баранов*. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С.390–396.

funktsiya. Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya [Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech impact]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 240 p. (In Russ).

2. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na primere kreolizovannykh tekstov) [Text linguistics and intercultural communication (by the example of creolized texts)]*. Moscow: Tezaurus Publ., 2013. 122 p. (In Russ).

3. Valgina N.S. *Teoriya teksta [Theory of text]*. Moscow: Logos Publ., 2003. pp.192-194. (In Russ).

4. Vashunina I.V. *Vzaimovliyaniye verbal'nykh i neverbal'nykh (ikonicheskikh) sostavlyayushchikh pri vospriyatii kreolizovannogo teksta: avtoref.dis... d-ra fil. nauk [The interaction of verbal and non-verbal (iconic) components in the perception of creolized text: Abstract of doctor's thesis (filol.)]*. Moscow, 2009. 42 p. (In Russ).

5. Voroshilova M.B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu [Political creolized text: keys to reading]*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2013. 194 p. (In Russ).

6. Chernyavskaya V.E. *Polikodovost' kommunikatsii kak ob"ekt rechevedeniya. In: Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Polkadot communication as an object of speech study. In: Stereotype and creativity in the text]*. Perm, 2010. pp. 113-125. (In Russ).

7. Arias A.-M. *Polikodovyi tekst: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Policeguy text: theoretical and applied aspects]*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of Management and Economics Publ., 2015. 126 p. (In Russ).

8. Poimanova O.V. *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk [Semantic space visual/verbal texts: Abstract of candidate's thesis (filol.)]*. Moscow, 1997. 237 p. (In Russ).

9. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika [Linguistic examination of the text: theory and practice]*. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2007. pp. 390-396. (In Russ).

Сведения об авторе:

Дайлоф Екатерина Леонидовна - старший государственный эксперт ФБУ Южный РЦСЭ Минюста России; тел.: 8 (863)-243-06-08; e-mail: katerina.dail@rambler.ru

REFERENCES

1. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya*

Судебно-экспертные учреждения стран СНГ

И.Ш. Борчашвили¹, Л.Ф. Парамонова²

¹ГУ «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан»,
Астана, Республика Казахстан, 010000

²«Институт судебной экспертизы по Павлодарской области» Центра судебной
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, Павлодар,
Республика Казахстан, 140000

АДВОКАТСКИЙ ЗАПРОС О ДАЧЕ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ. ЧАСТЬ 2

Во второй части статьи продолжен анализ новелл Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регламентирующих организацию и производство судебных экспертиз по адвокатскому запросу. Авторами проанализированы права и обязанности эксперта, внесены предложения по корректировке норм с учетом адвокатского запроса о получении заключения эксперта. Рассмотрены права следственного судьи в части назначения судебной экспертизы по ходатайству адвоката, участвующего в уголовном процессе в качестве защитника, и с учетом требований юридической техники разработаны соответствующие нормы. Предложены альтернативные варианты формулировок норм, регламентирующих права и обязанности руководителя органа судебной экспертизы в части организации и производства судебных экспертиз по адвокатскому запросу. В целях унификации разработан проект процессуального документа «Адвокатский запрос о получении заключения эксперта».

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта, адвокатский запрос о даче экспертного заключения, экспертиза по запросу защитника и представителя потерпевшего

I.SH. Borchashvili¹, L.F. Paramonova²

¹ Forensic Science Centre of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan, 010000

² Institute of Forensic Science in the Pavlodar region of Forensic Science Center of the
Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Pavlodar, Kazakhstan, 140000

ATTORNEY'S REQUEST FOR GIVING AN EXPERT OPINION IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: CORRECTIONS. PART 2

In the second part of the article continued analysis of the stories of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, regulating the organization and production of judicial examinations attorney's request. The authors analyzed the rights and duties of experts, made a proposal to adjust the rules based lawyer request for an expert opinion. Considered the rights of the investigating judge in the appointment of judicial examination at the request of the lawyer involved in the criminal trial as an advocate, and taking into account the legal requirements of the relevant rules of the art developed. Proposed alternative language rules governing the rights and duties of the head of the body in the forensic part of the organization and production of judicial examinations attorney's request. In order to standardize a draft procedural document «Advocates' request for an expert opinion».

Keywords: *forensics, expert opinion, attorney's request for giving an expert opinion, the examination at the request of defense counsel and representative of the victim.*

В первой части статьи [1] были проанализированы нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), регламентирующие составление адвокатом запроса и порядок его направления в орган судебной экспертизы, новые термины, введенные законодателем, предложены варианты формулировок, позволяющие восполнить имеющиеся пробелы, исключить выявленные коллизии и привести нормы в соответствие с требованиями юридической техники.¹

Настоящая статья посвящена вопросам организации и производства судебных экспертиз по адвокатскому запросу в рамках уголовного процесса. Анализ норм УПК РК показывает, что при создании нового института в рамках уголовного процесса – института производства судебной экспертизы по адвокатскому запросу – в кодекс не были внесены в полном объеме необходимые нормы. Одним из вариантов устранения подобных пробелов является внесение дополнений в отраслевой закон, ведомственные нормативные правовые акты, но в Законе РК от 20 января 2010 г. «О судебно-экспертной деятельности в РК» отсутствуют какие-либо упоминания о производстве экспертизы по запросу адвоката в рамках уголовного процесса. В результате УПК РК и отраслевой закон различаются между собой по отдельным принципиальным вопросам, что диктует объективную потребность в разработке вариантов новелл, направленных на восполнение выявленных пробелов [2].

Рассмотрим нормы УПК РК, регламентирующие права и обязанности эксперта и руководителя органа судебной экспертизы: насколько полно в них отражены новеллы, связанные с организацией и производством экспертиз по адвокатскому запросу? В научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о процессуальном статусе экспертов, проводящих экспертизы на договорной основе. Так Е.А. Зайцева полагает, что статус данных лиц более соответствует статусу «сведущих свидетелей» [3], А.Н. Петрухина считает, что «экспертами данные лица не являются по той причине, что исследование ими проводилось без соблюдения формальных требований УПК РФ, предъявляемых к судебной экспертизе» [4]. В российском УПК нет норм, регламентиру-

ющих порядок назначения и производства экспертиз по адвокатскому запросу², но в УПК РК такие нормы есть: адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, при наличии определенных ограничений и соблюдении ряда требований вправе получить заключение эксперта.

Права и обязанности судебного эксперта детально изложены в ст.79 УПК РК, содержащей семь частей, но ни в одной из норм нет каких-либо упоминаний о таком субъекте как адвокат, участвующий в деле в качестве защитника. Согласно ч.1 данной статьи «в качестве эксперта может быть *вызвано* незаинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями», в п.1 ч.5 этой же статьи уточнено, что эксперт обязан явиться *по вызову* органа, ведущего уголовный процесс. Таким образом, выше приведенная формулировка, носящая императивный характер, исключает адвоката, участвующего в деле в качестве защитника, из перечня субъектов, привлекающих лиц, обладающих специальными научными знаниями, к проведению экспертизы, так как адвокат не обладает правом применять меры процессуального принуждения в отношении тех или иных лиц. В связи с изложенным полагаем, что использование более нейтральной формулировки п.1 ст.79 УПК РК, во-первых, расширит перечень лиц, обращающихся в орган судебной экспертизы для получения заключения эксперта, во-вторых, исключение из нормы словосочетания «может быть» соответствует требованиям юридической техники:

Статья 79. Эксперт

1. Эксперт – не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями. Иные требования, предъявляемые к лицу, которому поручается производство экспертизы, устанавливаются частью первой статьи 273 настоящего Кодекса.

Согласно п.2 ч.3 ст. 79 УПК РК эксперт вправе заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов (как правило, образцов, фактических данных,

¹ Первая часть статьи была опубликована во втором номере журнала «Теория и практика судебной экспертизы» за 2015 [1].

² В ходе опроса российских адвокатов, выступающих защитниками по уголовным делам и представителями по гражданским делам, на вопрос о том, какими правами в отношении назначения и производства экспертизы следовало бы наделять адвокатов-представителей по гражданским делам и адвокатов-защитников, 30,7 % опрошенных считают необходимым предоставить адвокату право «назначать» экспертизы [5].

содержащихся в материалах дела), необходимых для дачи заключения, но данный механизм возможен только в отношении органа, ведущего уголовный процесс и назначившего экспертизу, а при производстве экспертизы по адвокатскому запросу он неосуществим, так как адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, не входит в перечень лиц, имеющих право получать образцы или поручать их получение врачу или специалисту (ст.263 УПК РК «Лица и органы, имеющие право получать образцы»). При подготовке материалов для экспертного исследования по адвокатскому запросу выход из подобной ситуации, на наш взгляд, видится в реализации адвокатом своего права ходатайствовать перед следственным судьей об истребовании любых сведений, документов, предметов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи и защиты интересов подозреваемого, обвиняемого (п.2 ч.3 ст.70 УПК РК). Например, таким образом могут быть получены необходимые для экспертного исследования образцы почерка, подписи, оттисков печатей у физических и юридических лиц, а также сведения, содержащиеся в материалах дела, но с которыми подзащитный и защитник будут ознакомлены только по окончании досудебного расследования (например, результаты следственного эксперимента, допросы других участников процесса).

Однако для реализации адвокатом своего права в полной мере необходимо внести изменения в статью, регламентирующую полномочия следственного судьи, а именно, в п.6 ч.2 ст.55 УПК РК, в котором указано, что следственный судья «по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассматривает вопрос об истребовании и *приобщении к уголовному делу* любых сведений...». Но при иницировании экспертизы адвокатом последний вправе предоставлять только те объекты, которые находятся в его распоряжении, и отсутствует необходимость в истребовании объектов исследования из органа, ведущего уголовный процесс (ч.7 ст. 272 УПК РК). Таким образом, п.6 ч.2 ст.55 УПК РК с учетом вышеизложенного мог бы иметь следующий вид:

Статья 55. Полномочия следственного судьи

2. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, следственный судья:

...

б) по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассматривает вопрос об истребовании любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, в случаях отказа в исполнении запроса либо неприятия решения по нему в течение трех суток;

...

В п.5 ч.3 ст.79 УПК РК регламентирован порядок проявления экспертом инициативы в случае назначения экспертизы органом, ведущим уголовный процесс: инициатива должна быть согласована с лицом, назначившим экспертизу. С.Ф. Бычкова, обосновывая причины подобного ограничения права эксперта, указывает, что «следует учитывать аспекты, связанные с состязательным характером процесса, в частности, тот факт, что при проведении экспертизы по инициативе сторон эксперт не вправе без согласования с ней ставить и разрешать вопросы, поскольку может иметь место ситуация, когда обстоятельства, установленные экспертом, негативно отразятся на положении участника процесса, чьи интересы он должен «защищать» средствами судебной экспертизы» [6]. Считаем невозможным согласиться с приведенными доводами, так как эксперт, будучи не заинтересованным в деле лицом, может и должен в первую очередь устанавливать фактические данные, обстоятельства, которые помогут органу, ведущему уголовный процесс, принять законное, справедливое решение³. С учетом вышеизложенного данная норма может быть изложена в следующем виде:

Статья 79. Эксперт

3. Эксперт имеет право:

...

5) давать в пределах своей компетенции заключение по выявленным в ходе судебно-экспертного исследования обстоятельствам, имеющим значение для дела, выходящим за пределы вопросов, поставленных на разрешение;

...

Согласно п.3 ч.3 ст.79 УПК РК эксперт обязан отказаться от дачи заключения, со-

³ Необходимо отметить, что в Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК экспертная инициатива ничем не ограничена: эксперт вправе давать заключение по выявленным в ходе судебно-экспертного исследования обстоятельствам, имеющим значение (ч.1 ст.91).

ставив мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направив его в орган, ведущий уголовный процесс, в случаях, предусмотренных статьей 284 УПК РК «Сообщение о невозможности дать заключение». Полагаем, что если при поступлении адвокатского запроса о получении заключения эксперта есть основания для составления мотивированного сообщения о невозможности дать заключение, такое сообщение должно быть составлено и направлено защитнику. В связи с вышеизложенным данные нормы могли бы иметь следующий вид:

Статья 79. Эксперт

5. Эксперт обязан:

...

3) отказаться от дачи заключения и составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить его в орган, ведущий уголовный процесс, защитнику, направившему адвокатский запрос о получении заключения эксперта, в случаях, предусмотренных статьей 284 настоящего Кодекса;

...

Статья 284. Сообщение о невозможности дать заключение

Если эксперт до проведения исследования убеждается, что поставленные перед ним вопросы выходят за пределы его специальных научных знаний или представленные ему объекты исследования либо материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо состояние науки и судебно-экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы, он составляет сообщение о невозможности дать заключение и направляет его органу, назначившему экспертизу, защитнику, направившему адвокатский запрос о получении заключения эксперта.

Эксперт также обязан представлять органу, назначившему экспертизу, смету расходов и отчет о расходах, понесенных в связи с производством экспертизы (п.7 ч.3 ст. 79 УПК РК). Производство экспертизы по адвокатскому запросу осуществляется на договорной основе, и как отмечает Ю.К. Орлов, при оценке какого рода заключений необходимо иметь в виду их возможную необъективность, так как эксперт, работающий на договорной основе, вряд ли сможет дать заключение, не угодное клиенту [7]. В этой связи в целях обеспечения прозрачно-

сти процедуры составления договора и последующего возмещения расходов считается обязательным предоставлять адвокату, участвующему в деле в качестве защитника, развернутый отчет о расходах, понесенных в процессе производства экспертизы. С учетом сказанного предлагается внести дополнение в данную норму:

Статья 79. Эксперт

5. Эксперт обязан:

...

7) представлять органу, назначившему экспертизу, защитнику, направившему адвокатский запрос о получении заключения эксперта, смету расходов и отчет о расходах, понесенных в связи с производством экспертизы.

Об еще одной обязанности эксперта необходимо упомянуть: об обязанности уклониться от участия в производстве по уголовному делу при наличии соответствующих обстоятельств (ч.1 ст.86 УПК РК). Согласно действующих норм правом разрешать заявленные отводы и ходатайства об устранении из производства по делу наделяется орган, ведущий уголовный процесс (ч.2 ст. 86 УПК РК). Как должен действовать эксперт, которому поручено производство экспертизы по адвокатскому запросу, при наличии основания для его отвода? С одной стороны, адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, не наделяется правом разрешать заявленные отводы, с другой стороны, обращаться в орган, ведущий уголовный процесс, с подобным заявлением также некорректно, так как данная процедура находится за рамками расследуемого дела (даже с учетом того, что орган уведомляется о направлении запроса) до тех пор, пока защитник не заявит ходатайство о приобщении объекта исследования и заключения эксперта к материалам уголовного дела в качестве доказательств, и ходатайство будет удовлетворено в полном объеме.

Одним из возможных вариантов решения данной проблемы является письменное уведомление экспертом руководителя органа судебной экспертизы об обстоятельствах, не позволяющих приступить к производству экспертизы, и поручение ее другому эксперту, но в территориальных подразделениях органов судебной экспертизы может не быть второго эксперта такой же квалификации. Возвратить адвокату материалы без исполнения руководитель органа судебной экспертизы также не имеет

права: во-первых, согласно п.1 ч.4 ст.276 УПК РК возврат возможен, если в данном органе судебной экспертизы отсутствует эксперт, обладающий необходимыми специальными научными знаниями; во-вторых, такой алгоритм действий возможен только в отношении органа, назначившего экспертизу.

Для устранения данного пробела предлагаем в статью 276 УПК РК «Производство экспертизы органом судебной экспертизы. Права и обязанности руководителя органа судебной экспертизы» внести дополнения, регламентирующие порядок и перечень оснований для возврата материалов без исполнения адвокату, участвующему в деле в качестве защитника:

Статья 276. Производство экспертизы органом судебной экспертизы. Права и обязанности руководителя органа судебной экспертизы

4. Руководитель органа судебной экспертизы вправе:

...

1-1) указав мотивы, возвратить адвокату, участвующему в деле в качестве защитника, без исполнения адвокатский запрос о получении заключения эксперта и представленные на исследование объекты в случаях, предусмотренных пунктом 1) части четвертой настоящей статьи, а также при наличии обстоятельств, указанных в части первой статьи 93 настоящего Кодекса;

...

Необходимо отметить, что в статье, регламентирующей права и обязанности руководителя органа судебной экспертизы, перечень полномочий не является исчерпывающим как в части объема прав руководителя, так и в части взаимодействия с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, при организации производства экспертизы по его запросу. Так руководитель органа судебной экспертизы при поступлении соответствующих документов и объектов исследования должен поручить производство экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов, однако о необходимости подобных действий при поступлении адвокатского запроса в данной норме не упоминается, в связи с чем предлагаем внести в нее дополнение:

Статья 276. Производство экспертизы органом судебной экспертизы. Права и обязанности руководителя органа судебной экспертизы

....

6. Руководитель органа судебной экспертизы обязан:

1) по получении постановления о назначении судебной экспертизы, адвокатского запроса о получении заключения эксперта и объектов исследования поручить производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного органа судебной экспертизы с учетом требований части первой статьи 272 настоящего Кодекса;

...

Руководитель органа судебной экспертизы вправе ходатайствовать перед лицом, ведущим уголовный процесс, о включении в состав комиссии судебных экспертов лиц, не работающих в данном органе судебной экспертизы, если их специальные научные знания необходимы для дачи заключения (п.2 ч.4 ст. 276 УПК РК). А каков порядок привлечения таких лиц при производстве экспертизы по адвокатскому запросу, если учесть, что защитник не наделен правом рассматривать и удовлетворять ходатайства участников процесса? Полагаем, что процессуальная регламентация будет излишней, так как с учетом договорных основ производства таких экспертиз данный организационный вопрос может быть разрешен путем составления дополнения к имеющемуся договору в случае согласия сторон.

Согласно ст.278 УПК РК орган, ведущий уголовный процесс, а также с его разрешения – участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы, вправе присутствовать при производстве экспертизы и могут давать объяснения, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Относится ли это к защитнику, направившему адвокатский запрос в орган судебной экспертизы? Если проанализировать части 1-3 ст.278 УПК РК, то можно сделать вывод о том, что эти нормы не распространяются на защитника, так как в них прямо указан только орган, ведущий уголовный процесс, но в ч.5 этой же статьи помимо органа, ведущего уголовный процесс, упомянуто и «лицо, назначившее экспертизу». О каком лице идет речь? Согласно ст.7 УПК РК, разъясняющей содержащиеся в кодексе понятия, под органом, ведущим уголовный процесс, понимается суд, а также при досудебном расследовании прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель, отдельно выделен следственный судья – судья суда первой инстанции, осуществляющий предусмотренные Уголовно-про-

цессуальным кодексом полномочия в ходе досудебного производства (в том числе, и назначение судебной экспертизы). С учетом приведенных разъяснений и содержания анализируемой части ст.278 УПК РК (о праве эксперта приостановить производство экспертизы и направить ходатайство об отмене разрешения участнику процесса, препятствующему деятельности эксперта, присутствовать при производстве судебной экспертизы) полагаем, что под «лицом, назначившим экспертизу», законодатель подразумевает следственного судью. Таким образом, данная статья не предусматривает права адвоката и лица, чьи законные интересы он представляет, присутствовать при производстве экспертизы по адвокатскому запросу, хотя их присутствие при исследовании предоставленных объектов может быть полезным эксперту. Адвокатский запрос может не содержать необходимых сведений, каких-то нюансов, деталей, которые будут иметь существенное значение при решении экспертной задачи, но это все эксперт может выяснить, уточнить у присутствующих, что позволит дать полные, исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, и в дальнейшем предотвратить назначение дополнительной или повторной экспертизы. Полагаем, что в ст.278 УПК РК необходимо внести дополнения, позволяющие присутствовать при производстве экспертизы адвокату, участвующему в деле в качестве защитника и направившему запрос о получении заключения эксперта, и лицу, чьи законные интересы он представляет:

Статья 278. Присутствие участников процесса при производстве судебной экспертизы

1. Орган, ведущий уголовный процесс, защитник, направивший адвокатский запрос о получении заключения эксперта, вправе присутствовать при производстве экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Факт присутствия органа, ведущего уголовный процесс, защитника, направившего адвокатский запрос о получении заключения эксперта, при производстве экспертизы отражается в заключении эксперта.

2. При производстве экспертизы с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, могут присутствовать участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы. В этом слу-

чае участие органа, ведущего уголовный процесс, обязательно.

При производстве экспертизы по адвокатскому запросу может присутствовать лицо, в интересах которого она проводится.

...

Формирование нового правового института – это сложный, неоднозначный процесс, сопряженный с совершением ошибок и поиском оптимальных путей их решения, позволяющих совершенствовать нормативно-правовую базу и правоприменительную практику. Предлагаемые изменения и дополнения позволят гармонизировать нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регламентирующие организацию и производство экспертиз по адвокатскому запросу, а образец такого документа как «Адвокатский запрос о получении заключения эксперта» – унифицировать процедуру (приложение 1). Остается надеяться, что содержащийся в данной работе аналитический материал будет использован как казахстанским законодателем, так и российскими коллегами, активно обсуждающими составительную доктрину уголовно-процессуального доказывания, в том числе, методы и средства проведения адвокатского расследования по собиранию оправдательных доказательств и опровержению доказательств обвинения [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борчашвили И.Ш., Парамонова Л.Ф. Адвокатский запрос о даче экспертного заключения в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан: работа над ошибками. Часть 1. // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2015. – № 2(38). – С.64-70.
2. Червинский А.С. *Уголовно-процессуальный статус руководителя судебной экспертизы*: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
3. Зайцева Е.А. *Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства*: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 424 с.
4. Петрухина А.С. *Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве*: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
5. Дьяконова О.Г. Регламентация институтов судебной экспертизы и участия специалиста в судопроизводстве глазами практиков: по результатам анкетирования

адвокатов // *Адвокатская практика*. – 2016. – № 2. – С.16-22.

6. *Теория и практика судебной экспертизы. в 4-х томах. Том 1. Бычкова С.Ф. Организация назначения и производства судебной экспертизы: учебное пособие.* – Алматы: Жеті жары, 1999. – 272 с.

7. Орлов Ю.К. *Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: научное издание.* – М.: Институт повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. – 264 с.

8. *Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова.* – М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.

REFERENCES

1. Borchashvili I.Sh., Paramonova L.F. Attorney's request for giving an expert opinion in the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan: corrections. Part 1. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2015. No 2(38). pp. 64-70. (In Russ)

2. Chervinskii A.S. *Ugolovno-protsessual'nyi status rukovoditelya sudebno-ekspertnogo uchrezhdeniya: monografiya* [Criminal procedure status of the head of forensic institution: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2011. 208 p. (In Russ)

3. Zaitseva E.A. *Kontseptsiya razvitiya instituta sudebnoi ekspertizy v usloviyakh sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya* [The concept of development of forensic institute in the conditions of competitive criminal legal proceedings: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2010. 424 p. (In Russ)

4. Petrukhina A.S. *Otsenka zaklyucheniya eksperta v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Expert opinion assessment in criminal legal proceedings: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 200 p. (In Russ)

5. D'yakonova O.G. Regulation of Institutions of Judicial Examination and Expert Participation in Legal Proceedings as Viewed by Practitioners (by Results of the Lawyers Questioning). *Advokatskaya praktika*. 2016, No 2, pp.16-22. (In Russ)

6. Bychkova S.F. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. v 4-kh tomakh. Tom 1. Organizatsiya naznacheniya i proizvodstva sudebnoi ekspertizy: uchebnoe posobie*. [Theory and practice of forensic science. Vol.1. Organization of appointment and production of forensic expertise: education guidance]. Almaty: Zheti zhar y Publ., 1999. 272 p. (In Russ)

7. Orlov Yu.K. *Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: nauchnoe izdanie* [Forensic examination as an evidentiary fact in criminal legal proceedings: scientific publication]. Moscow: Institut povysheniya kvalifikatsii Rossiiskogo federal'nogo tsentra sudebnoi ekspertizy, 2005. 264 p. (In Russ)

8. Aleksandrova A.S., ed. *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei* [Doctrinal model of the criminal procedure evidence law of the Russian Federation with comments]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 304 p. (In Russ)

Сведения об авторах:

Борчашвили Исидор Шамилович

- доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, директор Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, тел: 8 (7172)-74-01-35, e-mail: i.borchashvili@adilet.gov.kz.

Парамонова Лада Федоровна - кандидат юридических наук, главный эксперт Института судебной экспертизы по Павлодарской области Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, тел.: 8 (7182)-32-59-11; e-mail: fillid66@mail.ru;

Приложение 1

АДВОКАТСКИЙ ЗАПРОС

о получении заключения эксперта

«__» _____ 201__ г.

г. _____

Я, адвокат _____, осуществляющий деятельность на основании лицензии № _____ от «__» _____ 20__ г., являющийся защитником гр. _____ (ордер № _____ от «__» _____ 201__ г.) по уголовному делу № _____, зарегистрированному в ЕРДР «__» _____ 201__ г., расследуемому _____,

(орган, ведущий уголовный процесс) _____ (должность, ФИО) при проведении опроса подзащитного (свидетеля и пр.) получил следующие сведения: _____.

В ходе опроса подзащитным (свидетелем) был передан предмет (документ, аудио-, видеозапись), который он обнаружил (получил) _____.

(указываются подробности его обнаружения и связь с расследуемым происшествием)

Для решения вопроса о том, _____, необходимо провести его исследование.

На основании вышеизложенного и согласно ч.7 ст. 272 УПК РК прошу:

1. Провести _____ экспертизу, поручив ее (вид экспертного исследования)

производство _____.

(ф.и.о. эксперта, наименование органа судебной экспертизы)

2. На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

- _____
- _____

3. В распоряжение экспертов предоставить _____ в упакованном виде.

В случае экспертизы живого лица в соответствии с ч.4 ст.274 УПК РК предоставляется его письменное согласие подвергнуться судебно-экспертным исследованиям.

4. В соответствии с ч.11 ст. 272 УПК РК для возмещения расходов за производство экспертизы направить подзащитного _____ (либо его законного представителя) в орган судебной экспертизы в срок до «__» _____ 201__ г.

5. Согласно ч.8 ст.272 УПК РК копию данного запроса для сведения направить органу, ведущему уголовный процесс.

Адвокат: _____ (ФИО)

(подпись)

НОВОСТИ ENFSI

С.А. Смирнова^{1,2}

¹ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

²ФГАОУ высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия, 117198

ОБ ИТОГАХ 28-Й ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СЕТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (ENFSI) В БИЛЬБАО (ИСПАНИЯ)

S.A. Smirnova^{1,2}

¹Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

²Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, 117198

OUTCOMES OF THE 28TH ANNUAL MEETING OF THE EUROPEAN NETWORK OF FORENSIC SCIENCE INSTITUTES (ENFSI) IN BILBAO (SPAIN)

Двадцать восьмое ежегодное собрание членов ENFSI (European Network of Forensic Science Institutes) проходило на базе Криминалистического подразделения Полиции Страны Басков г. Бильбао (Испания) с 10 по 13 мая 2016 года. В работе конференции приняли участие директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России **Смирнова С.А.**, начальник Северо-Западного РЦСЭ Минюста России **Замараева Н.А.** и заведующий отделом исследований экстремистских материалов, видео- и звукозаписей Северо-Западного РЦСЭ **Свирава Т.Н.**

С приветственным словом к участникам Собрания обратилась **Эстефания Бельтран-де-Ередья** (Estefanía Beltrán de Heredia), министр безопасности Правительства Страны Басков. Направлением тематической части Собрания стали вопросы поиска баланса между запросами правоохранительных органов и возможностями судебно-экспертных учреждений, в ходе которой выступили **Каролина Ван Дийк** (Karolien Van Dijk, Национальный институт криминалистики, Бельгия) с докладом о роли со-

ветников по криминалистике при организации взаимодействия судебных экспертов и правоохранительных органов, а также **Йом Нерманссон** (Johm Hermansson, Криминалистическая служба, Дания) с докладом, посвящённым улучшению эффективности работы судебно-экспертных учреждений путем использования современных методик организации производственных процессов.

Последние два дня Собрания были посвящены внутренней деятельности организации: заслушаны отчётные доклады руководителей различных подразделений ENFSI за 2015/2016 год, утверждены основные направления деятельности на ближайшее будущее, внесены изменения в Конституцию организации, проведены выборы нового члена Президиума ENFSI.

В перерывах между заседаниями представителями производителей продемонстрировались последние образцы технического оборудования, используемого при производстве различных видов судебной экспертизы.

Участники 28-й конференции ENFSI, Бильбао, май 2016 г.

Наличие как официальной, так и неофициальной частей Собрания позволило обменяться мнениями по актуальным вопросам, познакомиться или упрочить связи с руководителями других судебно-экспертных учреждений - членов ENFSI, в том числе бывших советских республик (Латвия, Литва, Эстония, Азербайджан, Армения, Грузия), многие из которых уже имеют лаборатории, аккредитованные по международному стандарту ISO 17025; обсудить актуальные вопросы и обменяться опытом руководства судебно-экспертными учреждениями.

Участие в конференции РФЦСЭ при Минюсте России и Северо-Западного РЦСЭ Минюста России позволяет продолжать курс на укрепление сотрудничества с ENFSI: расширение областей, аккредитованных по стандарту ISO 17025, участие

экспертов Центров в совместных учебных и проверочных упражнениях с экспертами различных специальностей из других СЭУ-членов ENFSI и в рабочих группах по различным видам экспертиз. В частности, в сентябре 2016 года на базе РФЦСЭ при Минюсте России будет проведено заседание рабочей группы ENFSI по криминалистическому исследованию речи и аудиозаписей (FSAAWG).

Сведения об авторе:

Смирнова Светлана Аркадьевна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности Российского университета дружбы народов; тел.: 8 (495)-916-21-55, e-mail: info@sudexpert.ru

В.Д. Левчук

ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

О 24-М ЗАСЕДАНИИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ENFSI ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ВОЛОКОН И ВОЛОС ЖИВОТНЫХ (ENHG)

V.D. Levchuk

Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

NOTES ON THE 24TH MEETING OF THE ENFSI TEXTILE AND HAIR WORKING GROUP (ETHG)

Очередное двадцать четвертое совместное заседание рабочей группы ENFSI по исследованию волокон и волос животных проходило в Евангелической Академии города Тутцинг (Германия, пригород Мюнхена) с 7 по 10 июня 2016 года.

В работе группы принимала участие государственный судебный эксперт лаборатории криминалистической экспертизы волокнистых материалов (далее КЭВМ) ФБУ РФЦСЭ Левчук В.Д.

На встрече присутствовало 40 экспертов из разных стран, в том числе из Литвы, Латвии, Польши, Чехии, Германии, Швейцарии, Бельгии, Венгрии, Великобритании, США, Кипра, Греции, Сингапура.

В начале конференции председатель комиссии ENFSI Jan Grunwald (Германия) и директор института ENFSI Guido Limmer (Германия) приветствовали участников и оповестили их о планах на ближайшие дни.

Далее Vanessa Eng (Сингапур) рассказала об обновлении сети Азиатской криминалистики (AFSN) и рабочей группы (TEWG). Она уделила особое внимание целям AFSN и TEWG на данной конференции, сообщила о составе организации, о структуре и семинарах рабочей группы, о планах TEWG в исследовании волокон. Она выразила надежду на дальнейшее международное сотрудничество.

Темой доклада Kris De Wael (Бельгия) стало исследование окрашенных волокон на заключительных этапах расследования убийств. Были приведены случаи из экс-

пертной практики расследования различных преступлений, связанных с удушением жертв с использованием кожаного ремня, электрического шнура и т.д. Им было показано, как переходят микрочастицы, в т.ч. микроволокна от одежды подозреваемых и потерпевших, а также от предметов вещной обстановки и орудий преступлений.

Jolanta Was-Gubala (Польша) выступила с докладом, посвящённым сравнительному анализу физико-механических характеристик красных хлопковых волокон. Ею было установлено, что метод поляризованной микроскопии и метод ИК-спектроскопии не позволяют идентифицировать красители волокон, а Raman-спектроскопия и микроскопия в проходящем свете отличаются высокой степенью распознавания волокон. Микроспектрофотометрия выявила наибольшую степень дифференциации волокон по цвету.

Доклад Genevieve Massonet (Швейцария) был посвящён определению степени сохранности трёх видов серебряных коллоидных растворов, используемых для усиления сигнала комбинационного рассеяния для получения чётких информативных спектров в Raman-спектроскопии.

Hagen Hohmuth (Германия) выступил с докладом, посвящённым производству нетканых материалов фирмы TENOWO и сферам их применения.

Kris De Wael (Бельгия) выступил с докладом, посвящённым измерению эффекта, проявляющегося в различии коэффициента

поглощения света (линейного дихроизма), используя микроспектрофотометр – PPL. В ходе своих исследований Kris пришёл к выводу, что дихроизм зависит от: химической структуры, ориентации молекул (или кристаллов) и симметрии, а также от ориентации полимерной цепи.

Jaap van der Weerd (Нидерланды) и Hart Althoff (Германия) выступили с докладами, посвящёнными теоретическим основам микроспектрофотометрии в ультрафиолетовой, видимой и ИК-областях спектра.

Практическая часть заседания заключалась в обсуждении интересных случаев из экспертной практики в рабочих группах по 3–7 человек. В группу Левчук В.Д. входили: Daina Vasiliauskiene (Литва), Katarzyna Razarenkow (Польша) и Pamela Bauer (Великобритания).

В рамках данной рабочей группы Katarzyna Razarenkow представила экспертизу, в которой рассказала, как, благодаря наличию повреждения на джемпере убийцы яркие волокна, входящие в состав его изнанки, перешли на одежду убитого.

Daina Vasiliauskiene представила экспертизу, посвящённую сравнительному исследованию красителя, отпечатанного на банкноте, с красителем, используемым в банкоматах для опрыскивания денег в момент кражи, а также красителем ткани рабочего костюма. Daina сравнила структуру ткани, отпечатанной на банкноте, со структурой ткани рабочего костюма. Они совпали. Далее Daina сравнила все исследуемые красители с помощью микроспектрофотометра. Данный метод показал, что краситель, оставленный на банкноте, идентичен красителю, которым окрашен рабочий костюм и отличается от красителя, используемого в банкомате. Необходимо отметить, что исследования проводились не только в видимой области спектра, но и в ультрафиолетовой и инфракрасной. Эти сообщения вызвали наибольший интерес.

На дискуссионных занятиях были обсуждены следующие вопросы: какие микроспектрофотометрические системы и диапазоны длин волн используются для измерений; способы калибровки приборов; какие спектры (поглощения или пропускания) используются; какова стандартная процедура отбора проб; способы и места сбора волокон-наслоений в зависимости от события преступления и волокнистого состава исследуемых текстильных материалов; изменения, происходящие с волокнами исследуемых материалов в результате светопогоды и эксплуатационных факторов; необходимое количество спектров на неравномерное по окраске (к примеру, хлопковое) волокно; применение «сглаживания» и «усреднения» спектров; виды изображений и виды спектров сравнения и т.д.

В ходе дискуссий выявлены точки совпадений и различия российских и зарубежных методик при исследовании текстильных материалов.

Всем участникам была продемонстрирована работа микроскопов производства фирмы Leica с микроспектрофотометрическими приставками CRAIC и TIDAS.

Заседание группы ENFSI подтвердило необходимость участия экспертов лаборатории КЭВМ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России в работе подобных форумов. Полученные благодаря европейским коллегам знания могут быть использованы сотрудниками нашей лаборатории в своей повседневной работе при производстве экспертиз, а дискуссионно-практические занятия позволили нам познакомиться с экспертной практикой коллег и сравнить подходы и экспертные техники изучения объектов волокнистой природы.

Сведения об авторе:

Левчук Валерия Джагатовна – государственный судебный эксперт лаборатории КЭВМ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. Тел.: 8 (495)-916-28-49; e-mail: labkevm@mail.ru

Судебная экспертиза за рубежом

Ш.Н. Хазиев

ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»,
Москва, Россия, 119019

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Статья рассматривает опыт привлечения судебных экспертов разных государств для расследования и судебного разбирательства нарушений гуманитарного права и других преступлений международного характера, совершенных на территории бывшей Югославии во время межнациональных конфликтов. Анализируются особенности работы международных судебно-экспертных команд при осмотрах мест происшествий и исследовании вещественных доказательств. Приводится информация об использовании заключений судебных экспертов в работе Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. При подготовке статьи использованы официальные документы Трибунала, стенограммы судебных заседаний, заключения экспертов, документы ООН, российская и зарубежная пресса и научные публикации.

Ключевые слова: *международный уголовный трибунал, Югославия, судебная экспертиза, международный уголовный процесс, судебно-медицинская экспертиза, геноцид.*

Sh.N. Khaziev

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, 119019

FORENSIC SCIENCE IN THE INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNAL FOR THE FORMER YUGOSLAVIA

The article deals with the experience of engaging forensic experts of different countries for the investigation and prosecution of violations of humanitarian law and other international crimes committed in the former Yugoslavia during the ethnic conflict. The features of the work of international forensic teams at the scene examination, investigation of physical evidence, and provides information about the use of the forensic experts in the activities of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia is analyzed. Used transcripts of court hearings, expert opinions, reports and other official documents of the Tribunal, the UN documents, Russian and foreign press and scientific publications.

Keywords: *International Criminal Tribunal, Yugoslavia, forensics, international criminal trial, forensic medical examination, genocide.*

На территории бывшей Югославии в 1991 году возникли очаги межнациональной напряженности, приведшие к вооруженным конфликтам, в ходе которых имели место многочисленные нарушения Женевских конвенций 1949 года и законов и обычаев войны, факты преступлений против человечности, геноцида.

Существует несколько порой диаметрально противоположных точек зрения относительно причин трагических событий на территории бывшей Югославии. Средства массовой информации и политологи многих западноевропейских стран и США возлагают основную ответственность на республику Сербию, которая, по их мнению, пыталась утвердить гегемонию на всей территории Югославии и совершила акт агрессии против Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении. По другой точке зрения, упомянутые трагические события явились следствием противоправного отделения от Югославии субъектов федерации без учета интересов наций, не желавших распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (далее СФРЮ). Также не лишены оснований и утверждения некоторых аналитиков о целенаправленном воздействии внешних сил, «международном заговоре» против Югославии в геополитических целях. Представляется наиболее обоснованной точка зрения, высказанная профессором С.А. Егоровым, считающим, что кризис Югославии имеет глубокие исторические корни, и что югославское государство прекратило свое существование под влиянием как внутренних, так и внешних факторов [1].

В результате распада от СФРЮ, состоявшей из шести союзных республик, отделились четыре: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония. Территория автономного края Косово в результате конфликта получила независимость и была признана несколькими десятками стран самопровозглашенным государством. Югославия же после выхода из ее состава Черногории 3 июня 2006 года окончательно прекратила свое существование.

Решение об учреждении Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершённые на территории бывшей Югославии с 1991 года (далее – Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии) было принято в мае 1993 года Советом Безопасности Организации Объ-

единенных Наций (далее – ООН). Этот Трибунал является *ad hoc* судебным органом, так как он был создан специально с целью судебного преследования лиц, ответственных за преступления, совершенные в рамках конкретных конфликтов, имевших место на территории бывшей Югославии [2].

Трибунал начал функционировать 17 ноября 1993 г. Завершение судебных процессов планировалось к концу 2008 г., а рассмотрение апелляций – к концу 2010 г.

Трибунал базируется в Гааге (Нидерланды). В аппарате Трибунала работает около 1,2 тыс. человек из 79 стран. В состав Трибунала входят три главные структуры: регистратура (ведет архивы, занимается доставкой свидетелей, содержанием подсудимых под стражей и пр.), аппарат обвинителя (занимается сбором доказательств, составлением обвинительных заключений) и судебные камеры (три судебные камеры и одна апелляционная). Судьи являются представителями различных стран, в частности, США, Италии, Бельгии, Сенегала, Того, Турции, Германии, Гайаны, Замбии, Ямайки, Мальты, Нидерландов, Республики Корея, Франции, Южной Африки, Багамских Островов и Китая. Российская Федерация в работе Трибунала участия не принимала, хотя неоднократно высказывала критические замечания о его деятельности в связи с преследованием, главным образом, участников конфликта с сербской стороны¹. По состоянию на конец 2014 года в состав Трибунала входили 23 судьи из 22 стран. В составе камер – 14 постоянных судей Трибунала, шесть постоянных судей Международного уголовного трибунала по Руанде, заседающих в апелляционной камере, и трое судей *ad litem*. Максимальное наказание, которое может вынести Трибунал, это пожизненное заключение.

За время работы Трибунал обвинил в совершении преступлений в Югославии 161 человека и завершил судебное разбирательство в отношении 141 лица. В настоящее время все они находятся в распоряжении Трибунала. На конец 2014 г. осталось рассмотреть девять дел: из них четыре находятся в судебном производстве², пять – в апелляционном. Усилия Трибунала со-

¹ Постоянный судья Международного уголовного трибунала по Руанде россиянин Бахтияр Тузмухамедов в настоящее время заседает в Апелляционной камере Международного трибунала по бывшей Югославии.

² Завершаются процессы над Ратко Младичем, Гораном Хаджичем, Радваном Караджичем, Воиславом Шешелем.

средоточены на оперативном завершении судебной деятельности при сохранении высокого уровня соблюдения процессуальных гарантий [3].

В отношении 35 подозреваемых уголовное дело было прекращено, в том числе по причине смерти (четверо подозреваемых скончались до начала судебных слушаний, шестеро, включая Слободана Милошевича, суд над которым начался в 2002 году, – во время судебного процесса в 2006 году).

Вероятно, это наиболее активно критикуемый международный судебный орган. Подвергается сомнению даже его юрисдикция: Трибунал, как уже говорилось выше, был создан Советом Безопасности ООН, хотя в Уставе ООН предусматривается, что соответствующее решение должна принимать Генеральная Ассамблея. Трибунал рассматривает преступления, совершенные сербами, хорватами и мусульманами, однако большинство осужденных являются сербами. Трибунал не использует и переводчиков с сербского, а только с хорватского и боснийского. Серьезную критику вызывает длительность судебных процессов – они тянутся по несколько лет. Большую волну осуждения вызвал отказ Трибунала разрешить С. Милошевичу получение медицинской помощи в России.

Судопроизводство в Трибунале строится в основном на англосаксонской системе права. В качестве основного принципа уголовного процесса было провозглашено обеспечение справедливого судебного разбирательства.

Правила процедуры и доказывания регулируют процессуальные вопросы, в том числе особенности назначения и производства экспертизы в рамках судебного разбирательства. В то же время при подготовке к процессу обвинитель вправе ставить вопрос о приобщении к материалам дела заключений экспертов, которые были подготовлены ранее.

Заседание начинается с заявлений сторон – сначала обвинителя, потом защитника. Защитник имеет право выступать со своим заявлением не непосредственно за обвинителем, а после представления им доказательств вины подсудимого. После выступлений обвинителя и защитника (если они состоялись) с согласия Судебной камеры со своим заявлением может выступить сам обвиняемый. При этом по содержанию этого выступления он не подвергается допросу. Дальнейший порядок процесса в

общих чертах установлен Правилами процедуры и доказывания, однако в каждом конкретном случае судебная камера имеет право отклоняться от него. После вступительных заявлений сторон свои доказательства вины подсудимого представляет обвинение, затем защита, после чего обвинение вправе представить свои доказательства, опровергающие утверждения защиты, а защита может представить дополнительные свидетельства в свою пользу. Далее представляются свидетельства, полученные Судебной камерой по собственной инициативе, и любая другая информация, которая может помочь Трибуналу определить справедливую меру наказания подсудимому, если он будет признан виновным.

Согласно Правилам процедуры и доказывания в исследовании и оценке доказательств Трибунал должен руководствоваться не нормами национального права, а нормами, которые способны обеспечить справедливое рассмотрение дела и созвучны духу Устава Трибунала и общим принципам права. Трибунал вправе признать допустимыми любые доказательства, соответствующие требованиям справедливого суда. Судебная камера имеет право признать неприемлемыми доказательства, полученные методами, вызывающими сомнения в их допустимости или противоречащими этике, и тем самым могущими нанести серьезный ущерб беспристрастности и справедливости судебного разбирательства. Судебная камера вправе также распорядиться о проверке подлинности доказательств, полученных вне зала суда, потребовать от сторон предоставления дополнительных доказательств и вызвать дополнительных свидетелей.

Правила процедуры и доказывания устанавливают специальные нормы лишь в отношении таких видов доказательств, как показания свидетелей, потерпевших и экспертов, которые, как показывает практика деятельности Трибунала, и являются основными видами доказательств при рассмотрении дел. Списки вызываемых в судебное заседание свидетелей и экспертов, а также письменные заключения экспертов предоставляются сторонами судье, ответственному за досудебное разбирательство, и утверждаются им.

Заключение эксперта должно быть представлено другой стороне не позднее, чем за 21 день до дачи показаний экспертом на заседании Судебной камеры. В те-

чение 14 дней со дня получения заключения эксперта другая сторона должна сообщить судебной камере, согласна ли она с заключением или желает допросить эксперта на заседании камеры. В случае согласия другой стороны с заключением эксперта он не вызывается на заседание судебной камеры, а его заключение приобщается к материалам дела.

Допрос эксперта в судебном заседании ведет сторона, которая его вызвала. После ответов на вопросы право продолжить допрос предоставляется другой стороне. Судебная камера должна осуществлять контроль за ходом допроса.

В случае обжалования приговора Трибунала в апелляционном порядке, обжаловавшая сторона вправе, помимо других новых доказательств, представить на рассмотрение апелляционной камеры заключения экспертов, которые в ходе разбирательства в судебной камере ранее не рассматривались. Апелляционная камера сама решает, какие процессуальные действия ей необходимо провести при рассмотрении жалобы, и вправе вновь допросить участвовавшего в судебном разбирательстве эксперта или назначить новую судебную экспертизу.

Новые доказательства, включая и новые заключения экспертов, должны быть предоставлены в канцелярию Трибунала и сообщены другой стороне не позднее чем за 15 дней до заседания апелляционной камеры. Апелляционная камера вправе принять новые доказательства, если она сочтет, что этого требуют интересы правосудия.

Эксперты, находящиеся вне пределов государства расположения Трибунала, могут задерживаться и привлекаться к ответственности за деяния, совершенные до въезда на территорию этой страны исключительно по запросу Трибунала. Иммунитет прекращает действие через 15 дней с момента сообщения Трибунала данному лицу, что в его присутствии более нет необходимости. Кроме того, эксперты, выступающие в Трибунале, не должны подвергаться в государстве нахождения Трибунала мерам, которые могли бы повлиять на свободное и независимое исполнение ими процессуальных функций.

Значительную часть наиболее важных судебных экспертиз для Трибунала провели члены судебно-экспертной команды известной неправительственной организации «Врачи за права человека». Начиная с 1991 г., они провели множество эксгумаций тел

жертв геноцида в Югославии, а также идентифицировали личности значительного количества погибших. Такие работы проводились, в частности, в местечке Сребреница в Боснии, где, по утверждению средств массовой информации, имело место массовое убийство боснийских мусульман. В составе команды были судебные антропологи и археологи, патологоанатомы, судебные биологи-генетики, специалисты в области медицинской радиографии, баллисты и картографы из США, Гватемалы, Чили и Дании. Командой были созданы базы данных пропавших без вести лиц и обнаруженных в захоронениях неопознанных человеческих останков. Эксгумировано более 500 трупов из захоронений в различных районах бывшей Югославии. Многие трупы имели следы огнестрельных ранений. У части трупов запястья были связаны шнуром.

Заключения судебных экспертов, проводивших эксгумацию тел жертв геноцида, сыграли важную роль в судебных разбирательствах по обвинению ряда должностных лиц, виновных в массовых казнях. Так, по делу в отношении генерала Радислава Крстика Трибунал в своем приговоре сослался на результаты судебно-экспертных исследований тел 150 боснийских мусульманских мужчин и мальчиков, обнаруженных около дороги в районе Сребреницы. Все жертвы, кроме трех мужчин, были в гражданской одежде, с огнестрельными ранениями, их руки были связаны за спиной проволокой. Трупы были засыпаны землей прямо на месте казни.

В исследованиях обнаруженных массовых захоронений и расследовании фактов применения пыток и жестокого обращения принимали участие также члены судебно-экспертной команды Европейского союза.

Значительную помощь в проведении судебных экспертиз для трибунала оказал Нидерландский институт судебной экспертизы³. Организационно Институт входит в Министерство безопасности и юстиции Нидерландов. Он был учрежден в ноябре 1999 г. в результате объединения криминалистической лаборатории, созданной в Министерстве юстиции в 1945 г., и лаборатории

³ Нидерландский институт судебной экспертизы осуществляет также и судебно-экспертное обеспечение других международных учреждений уголовного правосудия, в том числе Международного уголовного суда.

судебно-медицинской экспертизы, существовавшей с 1951 г.

Институт является одним из лучших судебно-экспертных учреждений в мире и предоставляет свои услуги широкому кругу национальных, зарубежных и международных организаций и учреждений. Он инвестирует значительные средства в перспективные инновационные исследования и разработки, поддерживает тесные связи с промышленностью, научными учреждениями и университетами. В Институте трудится около 600 сотрудников и проводится более 40 видов судебных экспертиз [4]. Институт является соучредителем Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI). В нем до 2016 г. располагался Секретариат данной организации [5].

В докладе Генерального секретаря о работе ООН от 30 августа 2000 г. отмечалось, что после прекращения военно-воздушной кампании НАТО обвинитель К. Понте провела интенсивные расследования в Косово, масштабы и темпы которых были беспрецедентными. При помощи специальных групп судебно-медицинских экспертов, откомандированных 14 государствами-членами, обвинитель доложила Совету Безопасности о том, что к ноябрю 1999 г. завершена работа на 159 из 529 установленных массовых захоронений, и что за это время было эксгумировано 2108 тел. В 2000 г. канцелярия обвинителя одновременно проводила еще около 24-х расследований, связанных с преступлениями в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Косово, Союзной Республике Югославия.

Значительная часть экспертных исследований состояла в установлении личности ранее пропавших без вести граждан. При этом активно использовались методы и средства генной идентификации.

В ходе подготовки процессов были проведены следующие виды судебных экспертиз: судебно-медицинские (по терминологии Трибунала - судебно-патологические, судебно-антропологические), судебно-баллистические, судебно-документоведческие, судебно-психиатрические, почвоведческие, материаловедческие, демографические, военные и др.

На конец 2002 г. количество специалистов, судебных экспертов и ассистентов свидетелей, привлекавшихся на различные сроки для выполнения своих функций, составляло 676 человек.

По делу боснийского серба Драгомира Милошевича, который в период с 1994 по 1995 годы являлся командиром Сараевского корпуса Армии Сербской Республики, было проведено несколько сложных и уникальных судебных экспертиз.

Роберт Дония (Robert Donia), эксперт обвинения, подготовил историческую экспертизу, в ходе которой проанализировал ситуацию в Боснии и Герцеговине. Основными вопросами исследования явились межэтнические и межконфессиональные отношения. В качестве эксперта защиты по делу Станислава Галича был приглашен российский эксперт-историк, доктор исторических наук, профессор Е.Ю. Гуськова, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Она подготовила детальное научное заключение по важнейшим вопросам, относящимся к ситуации в Югославии накануне и во время трагических событий. 12 и 13 февраля 2003 г. Е.Ю. Гуськова выступала в ходе судебного разбирательства уголовного дела по обвинению боснийского серба генерала Станислава Галича. В ходе допроса в качестве эксперта она дала показания относительно причин балканского кризиса и негативной роли США в развитии трагических событий в Югославии [6].

В качестве эксперта-баллиста по артиллерийскому вооружению обвинителем был приглашен Ричард Хиггс (Richard Higgs). Он исследовал собранные на местах боев артиллерийские снаряды. Другой эксперт обвинения Патрик ван дер Вайден (Patrick van der Weijden) исследовал ручное огнестрельное оружие, использовавшееся в подразделениях Драгомира Милошевича. При этом были сделаны выводы, в частности, относительно того, что винтовки Драгунова и М76 использовались в 1994 - 1995 гг. главным образом в Сараево в качестве оружия снайперов. Свое заключение дал также эксперт-баллист стороны защиты Иван Стаменов (Ivan Stamenov).

Эксперт обвинения Бэрко Зэчэвич, специалист по авиационным бомбам и эксперт в области взрывотехники, исследовал вещественные доказательства, свидетельствовавшие о модификации авиационных бомб и их использования наземными орудиями. Кроме того, он давал заключение по факту взрывов в местах скопления гражданского населения.

В ходе судебного разбирательства исследовались заключения судебных экс-

пертов-баллистов и артиллеристов со стороны обвинения, которые установили, что артиллерийская стрельба велась с территории, занятой сербскими вооруженными отрядами Драгомира Милошевича.

Ева Табо (Ewa Tabeau), эксперт обвинения по вопросам статистики и демографии, допрашивалась по вопросам, связанным с численностью населения и силами противостоящих сторон в период конфликта.

Допрашивались военные эксперты, оценивавшие степень военной подготовки участников конфликта. Интересным является исследование и оценка уровня криминалистической подготовки полицейских Боснии и Герцеговины в вопросах фиксации, изъятия, исследования и оценки следов применения военной техники и военного оружия, в том числе артиллерийского.

В приговоре подробно описана дискуссия по факту стрельбы снайпера (снайперов) в районе Бистрик города Сараево 18 ноября 1994 г., в результате которой была ранена женщина Дженана Соколович (пуля прошла через ее тело насквозь) и был убит ее восьмилетний сын Нермин Дивович, в момент, когда женщина с детьми переходила улицу по пешеходному переходу. Юридическое значение имело точное установление места, с которого был произведен выстрел, так как в тот день было перемирие. Относительно направления передвижения женщины и ее сына силы Боснии и Герцеговины располагались слева, а силы сербской армии – справа. В ходе судебного разбирательства были допрошены как эксперты обвинения, так и эксперты защиты. Исследовался вопрос о входном и выходном отверстиях на теле матери и входном пулевом отверстии в голове мальчика. Эксперты обвинения утверждали, что пули прилетели справа, а эксперт защиты утверждала, что слева. В качестве эксперта защиты выступила судебно-медицинский эксперт Ивица Милосавлевич, директор Института судебной медицины Военно-медицинской академии в Белграде.

Судебный эксперт-баллист Патрик ванн дер Вайден в своем заключении сделал вывод, что выстрел был произведен с расстояния 312 метров, и представил перечень предполагаемых моделей винтовки, из которой производились выстрелы. В ходе допроса он утверждал, что не имелось никаких оснований для того, чтобы принять мать и двух ее детей за кого-либо из воюю-

щих сторон, поскольку с такого расстояния снайпер должен был хорошо видеть ребенка, так как его рост был значительно меньше роста матери.

Обстоятельства гибели мальчика и ранения его матери осложнялись еще и тем, что имели место ошибки в описании ран в медицинской документации госпиталя, куда после ранения доставили женщину. Обсуждался даже вопрос о возможности незаконного хирургического изменения шрамов от входного и выходного отверстий на ее теле с целью запутывания следствия.

В результате исследования и оценки всех доказательств Трибунал пришел к выводу, что мать и сын стали жертвами выстрела с территории, занятой сербскими силами: был произведен один выстрел, в результате которого пуля прошла сначала через тело матери, а затем попала в голову ее сына. При этом в приговоре Трибунал отметил, что пришел к такому выводу потому, что судебно-медицинский эксперт защиты не обладал достаточной исходной информацией для своих выводов, а также не исследовал труп мальчика, не связывался с патологоанатомом, вскрывавшим его тело, и ограничился в основном исследовании заключений экспертов обвинения и нескольких документов.

На основании многочисленных доказательств Драгомир Милошевич был признан виновным в преступлениях против человечности, терроре и убийствах, вследствие чего в декабре 2007 года был осужден на 33 года лишения свободы. Однако в 2009 г. в процессе апелляционного рассмотрения дела Д. Милошевич был оправдан по трем эпизодам обстрела Сараево, и срок его заключения был сокращен до 29 лет.

Большой резонанс вызвало обнаружение фактов незаконного изъятия органов у сербских солдат на территории Косово. По данным бывшего обвинителя Карлы дель Понте, органы были изъяты у почти 300 сербских солдат, незаконно использованных в качестве доноров.

В 2004 г. под эгидой ООН по данному факту было проведено расследование. В качестве эксперта был приглашен Хосе Пало Барайбар. По его данным, органы изымались для последующей транспортировки в Турцию.

При осмотре помещения предполагаемого места изъятия органов (Баррельской домашней клиники) были обнаружены следы крови, упаковки от лекарств, в том числе

средств, предназначенных для расслабления мышц.

В 2008 г. Совет Европы постановил возобновить расследование этих фактов. Оно было поручено команде Дика Марти, получившей специальный мандат. Были арестованы два врача, а также секретарь Министерства здравоохранения Косово Илир Рексхадж. Кроме того, Интерпол оказывал содействие в поиске причастного к делу турецкого хирурга Юсуфа Эркина Сонмеза⁴. По результатам работы следственной группы под руководством Дика Марти в 2010 г. в ПАСЕ был представлен доклад, содержащий выводы о незаконной торговле органами в Косово, а в начале 2011 г. – доклад, содержащий предварительные итоги двухлетнего расследования деятельности «черных трансплантологов» из Албании⁵.

По ряду дел проводились артиллерийские баллистические экспертизы, на разрешение которых ставился вопрос о направлении, с которого производились выстрелы, и местоположении орудий. Эти экспертизы позволили установить, с чьей территории велась артиллерийская стрельба (дело Бласкича и др.).

По многим делам, рассматривавшимся Трибуналом, судебные эксперты смогли установить факты перезахоронений жертв массовых убийств с целью сокрытия следов преступлений. При этом проводились судебно-экспертные исследования почвы, криминалистические исследования материалов, веществ и изделий, сравнивались результаты исследования первичных и вторичных захоронений. Так, при расследовании массовых убийств в местечке Сребреница было установлено семь повторных массовых захоронений.

В процессе идентификации жертв, обнаруженных в массовых захоронениях, проводились судебно-портретные экспертизы с использованием фотографий, обнаруженных в могилах в одежде трупов.

В Сребренице при вскрытии массовых захоронений было обнаружено 448 тел с завязанными глазами, у большого количества трупов были связаны руки. Это дало основание Трибуналу сделать вывод о том, что в этих массовых могилах были захоро-

нены гражданские лица, погибшие не во время боевых действий.

Судебно-экспертные исследования обнаруженных захоронений в комплексе с другими доказательствами позволили установить, что в обнаруженных повторных захоронениях находились трупы именно боснийских мусульман из местечка Сребреница, убитых в июле 1995 г.

Военные эксперты, привлеченные стороной защиты, утверждали, что в захоронениях обнаружены трупы убитых в бою людей, а не гражданских лиц (генерал Радинович).

Использовались результаты перехвата сообщений и переговоров по линиям связи во время расследуемых событий. Эти переговоры и сообщения также подтверждали факт уничтожения мирного населения. Результаты перехвата переговоров исследовались военными экспертами как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Судебные эксперты исследовали помещение торгового склада, в котором содержались боснийские мусульмане, позднее вывезенные из него 13 июля 1995 г. на автобусах. Исследовались обнаруженные в помещении волосы, следы крови, пороха и других взрывчатых веществ. Полученные данные сравнивались с результатами исследований трупов из мест массовых захоронений, указанных свидетелями. Было установлено, что причиной смерти большинства погибших явились прижизненные пулевые ранения.

Судебно-почвоведческие исследования состава остатков почвы и пыли растений на телах и одежде трупов из вторичных захоронений позволили установить место первого захоронения. Для установления времени возникновения массовых захоронений использовались результаты аэросъемки местности.

Для определения места, откуда были доставлены жертвы для захоронения, исследовались, наряду с другими доказательствами, бутылки и их осколки. Так, при исследовании вторичного захоронения в районе Канкари были обнаружены бутылки и осколки бутылок, изготовленные на заводе, расположенном в районе Кузлука. Наряду с другими доказательствами эти данные позволили установить, что в районе Канкари были перезахоронены трупы жертв массового убийства в Кузлуке в июле 1995 г.

В ходе вскрытия массовых захоронений проводились открытые демонстрации

4 Доктор Юсуф Сонмез арестовывался в Стамбуле в январе 2011 года, но был выпущен под залог.

5 Комиссия ЕС: в Косово ради продажи органов убили «не так много людей» // Вести. 2014. 29 июля.

обнаруженных в могилах личных вещей и одежды с целью опознания этих предметов родственниками или знакомыми погибших. О таких демонстрациях широко оповещалось население. Впоследствии при опознании проводились судебно-экспертные идентификационные исследования (дактилоскопические, судебно-генетические, судебно-антропологические и др.), а также судебно-экспертные диагностические исследования (биохимические, материаловедческие и др.).

Всего в ходе работы Трибунала в качестве экспертов были привлечены специалисты из более чем 15 государств (США, Великобритания, Гватемала, Чили, Дания, Нидерланды, Сербия, Белоруссия, Турция, Швеция, Норвегия и др.). Впоследствии опыт работы судебных экспертов был описан в ряде научных изданий, подготовленных непосредственными участниками расследования трагических событий в Югославии [7, 8].

Изучение доступных материалов Трибунала, касающихся производства судебных экспертиз, позволяет прийти к выводу о том, что так называемые классические виды экспертиз – судебно-баллистические, судебно-почвоведческие, судебно-медицинские, судебно-энтомологические не вызвали существенных нареканий и проводились достаточно высококвалифицированными специалистами как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Судебные экспертизы, которые условно можно назвать «нетрадиционными» (исторические, этнографические и демографические, военные, полициологические и т.п.), вызвали ожесточенные споры, и выводы экспертов не всегда, на наш взгляд, можно оценить как объективные и научно доказанные. Кроме того, вызывает сожаление, что Трибунал нередко отвергал заключения экспертов защиты под предлогом того, что эти эксперты не имели доступа к материалам, находящимся в распоряжении стороны обвинения. Представляется, что в таких случаях было необходимо проводить повторные экспертизы с предоставлением экспертам защиты всех необходимых для исследования материалов.

Политически мотивированными можно считать некоторые случаи игнорирования заключений международных комиссий судебных экспертов. Так, при исследовании трупов в местечке Рачак комиссией экспертов из Белоруссии было установле-

но, что жертвы массового убийства после смерти были переодеты в другую одежду и перемещены: на руках погибших имелись следы пороха, что подтверждало заявление властей о том, что это были боевики, а не гражданское население. Выводы белорусских экспертов позднее подтвердили финские эксперты, проводившие вскрытия трупов. В частности, было отмечено, что у многих жертв имелись огнестрельные повреждения на теле, но не было огнестрельных повреждений одежды. Данные финских специалистов подтвердил и директор Института судебной медицины Гамбурга Клаус Пюшель, который изучил заключение финских патологоанатомов. По его словам, экспертиза не дала никаких свидетельств того, что убитые были мирными жителями, а также, что они были убиты сербскими военными. Вместе с финнами работали и сербские эксперты. Однако их заключения были обнародованы лишь через год, а утверждения об уничтожении гражданского населения в местечке Рачак послужили поводом для начала военной операции в Югославии [9].

В ходе отдельных эксгумаций трупов из мест массовых захоронений присутствовали сербские судебно-медицинские эксперты, однако им не разрешали непосредственно участвовать в эксгумации и последующем исследовании трупов. Такие факты были предметом обсуждения при дальнейшем судебном разбирательстве [10].

В связи со смертью С. Милошевича был проведен ряд судебных экспертиз. По мнению судебных токсикологов, Милошевич не был отравлен. Судебно-токсикологическая экспертиза проводилась в Институте судебной экспертизы Нидерландов. Эксперты не обнаружили в организме экс-президента следов антибиотика рифампицина, прием которого мог, предположительно, стать причиной его смерти. Результаты экспертиз легли в основу доклада вице-президента Трибунала Кевина Паркера [11]. Бывший Председатель Трибунала Фаусто Покар заявил: «Никаких признаков отравления не обнаружено. В образцах тканей найдены следы ряда лекарств, которые были прописаны господину Милошевичу, но их концентрация не позволяет говорить о возможности отравления. И тот факт, что никаких следов рифампицина не было обнаружено, означает, что он его не принимал, и ему не вводили этот препарат в последние несколько дней перед смертью» [12].

Результаты судебно-экспертного исследования причин смерти Слободана Милошевича справедливо критикуются в отечественных и некоторых зарубежных изданиях. Многочисленные противоречия в медицинской документации и объяснениях врачей, быстрое прекращение производства по делу сразу после смерти обвиняемого ставят под сомнение объективность выводов Трибунала о естественном характере смерти Милошевича.

Тем не менее, несмотря на спорный характер результатов работы Трибунала и негативную оценку его деятельности со стороны многочисленных ученых, политиков, общественных деятелей и средств массовой информации, большинство судебных экспертиз, проводившихся в ходе расследования и судебного разбирательства, были выполнены на должном уровне и не вызывают сомнений, несмотря на нередко предвзятую оценку судьями их результатов. При этом следует отметить, что в процессе судебного разбирательства были выявлены и случаи поверхностного и небрежного исследования трупов и вещественных доказательств со стороны некоторых экспертов [13].

В ходе расследования трагических событий на территории бывшей Югославии был накоплен бесценный опыт организации производства судебных экспертиз международными командами судебных экспертов в экстремальных условиях и в условиях политической нестабильности в регионе, массивного информационного воздействия средств массовой информации на население и участников расследования.

К сожалению, негативная оценка результатов работы Трибунала, обусловленная явно предвзятым отношением обвинителя и судей к обвиняемым сербам, способна поставить под сомнение и выводы судебных экспертов, принимавших участие в расследовании преступлений, имевших место в Югославии в тот период. Немаловажно и то, что значительная часть судебных экспертиз проводилась в криминалистических учреждениях США, Великобритании и других стран-участниц НАТО. Однако прямых доказательств фальсификации выводов судебных экспертов – представителей классических родов и видов судебной экспертизы ниже не выявлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Институты международного правосудия*. – М., 2014. – С. 390-393.
2. *Резолюция Совета Безопасности ООН № 827 (1993), принятая 25 мая 1993 г. на 3217-м заседании* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/-Statute/statute_827_1993_en.pdf (дата обращения 15.02.2015).
3. *Двадцать первый ежегодный доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Документ ООН A/69/225-S/2014/556*. С. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: repository.un.org/bitstream/-handle/11176/159303/A_69_225%3BS_2014_556-RU.pdf (дата обращения 17.07.2015).
4. *Netherlands Forensic Institute. Ministry of Security and Justice*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.forensicinstitute.nl (дата обращения: 15.03.2015).
5. *European Network of Forensic Science Institutions*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.enfsi.eu (дата обращения: 10.02.2015).
6. *Протокол судебного заседания Трибунала (стенограмма) по делу № IT-98-29-T*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icty.org/x/cases/galic/-trans/en/030213IT.htm (дата обращения: 17.04.2014).
7. Vanezis P. *Investigation of Clandestine Graves Resulting from Human Rights Abuses* // Journal of Clinical Forensic Medicine. 1999, Vol. 6, No 4, pp. 238-242.
8. *Beyond Reasonable Doubt: Using Scientific Evidence to Advance Prosecutions at the International Criminal Court*. – Berkeley (California), 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law.berkeley.edu/files/HRC/HRC_Beyond_Reasonable_Doubt_Final.pdf (дата обращения: 10.08.2015).
9. Гуськова Е. «Операция Рачак». Как был подготовлен предлог для уже спланированной НАТО бомбардировки Югославии // Столетие. 2013. 31 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/-territoriya_istorii/operacija_rachak_815.htm (дата обращения: 20.08.2015).
10. *Стенограмма допроса судебно-медицинского эксперта Давора Стри-*

новича в ходе судебного заседания 8 января 2013 г. по делу по обвинению Горана Хаджича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icty.org/x/cases/hadzic/trans/en/130108ED.htm (дата обращения: 26.09.2013).

11. Parker K. *Report to the President. Death of Slobodan Miloshevitich. 30 May 2006.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icty.org/x/cases/slobodan.../parkerreport.pdf (дата обращения: 20.05.2014).

12. *Оглашены результаты токсикологической экспертизы, проведенной после смерти Слободана Милошевича. 17 марта 2006* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/57352> (дата обращения: 15.03.2013).

13. *Стенограмма допроса судебно-медицинского эксперта Зорана Станковича от 25 марта 2010 г.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icty.org/x/cases/djordjevic/trans/en/10032-5IT.htm (дата обращения: 21.03.2012).

REFERENCES

1. *Instituty mezhdunarodnogo pravosudija.* [The institutions of international justice]. Moscow, 2014. pp. 390-393 (In Russ).

2. *Resolution of the UN Security Council number 827 (1993), adopted on 25 May 1993 at the 3217 th meeting.* Available at: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_827_1993_en.pdf (reference date 02/15/2015).

3. *Dvadcat' pervyj ezhegodnyj doklad Mezhdunarodnogo tribunala dlja sudebnogo presledovanija lic, otvetstvennyh za ser'eznye narushenija mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava, sovershennye na territorii byvshej Jugoslavii s 1991 goda. Dokument OON A/69/225-S/2014/556.* [The twenty-first annual report of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. UN Document A / 69/225-S / 2014/556]. pp. 3. Available at: www.repository.un.org/bitstream/handle/11176/159303/A_69_225%-3BS_2014_556-RU.pdf . (reference date 17.07.2015) (In Russ).

4. *Netherlands Forensic Institute. Ministry of Security and Justice.* Available at: www.forensicinstitute.nl (reference date: 03.15.2015).

5. *European Network of Forensic Science Institutions.* Available at: www.enfsi.eu (reference date: 10.02.2015).

6. *The court hearing the Tribunal Protocol (transcript) in the case № IT-98-29-T.* Available at: www.icty.org/x/cases/galic/trans/en/030213IT.htm (reference date: 04.17.2014).

7. Vanezis P. Investigation of Clandestine Graves Resulting from Human Rights Abuses. *Journal of Clinical Forensic Medicine.* 1999; 6(4): 238- 242.

8. *Beyond Reasonable Doubt: Using Scientific Evidence to Advance Prosecutions at the International Criminal Court.* - Berkeley (California), 2012. Available at: www.law.berkeley.edu/files/HRC/HRC_Beyond_Reasonable_Doubt_Final.pdf . (reference date: 10.08.2015).

9. Gus'kova E. "Operacija Rachak". *Kak byl podgotovlen predlog dlja uzhe splanirovanoj NATO bombardirovki Jugoslavii* ["Operation of Rachak". As it has been prepared excuse for already-planned NATO bombing of Yugoslavia]. Stoletije. 2013 December 31. – Available at: http://www.stoletie.ru/-territoriya_istorii/operacija_rachak_815.htm (reference date: 20.08.2015) (In Russ).

10. *Transcript of interrogation forensic medical expert Davor Strinovic in court January 8, 2013 on the case against Goran Hadzic.* Available at: www.icty.org/x/cases/hadzic/trans/en/130108ED.htm (reference date: 26.09.2013).

11. Parker K. *Report to the President. Death of Slobodan Miloshevitich. 30 May 2006.* Available at: www.icty.org/x/cases/slobodan.../parkerreport.pdf (reference date: 05.20.2014).

12. *Oglasheny rezul'taty toksikologicheskoy jekspertizy, provedennoj posle smerti Slobodana Miloshevicha. 17 marta 2006* [Announced the results of toxicological examination carried out after the death of Slobodan Milosevic]. 17 March 2006. Available at: <http://www.1tv.ru/news/polit/57352> (reference date: 03.15.2013) (In Russ).

13. *Transcript of interrogation of the forensic medical expert Zoran Stankovic on March 25, 2010.* – Available at: www.icty.org/x/cases/djordjevic/trans/en/10032-5IT.htm (reference date: 21.03.2012).

Сведения об авторе:

Хазиев Шамиль Николаевич - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, тел: 8(985)-928-95-32; e-mail: khaziev2@rambler.ru

Н.В. Фетисенкова

ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Представлены переводы рефератов избранных статей, опубликованных в периодических изданиях: **Forensic Science International (FSI)**, тома 248–250 за 2015 г. издательства Elsevier (Нидерланды), [интернет-версия: www.sciencedirect.com]; **Journal of Forensic Sciences (JFS)**, том 61, № 2 и № 3 за 2016 г. Американской Академии судебной экспертизы (American Academy of Forensic Sciences – AAFS) издательства Wiley Company (США), [Интернет-версия: www.onlinelibrary.wiley.com]. Перевод с английского выполнен А.А. Игнатъевой.

N.V. Fetisenkova

Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

NEW PUBLICATIONS ON FORENSIC EXAMINATION

Анализ качественного состава полиграфических красок с помощью методов масс-спектрометрии с прямым анализом в режиме реального времени (DART-Q-TOF-MS) и ИК-Фурье спектроскопии нарушенного полного внутреннего отражения (ATR) FTIR = Characterization of Printing Inks Using DART-Q-TOF-MS and Attenuated Total Reflectance (ATR) FTIR / Rhett Williamson; Anna Raeva; Jose R. Almirall. [United States] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 706–714. doi: 10.1111/1556-4029.13107¹

Появление более совершенных и доступных технологий печати обусловило потребность в разработке экспресс-методов химического анализа для исследования полиграфических красок в рамках судебно-технической экспертизы документов (далее – СТЭД) с минимальным повреждением образца. Анализ химического состава печатных красок позволяет дифференцировать образцы разного происхождения или определять групповую принадлежность образцов к общему источнику происхождения. Для исследования полиграфических красок четырех классов – для струйной, офсетной и глубокой печати (интальбо), а также тонеров, – использовалось сочетание методов масс-спектрометрии с прямым анализом в режиме реального времени (DART) и ИК-Фурье спектроскопии нарушенного полного внутреннего отражения (НПВО) ((ATR) FTIR). Анализ 319 образцов, или около

¹ Результаты подобных исследований опубликованы в статьях: «Новый инструмент для исследования качественного состава и сравнения образцов печатных красок: разработка и валидационная оценка базы данных с возможностью поиска на основе синтеза спектрохимических данных» = A Novel Forensic Tool for the Characterization and Comparison of Printing Ink Evidence: Development and Evaluation of a Searchable Database Using Data Fusion of Spectrochemical Methods / T. Trejos; P. Torriano; R. Corzo; A. Raeva; K. Subedi; R. Williamson; J. Yoo; J. Almirall. [United States] // JFS. 2016;61(3):715-724. doi: 10.1111/1556-4029.13109 и «Оценка пригодности методов энергодисперсионной СЭМ-спектроскопии и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой и лазерной абляцией пробы для исследования полиграфических красок» = Evaluation of the Forensic Utility of Scanning Electron Microscopy-Energy Dispersive Spectroscopy and Laser Ablation-Inductively Coupled Plasma-Mass Spectrometry for Printing Ink Examinations / R. Corzo; K. Subedi; T. Trejos; J. R. Almirall. [United States] // JFS. 2016;61(3):725-734. doi: 10.1111/1556-4029.13110

80 образцов каждого класса, проводился непосредственно на бумажном субстрате. Масс-спектрометрия DART позволила охарактеризовать содержание полуволучих полимерных носителей, (ATR) FTIR – получить сведения о химическом составе доминирующих компонентов красок. Взаимодополняющие данные повышают точность дифференциации при условии последовательного использования обоих методов: при исследовании тонеров общая дискриминационная способность такой комплексной методики составила более 96 %, чернил для струйной печати – 95 %, офсетных красок – более 92 %, красок для глубокой печати – 54 %.

Изучение последовательности нанесения пересекающихся штрихов с помощью микроспектрофотометрии = An Examination of the Sequence of Intersecting Lines using Microspectrophotometry / Biao Li. [China] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 809–814. doi: 10.1111/1556-4029.13022

Рассматриваются возможности микроспектрофотометрии как инструмента для определения последовательности нанесения пересекающихся штрихов. С помощью данной технологии установлена последовательность нанесения неоднородных пересекающихся линий, выполненных штемпельными красками, шариковыми, гелевыми и перьевыми ручками, а также с помощью лазерного или струйного принтера. Исследование было построено на предположении, что спектральные характеристики в области пересечения должны соответствовать характеристическим полосам красок верхнего слоя. Опираясь на полученные спектральные кривые отражения, удалось установить, располагались ли рукописные и печатные штрихи поверх штемпельных оттисков или под ними. В ходе слепого тестирования проведено сравнение результатов микроспектрофотометрии с выводами пяти опытных экспертов в области СТЭД, исследовавших образцы с помощью оптического микроскопа – традиционного инструмента для решения подобных задач. Были получены положительные результаты, свидетельствующие о возможности успешного использования микроспектрофотометрии для определения последовательности нанесения неоднородных пересекающихся штрихов при определенных условиях.

Применение TOF-SIMS для анализа красных чернил в рукописных и печатных реквизитах оспариваемых докумен-

тов = TOF-SIMS Analysis of Red Color Inks of Writing and Printing Tools on Questioned Documents / Jihye Lee; Yun Sik Nam; Jisook Min; Kang-Bong Lee; Yeonhee Lee. [Korea] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 815–822. doi: 10.1111/1556-4029.13047

Времяпролетная масс-спектрометрия вторичных ионов (TOF-SIMS) широко применяется для анализа поверхности образцов и позволяет получать информацию об элементном и молекулярном составе нескольких поверхностных слоев, строить профили распределения элементов по глубине и визуализировать топографическое распределение элементов по поверхности образца (в виде ионных изображений). Повышенная производительность статической TOF-SIMS позволяет расширить область применения TOF-SIMS для исследования разнообразных органических, полимерных, биологических и прочих материалов, представляемых на экспертизу. В криминалистической практике желательно проводить анализ на образцах минимального размера. Несмотря на разрушительный характер метода TOF-SIMS, микродиаметр зондирующих лучей позволяет минимизировать размер задействованного в анализе фрагмента, а оставшая часть образца сохраняется для последующего исследования иными методами. В рамках данного исследования проведен анализ нескольких типов чернил для ручек, красной штемпельной краски и тонера на бумажном субстрате методами TOF-SIMS и ATR-FTIR. Области взаимного наложения красных оттисков печатей и реквизитов, выполненных шариковой ручкой или напечатанных на лазерном принтере, исследованы для определения последовательности их нанесения. Очередность выполнения для различных сочетаний реквизитов определялись по ионным изображениям и профилям распределения элементов по глубине, построенным по результатам TOF-SIMS. С помощью полученных изображений также изучены исправления рукописных цифр и символов, выполненных разными ручками красного цвета. Таким образом, методика TOF-SIMS была успешно использована для определения последовательности нанесения пересекающихся штрихов и для выявления исправленных цифр на бумажном носителе.

Сравнение различных закрепителей, применяемых при осмотре места происшествия, при изготовлении объ-

емных слепков следов обуви в песке = A Comparison of Various Fixatives for Casting Footwear Impressions in Sand at Crime Scenes / Travis Battiest; Susan W. Clutter; David McGill. [United States] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 782–786. / Available online at: onlinelibrary.wiley.com. doi: 10.1111/1556-4029.13044

Изучение следов обуви нередко помогает установить связь между подозреваемым и местом преступления. Объемные слепки следов, оставленных на различных субстратах – на снегу, почве и песке, – изготавливаются для последующего детального изучения, и должны максимально точно отображать исходный отпечаток. Тем не менее, специалисты расходятся в том, какие виды закрепителей следует применять при изъятии следов, оставленных в песке, и стоит ли их использовать в принципе. В данном исследовании были протестированы четыре фиксирующих состава на трех песчаных субстратах. Для создания объемных следов на песке (по 30 следов в каждом из трех экспериментальных субстратов) использовали подошву ботинка с восемью отличительными признаками. Серия контрольных следов не подвергалась обработке; а остальные следы до изготовления слепков были предварительно закреплены одним из тестируемых фиксирующих составов. Полученные девяносто слепков в дальнейшем были исследованы трасологами, которые оценивали различимость отличительных признаков на каждом слепке и выставляли ему соответствующий балл. Результаты показали, что для фиксации объемных следов обуви из строительного песка и песка для игровых площадок лучше всего подходит неаэрозольный спрей для волос, в то время как слепки, изготовленные со следов в пляжном песке, показали максимальную различимость без какого-либо предварительного закрепления.

Количественная оценка доказательственного значения объектов дактилоскопической экспертизы на основе пространственных отношений, направлений и типов микродеталей папиллярного узора = Quantifying the weight of fingerprint evidence through the spatial relationship, directions and types of minutiae observed on fingermarks / Cedric Neumann, Christophe Champod, Mina Yoo, Thibault Genessay, Glenn Langenburg [United States;

Switzerland] // FSI. – 2015. – Vol. 248. – P. 154–171. doi.org/10.1016/j.forsciint.2015.01.007

Представлена статистическая модель количественной оценки доказательственного значения следов рук. В отличие от предыдущих моделей (порождающих и скоринговых), предлагается оценивать вероятностное распределение пространственных отношений, ориентации и типов мелких деталей папиллярного узора. Модель опирается на алгоритм АДИС, разработанный компанией 3M Cogent, а также массив данных из 4 млн отпечатков пальцев, составляющих выборку из представительной совокупности потенциальных субъектов. Эффективность модели оценивалась по нескольким сотням конфигураций микродеталей, наблюдаемых в группе 565 отпечатков пальцев. Результаты тестирования модели показывают, что пространственные отношения между деталями микрорельефа папиллярных линий имеют большее доказательственное значение, чем их тип или ориентация. Из полученных результатов можно заключить, что использование АДИС в качестве компонента модели позволяет присваивать количественное значение различным признакам отпечатков пальцев без введения дополнительного уровня сложного статистического моделирования, за счет оценки вероятностного распределения признаков. В целом, результаты исследования подтверждают ценность анализа отпечатков пальцев в качестве средства криминалистической идентификации личности.

Криминалистический анализ резины покрышек на основе химического состояния серы = Forensic analysis of tire rubbers based on their sulfur chemical states / Atsushi Funatsuki, Kenji Shiota, Masaki Takaoka, Yusuke Tamenori [Japan] // FSI. – 2015. – Vol. 250. – P. 53–56. doi.org/10.1016/j.forsciint.2015.02.022

Дифференциация различных типов резин в 11 образцах покрышек опиралась на данные о химическом состоянии серы, полученные методом рентгеновской абсорбционной спектроскопии на основании изучения тонкой структуры главного края рентгеновского поглощения (XANES). Спектры всех образцов содержали пики в районе 2471,5 и 2480,5 эВ, при этом форма и высота пиков различались. Это говорит о том, что дифференциацию резин покрышек можно проводить на основе химического состояния серы. Обработка спектральных данных по *t*-критерию Стьюдента позволи-

ла дифференцировать типы резины в 43 из 55 комбинаций при уровне значимости 5%.

Частота встречаемости автомобилей разных цветов в транспортном потоке и перенос автокраски на стационарные объекты: результаты исследования в г. Сидней, Австралия = Surveys of vehicle colour frequency and the transfer of vehicle paints to stationary objects in Sydney, Australia / Fiona Jackson, Joanna Bunford, Philip Maynard, Claude Roux [Australia] // FSI. – 2015. – Vol. 248. – P. 124–128. doi.org/10.1016/j.forsciint.2014.12.010

Интерпретация результатов исследования следов автокраски при производстве судебных экспертиз опирается на ряд факторов, включая тип и цвет краски, количество слоев, а также дополнительные справочные данные. Исследования популярности цветов автомобилей служат важным источником информации для эксперта, проводящего анализ лако-красочных материалов (ЛКМ) и оценивающего значимость контактного переноса краски при столкновении двух или более машин или следов краски, обнаруженных на месте происшествия. Представлены результаты двух исследований: (1) частоты встречаемости автомобилей разных цветов в транспортном потоке на магистрали и автодорогах местного значения на западе г. Сидней, а также (2) частоты переноса автокраски разных цветов на опорные столбы и стены пяти автопарковок на северо-западе г. Сидней, Австралия. По результатам первого исследования наиболее популярными цветами оказались белый, черный и синий. Во втором исследовании получены схожие результаты: следы-притертости автокраски, обнаруженные на территории парковок, чаще всего были синего, белого, красного и серебряного цветов. Во втором исследовании учитывалась вероятность регистрации аномальных наблюдений, а именно, окрашенной в определенный цвет служебной техники, например, тележек и прицепов. По итогам обоих учетов были получены результаты, близкие к выводам предыдущих исследований популярности цветов автомобилей. Кроме того, они соответствуют данным официальной регистрационной статистики, представленной на сайте службы дорожного и водного сообщения штата Новый Южный Уэльс. Результаты обоих исследований могут использоваться в экспертизе ЛКМ в качестве важного источника справочных данных при

оценке криминалистической значимости следов автокраски.

Перспективы оценки доказательственного значения объектов волокнистой природы на уровне источника происхождения = Towards source level evaluation of the evidential value of fibre examinations / Cees Vooijs, Peter Vergeer, Jaap van der Weerd [The Netherlands] // FSI. – 2015. – Vol. 250. – P. 57–67. doi.org/10.1016/j.forsciint.2015.02.009

Предприняты шаги в сторону развития количественных методов оценки доказательственного значения объектов волокнистой природы на уровне источника происхождения. Для этого были получены уравнения отношения правдоподобия для четырех типичных сценариев, в которых задействованы текстильные материалы разной степени распространенности, исследуются разные типы следов и разное количество сравнительных образцов, и получено разное число отождествлений. Приводится обзор предыдущих экспериментальных исследований, посвященных оценке доказательственного значения текстильных волокон, и объясняется, как результаты этих исследований и прочие данные могут быть использованы для оценки полученных уравнений для четырех сценариев. Задача такой оценки сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и требует принятия определенных допущений. Это связано с невозможностью адекватно оценить рассматриваемую в каждом конкретном случае совокупность потенциальных источников. Кроме того, субъективность критериев подобия, используемых в современной практике производства криминалистической экспертизы волокон, не позволяет надежно оценивать внутреннюю неоднородность образцов. В результате значения дискриминационной мощности, которые рассчитываются при проведении сравнительных исследований, могут применяться только к образцам, характеризующимся незначительной неоднородностью. В заключении статьи утверждается, что количественная оценка доказательственного значения текстильных волокон пока неосуществима, поскольку имеющиеся данные охватывают ограниченный перечень типов волокон, т. е. не могут использоваться без определенных допущений. Предлагаются направления дальнейших исследований и разработок, которые будут способствовать повышению точности оценок и приблизят возможность

внедрения количественного анализа в повседневную практику.

Применение SNP-миниплеков для индивидуального отождествления особей беспородной домашней кошки = SNP Miniplexes for Individual Identification of Random-Bred Domestic Cats / Ashley Brooks; Erica K. Creighton; Barbara Gandolfi; Razib Khan; Robert A. Grahn; Leslie A. Lyons. [United States] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 594–606. doi: 10.1111/1556-4029.13026

Особенности фенотипа и генотипа домашней кошки могут быть определены по результатам анализа однонуклеотидных полиморфных маркеров (SNP) в образцах шерсти. В рамках данной работы были разработаны миниплеки (наборы праймеров), позволяющие анализировать SNP высокой дискриминационной способности для индивидуальной и фенотипической идентификации особей беспородной домашней кошки. Типирование 78 SNP-маркеров проводилось методом мультиплексной ПЦР с последующей однонуклеотидной достройкой праймера с использованием флуоресцентных меток (технология SNaPshot®). Проведена оценка надежности, воспроизводимости, чувствительности, видоспецифичности, пределов детектирования, а также точности интерпретации результатов типирования с помощью разработанных SNP-миниплеков. Всего разработано шесть наборов, содержащих 39 межгенных и 26 фенотипических маркеров SNP, включая маркер определения пола *ZFX1*. Для всех западных популяций домашней кошки совместная вероятность случайного совпадения (сRMP) составила $6,58 \times 10^{19}$, а отношение правдоподобия $1,52 \times 10^{18}$. Предлагаемые SNP-комплексы позволяют проводить индивидуальное отождествление и фенотипическую дифференциацию особей домашней кошки, и таким образом представляют интерес в качестве дополнительного средства реконструкции события преступления. В настоящее время в распоряжении криминалистов имеется база данных SNP 237 особей из 13 популяций домашней кошки из разных географических районов.

Оценка целесообразности применения нового поколения методов секвенирования бактериального гена 16 рРНК для сравнительного исследования почв = Next-Generation Sequencing of the Bacterial 16S rRNA Gene for Forensic Soil Comparison:

A Feasibility Study / Ellen M. Jesmok; James M. Hopkins; David R. Foran. [United States] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 607–617. doi: 10.1111/1556-4029.13049

Почва может служить ценным вещественным доказательством, подтверждающим связь подозреваемого или предмета с местом преступления; несмотря на это, в экспертной практике по-прежнему не существует общепринятых методов индивидуального отождествления образцов почвы. В данном исследовании проанализирована пригодность бактериальных профилей почвы, полученных путем секвенирования гена 16S рРНК с использованием методов нового поколения, для установления принадлежности образцов почвы определенному участку местности. Образцы почвы отбирались в разное время на десяти различных и девяти схожих участках, а также в пределах трех участков на разном расстоянии и с разной глубины. Для анализа бактериальных комплексов использовались четыре метода: (1) построение таксономических спектров бактериальных сообществ (на уровне классов) и (2) неметрическое многомерное шкалирование, позволяющие упростить и визуализировать сложный массив данных, что может быть полезным при проведении экспертизы; (3) анализ общностей и (4) метод *k* ближайших соседей, обеспечивающие возможность объективного статистического сравнения. Подавляющее большинство бактериальных комплексов в образцах почв (95,4%) удалось классифицировать по принадлежности к участку местности, что свидетельствует о перспективности использования профилей бактериальных сообществ, полученных с помощью новых методов секвенирования, для решения задач судебно-почвоведческой экспертизы.

Слепой метод выявления клонирования области изображения на основе фрактального кодирования и сопоставления признаков = Blind Detection of Region Duplication Forgery Using Fractal Coding and Feature Matching / Mohsen Jenadeleh; Mohsen Ebrahimi Moghaddam. [Iran] // JFS. – May 2016. – Vol. 61, № 3. – P. 623–636. doi: 10.1111/1556-4029.13108 /Available online at: onlinelibrary.wiley.com

Выявление признаков фальсификации цифровых изображений является важным направлением компьютерно-технической экспертизы благодаря широким воз-

возможностям его применения в сфере медицинской диагностики, при проведении исследований, а также в индустрии развлечений. Клонирование является одним из наиболее известных приемов фальсификации и применяется для дублирования областей изображения. Многие из используемых алгоритмов обнаружения признаков клонирования оказываются неспособны вслепую выявить дублированные области, созданные с помощью таких мощных графических редакторов как Photoshop. Предлагается новый метод слепого обнаружения признаков нарушения целостности цифровых изображений на основе модифицированного фрактального кодирования и сопоставления векторов признаков. Предлагаемый метод позволяет обнаруживать не только следы простого клонирования, но и многократно копированные области на изобра-

жениях, обработанных с помощью команд вращения, масштабирования, отражения, а также различных сочетаний перечисленных операций. Предлагаемый метод обладает надежностью при работе с фальсифицированными изображениями, подвергнутыми размытию по Гауссу, контрастному масштабированию и изменению настроек яркости. Результаты проведенных экспериментов демонстрируют пригодность и эффективность метода для решения практических задач.

Сведения об авторе:

Фетисенкова Наталья Викторовна – редактор 1 категории отдела организационно-правового и информационного обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; тел.: 8 (495)-917-82-96; e-mail: oopokd@sudexpert.ru

Ш.Н. Хазиев

ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»,
Москва, Россия, 119019

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассматриваются исторические этапы развития международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности, вопросы его правового регулирования в Российской Федерации на современном этапе, а также стратегия дальнейшего развития. Выделены пять основных исторических этапов развития международного сотрудничества в области судебной экспертизы. С целью создания правовых основ международного судебно-экспертного сотрудничества предложено дополнить проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» положениями о производстве российскими экспертами судебных экспертиз за рубежом для международных учреждений правосудия, о производстве судебной экспертизы с привлечением судебных экспертов иностранного государства, об участии российских судебных экспертов в иностранных и международных неправительственных научных и профессиональных объединениях судебных экспертов. Предлагается стратегия развития международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, международное судебно-экспертное сотрудничество, международные учреждения правосудия, правовое регулирование судебно-экспертной деятельности*

Sh. N. Khaziev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, 119019

ACTUAL PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL FORENSIC COOPERATION

The article deals with the historical stages of development of international cooperation in the field of forensic activities, questions of its legal regulation in the Russian Federation at the present stage, as well as a strategy for further development of this cooperation. Identified five major historical stages in the development of international cooperation in the field of forensics. In order to create the legal basis of international forensic cooperation invited to complete a draft federal Law «On forensic activities in the Russian Federation» the rules on carrying out forensic examinations of Russian experts for international justice institutions, the forensics examinations with the involvement of forensic experts of a foreign State, on the participation of Russian forensic experts in foreign and international non-governmental scientific and professional organizations of forensic experts. Proposed strategy for the development of international cooperation in the field of forensic activities.

Keywords: *forensic examination, forensic international cooperation, international justice institutions, the forensic legal regulation*

В современных условиях существенно возросло значение международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. При этом укрепление такого сотрудничества требует научного анализа истории его развития, правового регулирования и стратегического планирования.

Результаты исследования истории возникновения и развития международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности позволяют определить его основные исторические этапы.

Первый этап (середина 18 – начало 19 века) соответствует распространению судебно-медицинских знаний посредством приглашения в российские университеты иностранных профессоров, становлению первых постоянных международных контактов в связи с внедрением антропометрической и дактилоскопической систем идентификации, разработкой методов судебно-технического исследования документов, а также научных основ криминалистики.

Второй этап международного сотрудничества (1912 – 1918 гг.) охватывает период создания в европейских государствах и России системы судебно-экспертных учреждений (далее СЭУ). В этот период активизировался обмен опытом создания и деятельности судебно-экспертных учреждений, активно осуществлялись закупки за рубежом экспертного оборудования и материалов.

Третий этап (1918 – 1939 гг.) связан с восстановлением международных контактов после окончания первой мировой войны. В этот период издаются переводы иностранной криминалистической литературы и научных работ в области судебной экспертизы, закупается соответствующее оборудование, продолжается ознакомление с передовым опытом зарубежных полицейских лабораторий.

В течение четвертого этапа (1945 – 1991 гг.) происходит развитие международного сотрудничества в период противостояния социалистической и капиталистической систем. Наиболее характерным для этого времени является тесное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности между странами социалистического лагеря. Проводятся научные конференции криминалистов и судебных экспертов социалистических стран; советские специалисты оказывают методическую помощь зарубежным коллегам, в СССР осуществляется обучение судебных экспертов для социалистических государств и развивающихся стран.

Современный, пятый этап международного сотрудничества (с 1991 г. по настоящее время), определяется усилением процессов глобализации и регионализации в международных отношениях и, соответственно, в международном судебно-экспертном сотрудничестве. Данный этап характеризуется становлением единого информационного пространства, в условиях которого существенно облегчаются транснациональные связи как правоохранительных и правозащитных организаций, так и судебно-экспертных учреждений, и отдельных экспертов, а также ученых, специализирующихся в вопросах судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности.

Существенно упрощаются международные контакты судебных экспертов благодаря большей открытости границ между государствами, внедрению новых технологий связи и коммуникаций, главным образом, Интернета. Существует множество электронных изданий по вопросам судебной экспертизы, проводятся онлайн-конференции, создаются международные сети судебно-экспертных учреждений.

В связи с возникновением новых условий весьма актуальным является вопрос о правовом регулировании международного судебно-экспертного сотрудничества.

В Федеральном законе Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» вопросы международного сотрудничества не урегулированы. В то же время в рассмотренный в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» включена глава «Международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности». Однако и в ней вопросы международного сотрудничества представлены лишь наиболее общими положениями, не содержащими конкретных предписаний, касающихся важных аспектов деятельности судебных экспертов.

В связи с этим, с учетом практики международного сотрудничества и действующего законодательства Российской Федерации, предлагается внести в проект закона следующие положения:

1. Изложить часть 8 статьи 13 в следующей редакции:

«8. Деятельность судебно-экспертных организаций (подразделений) по организа-

ции и производству судебной экспертизы для иностранных государств **и международных организаций** осуществляется в соответствии с международными договорами **и процессуальным законодательством Российской Федерации**».¹

2. Изложить главу 5 Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в следующей редакции:

«Глава 5. Международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности

Статья 34. Международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности

Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) на основе принципа взаимности сотрудничает в области судебно-экспертной деятельности с иностранными государствами, их правоохранительными органами и судами, а также с международными организациями в целях раскрытия и расследования преступлений, обеспечения справедливого судебного разбирательства, защиты прав человека и основных свобод, совершенствования методик судебно-экспертного исследования, развития судебно-экспертной науки и повышения квалификации экспертов.

Статья 35. Производство судебной экспертизы по запросу о правовой помощи компетентного органа иностранного государства

1. Судебная экспертиза может быть проведена в Российской Федерации по запросу о правовой помощи соответствующих компетентных органов и должностных лиц иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности.

2. При производстве такой экспертизы применяются нормы соответствующего российского процессуального законодательства, однако могут быть применены процессуальные нормы законодательства иностранного государства в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями

ями или на основе принципа взаимности, если это не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации.

3. При производстве судебной экспертизы по запросу иностранного государства могут присутствовать представители иностранного государства, если это предусмотрено международными договорами Российской Федерации или письменным обязательством о взаимодействии на основе принципа взаимности.

Статья 36. Участие российских судебных экспертов в производстве за рубежом судебных экспертиз для компетентных органов иностранных государств и международных учреждений правосудия

1. В соответствии с действующим процессуальным законодательством и международными договорами Российской Федерации, граждане Российской Федерации, являющиеся государственными судебными экспертами, судебными экспертами негосударственных судебно-экспертных организаций, а также судебные эксперты, не состоящие в судебно-экспертных организациях, включенные в государственный реестр судебных экспертов, могут быть привлечены на добровольной основе в качестве судебных экспертов для производства судебной экспертизы за рубежом единолично или в составе комиссии судебных экспертов. При этом судебные эксперты проводят свои исследования и оформляют их результаты по правилам, установленным международным договором или процессуальными правилами страны пребывания, соблюдая принципы судебно-экспертной деятельности, изложенные в п. 2–6 статьи 6 настоящего закона.

Статья 37. Производство судебной экспертизы с привлечением судебных экспертов иностранного государства

1. По инициативе органа или лица, назначившего судебную экспертизу, либо руководителя судебно-экспертной организации (подразделения) к производству судебной экспертизы могут привлекаться иностранные граждане, обладающие необходимыми специальными знаниями.

2. Производство судебной экспертизы с участием иностранных граждан, обладающих специальными знаниями, осуществляется в порядке, установленном соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации, а также настоящим Федеральным законом.

¹ Такое дополнение обусловлено тем, что в российском процессуальном законодательстве (в частности, в УПК РФ), имеются нормы, регулирующие взаимодействие с иностранными судебными и иными органами, в том числе и по вопросам производства судебных экспертиз.

3. Оплата труда иностранного судебного эксперта и возмещение иных расходов, связанных с его привлечением к производству экспертизы, осуществляется в соответствии с международными договорами и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Статья 38. Участие российских судебных экспертов в иностранных и международных неправительственных научных и профессиональных объединениях судебных экспертов

Судебные эксперты вправе вступать в члены и участвовать в деятельности международных и иностранных неправительственных профессиональных объединений судебных экспертов с целью повышения своей квалификации и получения необходимой научно-методической информации».

Необходимо отметить, что в законодательстве ряда государств бывшего СССР, посвященном судебно-экспертной деятельности, уже имеются основные положения международного судебно-экспертного сотрудничества. Главы или разделы о международном сотрудничестве в области судебно-экспертной деятельности содержатся в законах Украины, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, а также Туркменистана. Однако и в этих законах установлены лишь самые общие нормы, регламентирующие международное сотрудничество, а именно: проведение судебной экспертизы по поручению компетентных органов иностранных государств, привлечение специалистов из других государств для совместного проведения судебных экспертиз, международное научное сотрудничество. В законе Республики Беларусь «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности упоминается лишь в главе об общих положениях применительно к основным задачам комитета². В то же время в Законе Эстонской Республики «О судебной экспертизе» вопросы международного сотрудничества вовсе не затрагиваются³.

² О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З. Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.-aspx?guid=3871&p0=H11500293> (дата обращения: 10.05.2016).

³ О судебной экспертизе: закон Эстонской Республики от 14 июня 2001 г. № 1079 // Портал Республики Эстония. Режим доступа: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsw/dok_iegfeo.htm (дата обращения: 09.05.2016).

Международное судебно-экспертное сообщество в качестве основных направлений деятельности, направленных на достижение высокого качества заключений судебных экспертов и судебно-экспертной деятельности в целом определило стандартизацию судебно-экспертной деятельности, валидацию судебно-экспертных методик, сертификацию судебно-экспертных методик и экспертов, аккредитацию судебно-экспертных лабораторий и учреждений.

Все эти направления активно развиваются в Российской Федерации. Начата большая работа по подготовке национальных стандартов в области судебной экспертизы, переведены на русский язык и используются международные стандарты судебно-экспертной деятельности, заложены основы сертификации судебно-экспертных методик и судебных экспертов, с учетом международного и зарубежного опыта разработаны основы валидации судебно-экспертных методик. Прошли международную аккредитацию первые отечественные судебно-экспертные учреждения. Положено начало процессу аккредитации судебно-экспертных учреждений стран Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

Международное сотрудничество в этом направлении представляется весьма перспективным в плане повышения качества судебных экспертиз и достоверности заключений судебных экспертов. Представляется крайне важной активизация участия российских судебно-экспертных учреждений не только в соответствующих международных организациях, специализирующихся на вопросах стандартизации судебных экспертиз, сертификации судебно-экспертных методик и аккредитации лабораторий, но и в международных организациях более широкого профиля (Международная организация стандартизации, Международное бюро мер и весов, Международная организация законодательной метрологии, Международная организация гражданской авиации, Международная электротехническая комиссия, Всемирная организация здравоохранения и др.).

Кроме того, весьма актуальным представляется изучение организации производства судебных экспертиз в международных уголовных судах и трибуналах, а также опыта производства судебных экспертиз для целей международного уголовного правосудия. Это позволит выявить виды судебных экс-

пертиз, наиболее востребованные для целей расследования преступлений против человечности, военных преступлений и геноцида, повысить эффективность национальной системы судебно-экспертных учреждений, обогатить судебно-экспертную науку, а также подготовить необходимые кадры для будущего судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, совершенных в возникших в последнее время зонах конфликтов, сопровождающихся массовой гибелью мирного населения (Донбасс, Сирия и др.).

Международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности представляет собой динамичную развивающуюся систему, подверженную влиянию разнообразных факторов. Укрепление такого сотрудничества отвечает интересам судебных экспертов, государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, судебной системы, правоохранительных органов и гражданского общества. Развитие международных контактов и совместная деятельность российских, зарубежных и международных судебно-экспертных институтов должно осуществляться на основе научно-обоснованного стратегического планирования, включающего в себя совокупность согласованных подходов к основным целям, задачам, принципам, направлениям, формам и механизмам развития международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности.

Такая стратегия должна определять концептуальные основы развития международного сотрудничества в области судебной экспертизы, ключевые условия и приоритеты его совершенствования на долгосрочную перспективу во взаимосвязи с долгосрочными и краткосрочными целями и задачами, с учетом основных тенденций развития межгосударственных отношений, а также структуры и динамики транснациональной преступности.

Стратегия базируется на принципах международного права, основных международных документах, определяющих условия и порядок взаимодействия государств в области международного судебно-экспертного сотрудничества. Основой стратегического планирования должна быть наука, поскольку только на основе достоверных научных знаний можно оценить реальное положение дел и существующие возможности,

определить стратегические и тактические цели и траекторию их достижения⁴.

Большую роль в стратегическом планировании в области судебной экспертизы играет организация «Международный судебно-экспертный стратегический альянс», созданная в 2007 г. и объединившая Американское общество директоров криминалистических лабораторий, Европейскую сеть судебно-экспертных учреждений, Организацию старших менеджеров судебно-экспертных лабораторий Австралии и Новой Зеландии, Иbero-Американскую академию криминалистики и судебной экспертизы, Азиатскую судебно-экспертную сеть и Южно-Африканскую региональную судебно-экспертную сеть.

Главы объединившихся организаций подписали меморандум о сотрудничестве. Этот меморандум предусматривает глобальное международное сотрудничество в области борьбы с преступностью путем объединения ресурсов судебной экспертизы стран-участников, информационного обмена, обмена новыми методиками, технологиями и техническими средствами. Организации договорились также объединить свои ресурсы для оказания помощи развивающимся странам в вопросах создания и развития их судебно-экспертных учреждений с пониманием того, что это является одним из ключевых факторов обеспечения прав человека⁵.

Целью альянса является создание возможности стратегического сотрудничества в рамках глобального судебно-экспертного сообщества, а также оказание судебно-экспертной помощи другим международным организациям.

После завершения процесса создания евразийских региональных судебно-экспертных объединений – Евразийской ассоциации судебно-экспертных учреждений и(или) Евразийской судебно-экспертной сети будет целесообразно поставить вопрос о об их вхождении в этот Альянс.

В настоящее время основным документом, определяющим стратегию долго-

⁴ См.: Доклад о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших достижениях российских ученых в 2015 г. М., 2016. С. 34.

⁵ History of IFSA. Режим доступа: www.enfsi.eu/ifsai/letter-understanding (дата обращения: 29.07.2016); UNODC hosts International Forensic Strategic Alliance meeting. Режим доступа: www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2012/February/unodc-hosts-international-forensic-strategic-alliance-meeting.html. (дата обращения: 28.07.2016).

срочного развития международного сотрудничества Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности, является Государственная программа «Юстиция», утвержденная в 2013 г.⁶ Она предусматривает укрепление международного сотрудничества федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, прохождение аккредитации на соответствие международным стандартам, повышение авторитета СЭУ Минюста в рамках Таможенного союза, ЕАЭС, СНГ. Кроме того, этим планом предусмотрено проведение мониторинга внедрения международных стандартов в деятельность федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, а также их аккредитации на соответствие международным стандартам и создание единой системы менеджмента качества в рамках Таможенного союза, ЕАЭС и СНГ.

Указанные мероприятия несомненно имеют важное значение не только для системы СЭУ Минюста России, но и для судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических служб других федеральных органов исполнительной власти. В то же время представляется целесообразным детализировать отдельные положения программы и дополнить стратегию международного сотрудничества Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности.

При разработке Стратегии учитывались Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации⁷, Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы»⁸, законодательство Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности и законодательство в области стратегического планирования в Российской Федерации⁹, Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества

до 2025 года¹⁰ и другие основополагающие документы.

Важное значение имеет также согласование Стратегии с документами ООН, определяющими цели и задачи международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. К их числу относятся программы развития научной и судебно-экспертной службы Управления по наркотикам и преступности ООН¹¹, а также резолюция 19/5 Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «Международное сотрудничество в судебно-экспертной сфере»¹².

Основными целями развития международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности являются повышение эффективности судебно-экспертной деятельности и качества судебных экспертиз в Российской Федерации, создание благоприятных условий для международного обмена научными достижениями и практическим опытом в данной области.

Международное сотрудничество Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности должно развиваться в следующих общих направлениях:

- активизация контактов и поощрение укрепления сотрудничества между судебными экспертами и судебно-экспертными учреждениями разных стран;
- создание общего информационного пространства в сфере международного судебно-экспертного сотрудничества;
- поддержка создания международных и региональных судебно-экспертных сетей;
- развитие научного сотрудничества, участие в работе международных академий судебно-экспертных наук;
- участие в разработке и внедрении международных стандартов в области судебной экспертизы.

⁶ Государственная программа Российской Федерации «Юстиция». Утв. Распоряжением Правительства РФ от 4 апреля 2013 г. № 517-р // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1743.

⁷ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

⁸ Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы». Утв. Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. № 1. Ст. 13.

⁹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 30.06.2014, № 26 (часть I). Ст. 3378.

¹⁰ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. Принята на саммите в Уфе 10 июля 2015 г. Режим доступа: www.infoshos.ru/ru/?id=125 (дата обращения: 28.07.2016).

¹¹ UNODC Strategy 2012 – 2015. Режим доступа: www.unodc.org/unodc/en/about-unodc/unodc-strategy.html?ref=menutop (дата обращения: 15.07.2016); Forensic Services and Infrastructure. Criminal Assessment Toolkit. – New York: UNODC, 2010.

¹² International Cooperation in the Forensic Field. The Commission on Crime Prevention and Criminal Justice Resolution 19/5. Режим доступа: www.unodc.org/documents/commissions/-CCPCJ/Resolution_19-5.pdf (дата обращения: 25.07.2016).

Частными (специализированными) стратегическими направлениями международного сотрудничества в области научных исследований и методического обеспечения производства судебных экспертиз на ближайшие 5 – 10 лет являются:

1. Создание с использованием международного и иностранного опыта научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения предупреждения и расследования терроризма. Основными видами экспертиз, востребованными при расследовании актов терроризма являются судебные взрыво-технические, судебно-баллистические, судебные авиационно-технические, судебно-медицинские, судебные молекулярно-генетические, судебные компьютерно-технические экспертизы, судебные экспертизы радиоактивных материалов, криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей.

2. Использование результатов международного сотрудничества при создании научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений в сфере информационных технологий, в том числе с незаконным использованием чужих персональных данных. Помимо судебных компьютерно-технических экспертиз при расследовании таких преступлений существенное значение имеет проведение как иных инженерно-технических экспертиз, так и судебно-экономических экспертиз, судебно-лингвистических экспертиз, судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности.

3. Использование результатов международного сотрудничества при создании научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения расследования транснациональных и международных финансовых преступлений. При расследовании таких преступлений в полной мере должны использоваться результаты судебно-экономических, судебных компьютерно-технических экспертиз.

4. Использование результатов международного сотрудничества при создании научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и фармацевтической продукции. При расследовании таких преступлений востребованы криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, судебно-

трасологическая экспертиза, судебно-товароведческая экспертиза.

5. Использование результатов международного сотрудничества при создании научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения расследования экологических преступлений и преступлений против дикой флоры и фауны. При расследовании таких преступлений проводятся судебно-экологические, судебно-биологические экспертизы. С 2016 г. в системе СЭУ Минюста России организовано производство судебной экспертизы дикой флоры и фауны.

6. Использование результатов международного сотрудничества при создании научных, методических и организационных основ судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, посягающих на культурные ценности (хищения и контрабанда культурных ценностей, вандализм, подделки произведений искусства). При расследовании преступлений этой группы эффективно используются судебно-искусствоведческие, судебно-трасологические, судебно-товароведческие экспертизы, судебно-техническая экспертиза документов, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. В 2016 г. завершена работа над проектом национального стандарта «Комплексная экспертиза культурных ценностей. Требования».

7. Развитие международного сотрудничества в области разработки и производства судебно-экспертного исследовательского оборудования и материалов также должно получить статус стратегического направления. В настоящее время значительная часть оборудования и материалов для производства судебной экспертизы приобретается за рубежом. Представляется необходимым принять участие в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах по созданию соответствующей техники и материалов, по возможности включиться в международную кооперацию и со временем создать собственные производственные мощности для максимального обеспечения отечественных судебно-экспертных учреждений необходимыми приборами и материалами.

8. Особым и весьма важным направлением международного сотрудничества Российской Федерации с иностранными судебно-экспертными учреждениями и международными СЭУ представляется обмен достижениями в области общей теории судеб-

ной экспертизы (судебной экспертологии). В мире не создано ни одной международной научной организации или объединения экспертов, специализирующейся на вопросах общей теории судебной экспертизы, теоретических основ криминалистики. Представляется, что создание такого международного научного общества или ассоциации именно в России будет объективно отражать высокий уровень отечественных исследований в области судебной экспертологии.

Следует также заметить, что до сих пор в мире не только не создано никакого международного судебно-экспертного объединения, основной целью которого было бы развитие судебной экспертологии, но и не проводится международных форумов, полностью посвященных проблемам теории судебной экспертизы. Эти вопросы периодически становятся предметом дискуссий на некоторых международных конференциях по судебной экспертизе, однако обсуждаются они наряду с более узкими и практическими задачами криминалистики и судебной экспертизы. Сам термин «судебная экспертология» (forensic expertology) начал использоваться за рубежом (Болгария, Польша, Литва), однако вкладываемое в него содержание не всегда соответствует первоначальному смыслу, определенному в отечественной науке.

Актуальные проблемы общей теории судебной экспертизы активно обсуждаются на ставших традиционными международных научно-практических конференциях «Теория и практика судебной экспертизы», проводимых Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина. В России издан ряд фундаментальных трудов, посвященных теоретическим основам судебной экспертизы, востребованных пока, главным образом, в странах СНГ [1-3].

Показательным является то, что в России в рамках Петербургского международного юридического форума, начиная с III-го форума 2013 года, ежегодно проводятся круглые столы по вопросам судебной экспертизы, и в них всегда принимают участие иностранные ученые и практики [4-7]. С тех пор стало традицией на каждом форуме рассматривать ключевые проблемы общей теории судебной экспертизы и международного судебно-экспертного сотрудничества.

9. Весьма важным стратегическим направлением является подготовка высококвалифицированных судебных экспертов, свободно владеющих иностранными языка-

ми, получившими дополнительную подготовку в области международного судебно-экспертного сотрудничества и необходимые базовые знания в области международного гуманитарного права и других международно-правовых дисциплин.

Подготовка судебных экспертов, владеющих иностранными языками, может осуществляться в Российском университете дружбы народов, имеющем в своем составе кафедру судебно-экспертной деятельности и соответствующие учебные программы¹³, а также огромный кадровый потенциал в области международного права и обучения иностранным языкам. Участие таких экспертов в международных судебно-экспертных объединениях (обществах, ассоциациях, гильдиях, академиях), а также в деятельности наиболее авторитетных международных неправительственных правозащитных организаций позволит не только обогатить отечественную судебно-экспертную науку и практику, но и подтвердить право Российской Федерации на одну из лидирующих позиций в мировом судебно-экспертном сообществе.

Эффективной реализации целей и задач Стратегии будет способствовать создание информационной инфраструктуры международного судебно-экспертного сотрудничества. Такая инфраструктура должна включать в себя следующие элементы:

1. Международные и региональные базы данных о применяемых судебно-экспертных методиках.
2. Справочно-информационные базы данных международных судебно-экспертных организаций.
3. Справочно-информационные базы данных иностранных судебно-экспертных организаций, иностранных судебно-экспертных учреждений, иностранных вузов, осуществляющих обучение и повышение квалификации судебных экспертов.
4. Реестр российских судебных экспертов, отвечающих требованиям, предъявляемым к судебным экспертам, включаемым в реестр судебных экспертов Международного уголовного суда.
5. Мониторинг и анализ процессов, происходящих в области научного, методи-

¹³ См.: Сотрудничество ЮИ РУДН и Европейской сети судебно-экспертных учреждений. Режим доступа: www.law.rudn.php?id_section=6&id_post=2517 (дата обращения: 27.06.2016).

ческого и технического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

6. Каналы обеспечения постоянного информационного взаимодействия российских и зарубежных судебных экспертов, судебно-экспертных учреждений, профессиональных объединений и учебных заведений.

7. Международные периодические издания, освещающие положительный опыт международного судебно-экспертного сотрудничества.

Координацию работы по практической реализации долгосрочных стратегических планов по развитию международного судебно-экспертного сотрудничества, а также мониторинг их выполнения целесообразно возложить на Министерство юстиции Российской Федерации.

Реализация предлагаемых мероприятий вполне может осуществляться в пределах средств, выделяемых из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также иных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова Т.В. *Судебная экспертиза. Курс общей теории*. – М.: Норма, 2009. – 480 с.

2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. *Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)*. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. – 183 с.

3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. *Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология)*. Учебник. 2-е издание. – М.: Норма, 2016. – 368 с.

4. Киндер Я. Региональное и международное сотрудничество в области судебной экспертизы (включая обучение судебных экспертов) // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2013. – № 3(31). – С. 171.

5. Нойтебум В. Национальные и международные модели организации судебно-экспертных учреждений: современное состояние и перспективы // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2013. – № 3(31). – С. 174–175.

6. Смирнова С.А. Круглый стол по судебной экспертизе на III Петербургском международном юридическом форуме // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2013. – № 3(31). – С. 164–169.

7. Хазиев Ш.Н. Тренды в судебной экспертизе: позитивные и негативные аспекты // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2013. – № 3(31). – С. 10–16.

REFERENCES

1. Aver'yanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchei teorii* [Forensic Examination. Cours of General Theory]. Moscow: Norma Publ., 2009. 480 p. (In Russ).

2. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Sudebnaya ekspertologiya (obshcheteoreticheskie i metodologicheskie problemy sudebnykh ekspertiz)* [Forensic expertology (general theoretical and methodological problems of forensics)]. Volgograd: Graduate School of Investigation Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 183 p. (In Russ).

3. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Teoriya sudebnoi ekspertizy (Sudebnaya ekspertologiya)*. Uchebnik. [Theory of Forensic (Forensic expertology). Textbook]. 2nd edition. Moscow: NORMA Publ., 2016. 368 p. (In Russ).

4. Kinder J. Regional and international cooperation in the field of forensic expertise (including forensic experts training). *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2013, No 3(31), P.171 (In Russ).

5. Noytebum V. National and international models for forensic institutions organization: current status and perspectives. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2013, No 3(31), pp. 174–175 (In Russ).

6. Smirnova S.A. The round table on forensic science at the III Saint Petersburg International Legal Forum. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*. 2013, No 3(31), pp.164–169 (In Russ).

7. Khaziev, Sh.N. Trends in forensics: positive and negative aspects. *Teoriya i praktika sudebnoy expertizy*. 2013, No 3(31), pp.10–16 (In Russ).

Сведения об авторе:

Хазиев Шамиль Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права РАН.

Телефон: 8 (985) 928-95-32; e-mail: khaziev2@rambler.ru

Конференции,
семинары, круглые
столы по судебной
экспертизе

А.И. Усов^{1,2}

¹ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

²ФГАОУ высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия, 117198

КОМПЕТЕНЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ИТОГИ ШЕСТОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА)

A.I. Usov^{1,2}

¹Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

²Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, 117198

COMPETENCY AND COMPETENCE IN FORENSIC WORK (OUTCOMES OF THE SIXTH ST. PETERSBURG INTERNATIONAL LEGAL FORUM)

В период с 18 по 21 мая 2016 года в г. Санкт-Петербург состоялся VI Петербургский Международный Юридический Форум, в котором приняли участие 3750 человек из 77 стран мира.

В этом году Форум посетила 71 иностранная официальная делегация, почетными гостями стали восемь Министров юстиции и 12 заместителей Министра. Участие в мероприятиях Форума приняли представители международных организаций, в частности руководители таких авторитетных международных институтов, как Всемирная организация интеллектуальной собственности, Венецианская Комиссия Совета Европы, Гаагская конференция по международному частному праву, Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торгов-

ли, Международный институт унификации частного права и Европейская комиссия по эффективности правосудия. На площадке Форума широко были представлены иностранные Конституционные и Верховные суды: 34 делегации, 23 из которых – на уровне председателя и заместителя председателя.

В ходе деловой программы Форума выступили более 500 спикеров, из которых 40% - иностранцы, 60% - российские участники. В числе гостей – видные ученые и эксперты в различных областях права.

Пленарное заседание «Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов» с участием Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева состоялось 18 мая 2016 года и проходило в Амфитеатре Главного штаба Государственного Эрмитажа.

Модератор круглого стола профессор С.А. Смирнова

Деловая программа Форума включала более 70 мероприятий, в их числе конференции, презентации, лекции, а также дискуссионные сессии, объединенные в семь тематических блоков: частное право; промышленность, торговля и защита конкуренции; судебная и арбитражная практика; smart-общество; инвестиции и финансы, международное право, безопасность и верховенство закона; юридическая профессия.

В рамках трека «Судебная и арбитражная практика» 20 мая 2016 г. состоялся традиционный круглый стол по судебной экспертизе «Компетенция и компетентность в судебно-экспертной деятельности: сущность и пределы, сходство и различия». Данная тематическая дискуссионная встреча судебных экспертов с представителями других юридических профессий на площадке Форума проходила уже в четвертый раз. Модератором сессии выступила д.ю.н., профессор С.А. Смирнова, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

Целью дискуссии являлся анализ и систематизация современных практик формирования и актуализации профессиональных компетенций судебных экспертов, выявления закономерностей происходящих

организационно-правовых трансформаций путей и форм подтверждения их компетентности, снижения рисков профессиональной деформации в области судебно-экспертной деятельности.

В работе круглого стола приняли участие следующие ученые, выступившие с докладами на соответствующие темы:

1. Ян де Киндер (Jan De Kinder), директор Национального Института Криминалистики и Криминологии Минюста Бельгии; тема: «Европейские инициативы в области координации судебно-экспертных компетенций: методология формирования единого судебно-экспертного пространства»;

2. Мороз Игорь Анатольевич, заместитель Председателя Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; тема: «Взаимозависимость понятия квалификации судебного эксперта и трендов научно-технического прогресса: анализ и реформирование организационно-правовых аспектов»;

3. Джавадян Арташес Сергеевич, директор Национального бюро экспертиз Республики Армения; тема: «Профессиональная деформация в судебно-

Спикеры А.С. Джавадян и Ян де Киндер (справа)

ной экспертизе как обратная сторона компетентности: научный анализ и профилактика»;

4. Георгий Тваури (George Tvauri), руководитель Национального судебно-экспертного бюро им. Левана Самхараули (Республика Грузия); тема: «Механизмы определения субъективной компетенции: опыт организации подтверждения компетентности судебных экспертов в Республике Грузия»;

5. Лилиана Тришич, директор Агентства судебно-экспертных исследований Боснии и Герцеговины; тема: «Гармонизация потребностей судопроизводства и компетенций судебных экспертов: возможен ли выход за пределы экспертной специальности?»;

6. Сейтенов Калиолла Кабаевич, директор Института судебной экспертизы Казахского Гуманитарно-Юридического Университета; тема: «Роль стандартизации и национальных технических комитетов по судебной экспертизе в формировании высоких уровней компетентностей судебных экспертов»;

7. Пристансков Владимир Дмитриевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета; тема: «Актуальные проблемы

обеспечения принципа независимости при производстве судебной экспертизы»;

8. Хухуу Улзийбаяр, директор Национального института судебных экспертиз при Министерстве Юстиции Монголии; тема: «Современные подходы к модернизации и инновациям судебно-экспертной деятельности: монгольский опыт повышения квалификации экспертных кадров»;

9. Ястребов Олег Александрович, директор Юридического института Российского университета дружбы народов; тема: «Прогрессивные модели образовательной деятельности – залог подготовки судебно-экспертных профессионалов нового поколения».

По итогам дискуссии, модератор С.А. Смирнова, отметила, что в разных государствах и правовых системах проблема соотношения компетенции и компетентности судебных экспертов решается по-разному. При этом вопрос недостаточной проработанности дефиниции компетенции в области судебной экспертизы выходит на первое место среди всех остальных угроз качественному использованию специальных знаний в судопроизводстве. Особо было отмечено, что результаты круглого стола будут иметь важное значение для содействия справедливому судебному разбиратель-

ству посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний.

По доброй традиции в завершении круглого стола состоялось награждение специальной медалью «За вклад в развитие судебной экспертизы». В этом году за долголетнее и плодотворное международное сотрудничество с СЭУ Минюста России, конструктивное развитие научно-методических связей между российскими и зарубежными судебно-экспертными учреждениями на Евразийском пространстве были награждены Хухуу Улзийбаяр (директор Национального института судебных экспертиз при Министерстве Юстиции Монголии) и Сейтенов Калиолла Кабаевич (директор Института судебной экспертизы Казахского Гуманитарно-Юридического Университета).

В заключение научной сессии С.А. Смирнова еще раз поблагодарила всех участников сессии и пожелала всем успеха

в научных изысканиях, а также творческих поисков неординарных решений самых сложных проблем в нашей уникальной профессии – СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА!

С записью трансляции круглого стола по судебной экспертизе «3.3. Компетенция и компетентность в судебно-экспертной деятельности: сущность и пределы, сходство и различия» от 20 мая 2016 г. можно ознакомиться по следующей ссылке: <http://www.spblegalforum.ru/ru/Broadcast> (активна на 01.08.2016).

Сведения об авторе:

Усов Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Российского университета дружбы народов. Тел.: 8 (495)-916-38-74; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

На тему дня

О.В. Кукушкина

ФГБОУ высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 119991

НЕГАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: УТВЕРЖДЕНИЕ О ФАКТЕ ИЛИ ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ?

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с установлением типа негативной информации и разграничением фактов и мнений. Эта задача является одной из самых сложных в лингвистической экспертизе и требует серьезной методической разработки. При ее решении эксперт сталкивается с неоднозначностью терминов и формулировок вопросов, а также со сложностью самого объекта исследования - семантики утверждений, содержащихся в высказывании. В статье анализируется содержание основных терминов, традиционно используемых при решении этой экспертной задачи, и предлагается метод ее решения. В основе данного метода, названного "фактологическим квадратом", лежит анализ высказывания по четырем семантическим параметрам: наличию в нем утверждения о совершении действия; верифицируемости этого утверждения на основе конкретности описания действия и его потенциальной наблюдаемости; отсутствию альтернативы, т.е. указания на другую возможность; цели сообщения негативной информации. В статье также анализируются основные типы фактологической информации и приводятся конкретные примеры семантического анализа утверждений на основе предлагаемого метода.

Ключевые слова: *мнение, факт, утверждение, верификация, лингвистическая экспертиза*

O.V. Kukushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 119991

NEGATIVE INFORMATION: STATEMENT OF FACT OR EXPRESSION OF OPINION?

The paper explores the key problems of establishing the type of negative information and differentiating between facts and opinions. This is one of the most challenging problems of forensic linguistics that requires a robust methodological framework to be tackled successfully. When faced with this problem, the expert has to deal with the ambiguity of terminology and wording of questions, as well as the complexity of the object of study – the semantics of statements encountered in acts of speech. The paper analyzes the content of key terms traditionally used to address this forensic problem, and offers a possible solution. The so-called "factual square" is a method based on analyzing a statement against four semantic parameters: presence of statement of past action; verifiability of this statement on the basis of specificity of description of the action and its potential observability; lack of alternative, i.e. indication of a different possibility; the purpose of conveying negative information. The paper also analyzes the basic types of factual information and offers specific examples of semantic analysis of statements using the proposed approach.

Keywords: *opinion, fact, statement, verification, forensic linguistics.*

Вопрос о разграничении мнения и факта является, как известно, одним из самых сложных в лингвистической экспертизе. С какими же проблемами мы сталкиваемся при его решении? Первая из этих проблем касается определения основного объекта анализа: что должно в первую очередь анализироваться – **форма** подачи негативной информации или же ее **содержание**? Если исходить из стандартной постановки вопроса (**В какой форме выражены сведения: утверждения о фактах или оценочного суждения (мнения)?**), то должна анализироваться форма. Это побуждает некоторых экспертов к чисто формальному подходу, при котором отслеживается только наличие/отсутствие специальных маркеров мнения. В результате информация, сопровождаемая такими маркерами, признается выраженной в форме мнения, а не сопровождаемая ими – в форме утверждения о факте.

Формальный подход дает нежелательные, явно неадекватные результаты. Так, он может привести эксперта к выводу, что в одном и том же тексте одна и та же информация выражается то в форме мнения, то в форме утверждения о факте, поскольку в одном случае показатели мнения есть, а в другом нет. Хуже, однако, другое. Правоприменитель, увидев, что в явно оценочном предложении типа *Он подлец* эксперт усматривает форму утверждения о факте (в силу отсутствия показателей мнения), может принять этот вывод за признание наличия самого факта либо вообще усомниться в возможностях лингвистической экспертизы.

Конечно, отсутствие маркеров мнения значимо с лингвистической точки зрения. Оно влияет на критичность восприятия информации, свидетельствует о категоричной форме изложения мнения и пр. Но суд интересуется не способ подачи сведений, а сам тип сообщаемого. Ср.: «Обстоятельствами, имеющими значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности»¹.

Таким образом, при отделении фактов от мнений оказывается значимой не

собственно форма подачи информации, а ее семантика, т.е. возможность проверки сообщения на соответствие действительности (верифицируемость). Поэтому эксперту нужно хорошо представлять себе, какое семантическое содержание стоит за экспертными понятиями, в которых присутствует слово «форма».

Верифицируемость обычно упоминается в научно-методической литературе не сама по себе, а в связи с формой утверждения, и прежде всего, с формой утверждения о фактах. Ср. следующее описание задачи, стоящей перед экспертом-лингвистом: лингвисты «выявляют фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения» [1]. Здесь по параметру верифицируемости противопоставлены **форма утверждения о фактах** и **форма выраженного мнения**. Что за формы имеются в виду и как они связаны с истинностью (верифицируемостью)? Чтобы разобраться в этом, необходимо выяснить, как соотносятся ключевые понятия *утверждение*, *мнение* и *факт* и их «формы» и что именно «отвечает» за верифицируемость.

Понятия «утверждение» и «факт» часто используются в экспертной практике как синонимы. При этом подразумевается, что утверждение всегда может быть проверено на истинность, что эта форма сама по себе обеспечивает верифицируемость информации. Такое синонимическое использование, неразличение имеет место, например, при следующей формулировке вопроса: «*В форме утверждения или мнения изложена негативная информация?*». Факт здесь вообще не упоминается. Об утверждении как о верифицируемом типе информации идет речь, на первый взгляд, и в следующем определении: «Утверждение - высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отражается связь предмета и его признака. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения – как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности)» [1]. Однако здесь же упоминается и мнение, а в следующем абзаце прямо сказано о том, что утверждение

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

– это форма, в которой может выражаться и оценочное суждение, т.е. неverified информация, мнение. Ср.: «В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м. 80 см.*), оценочным суждением – субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван - дылда*), обобщающим утверждением – выводом (*столбы обычно высоки*) и т.д.» [1]. Для разграничения verified и неverified здесь используется понятие «факт». Что же тогда следует понимать под «формой утверждения»? Какой конкретный экспертный смысл стоит за этим понятием?

Утверждение в лингвистической семантике противопоставлено побуждению и вопросу. Эти особые виды высказываний, отличающиеся по выраженной **речевой цели** (повествовательной или побудительной). Таким образом, для утверждения важна не verified информация, а цель сообщения. Основной грамматической формой выражения утверждения является повествовательное предложение. Однако нужно учитывать, что в вопросительных и побудительных предложениях также регулярно присутствуют утверждения. Это связано с тем, что пресуппозиция высказывания всегда представляет собой утверждение, т.е. сообщение некой информации. Так, предложения *Когда ты это сделал?*, *Не делай этого больше!* и т.п. содержат утверждение 'Ты это сделал'. При работе с утверждением нельзя также путать «утверждение» и «утвердительные предложения». Сообщение об отсутствии чего-либо – это тоже утверждение (ср.: *У него нет совести* и т.п.).

Verified информация передается только в форме утверждения, но в этой же форме может передаваться и неverified. Таким образом, утверждение отличается необязательной verified информацией, немаркированностью по этому параметру. Поэтому для уточнения того, что речь идет именно о verified утверждениях, в последнее время чаще всего используется формулировка, в которую добавлено слово «факт» – «форма утверждения **о факте**». Компонент «утверждение» в ней означает повествовательный тип высказывания (имеет место сообщение, а не побуждение к ответу или действию), а «факт» – verified информация в высказывании негативной информации.

Поскольку в «форме утверждения» может передаваться и мнение, и факт, то «форме утверждения о факте» (verified утверждение) логично было бы противопоставлять «форму утверждения о мнении» (неverified утверждение). Однако анализ показывает, что понятие «форма утверждения» применительно к мнению используется не для обозначения неverified информации, а для того, чтобы указать на отсутствие при выражении мнения специальных его маркеров. Ср.: «Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию маркеров — определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит» [2].

Таким образом, за регулярно используемым экспертами понятием «форма утверждения» обычно стоит следующее реальное содержание: передача информации в форме **повествовательного высказывания, не сопровождаемого маркерами мнения**. «Форме утверждения» при этом противопоставляется «форма мнения», где такие специальные маркеры есть.

Однако отсутствие маркера мнения само по себе никак не свидетельствует о том, что в утверждении имеет место изложение факта, а не мнения. И факт, и мнение могут быть выражены как со специальными показателями (маркированно), так и без них (немаркированно). Поэтому с формальной точки зрения нужно различать не форму утверждения или мнения, а маркированные (как факты или мнения) и немаркированные утверждения. Одна из главных сложностей разграничения фактов и мнений заключается именно в регулярном немаркированном способе их передачи.

Выбор немаркированного способа выражения мнения – это не проявление злого умысла говорящего, его желания выдать мнение за факт, а абсолютно нормальное для естественного языка явление. Говорящий не может и не обязан различать факты и мнение о них и еще все время сообщать адресату, что он сейчас ему излагает. Это делается лишь в специальных коммуникативных условиях. Постоянное избыточное маркирование мнения мы видим, например, в речи некоторых журналистов, которые сопровождают все свои негативные высказывания пояснением «*Это мое*

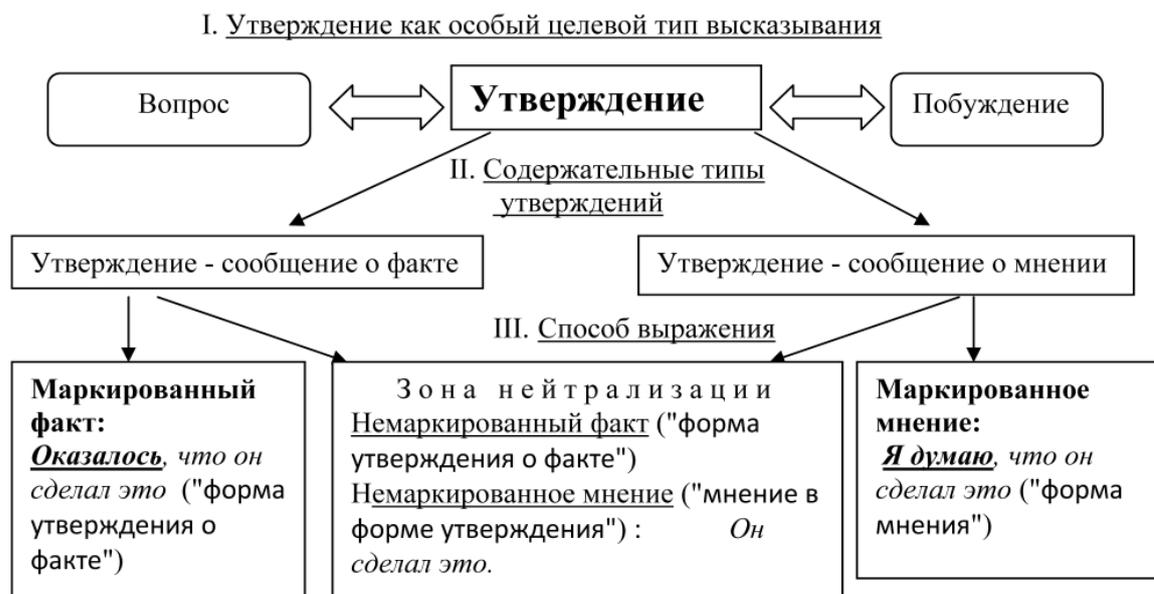

Рис. 1. Типы утверждений и экспертные формулировки

оценочное суждение!» из-за боязни юридических последствий выражения негативного мнения. Их речь выглядит при этом довольно неестественно. Вне специальных условий показатели мнения избыточны. Они нормальны в ситуации спора, отстаивания своей позиции, неуверенности и т.п. Ср.: *Он подлец* и *Я считаю, что он подлец*. Маркеры фактов также используются в особых коммуникативных ситуациях, указывающих на приобретение знания, его наличие, на его достоверный характер и т.п. (ср., например, утверждения типа «*Это факт*»). Таким образом, именно **немаркированное утверждение** является наиболее стандартным и частотным способом сообщения информации как о фактах, так и о мнении. Оно выступает как зона нейтрализации формальных различий между этими двумя семантическими типами информации.

В зоне нейтрализации, т.е. в форме утверждения, не сопровождаемого специальными маркерами, мнение выступает как формально не отграниченное от факта. Такое немаркированное мнение и называют иногда, очевидно, «мнением в форме утверждения о факте». Эту формулировку вряд ли можно назвать удачной, так как она наводит на мысль, что мнение может превращаться в факт с помощью «формы утверждения о факте». Однако семантическое различие между двумя этими типами информации сохраняется и в форме немаркированного утверждения. Поэтому приведенная формулировка приобретает какую-то осмысленность, только если понимать ее

как «мнение в форме, наиболее типичной для утверждения о факте, т.е. в форме повествовательного высказывания без специальных показателей». Но это то же самое, что и «мнение в форме утверждения». В связи с этим формулировка «мнение в форме утверждения о факте» является избыточной и еще более запутывающей.

Ниже описанное соотношение семантических типов утверждений и используемых «формальных» экспертных формулировок изображено в виде схемы (рис. 1).

Поскольку различие между фактом и мнением по своей сути является семантическим, а не формальным, более правомерными представляются формулировки вопроса, не содержащие упоминания о форме. Ср., например: *Содержатся ли в негативной информации об X. утверждения о фактах? Если да, то какие именно?*

Чтобы отграничить факт от мнения в зоне нейтрализации (т.е. утверждения без специальных маркеров типа информации), необходим специальный анализ пропозиций, содержащихся в высказывании, т.е. семантический анализ. И здесь возникает следующая принципиальная трудность: любая негативная информация, любое мнение несет в себе сообщение о **существовании какого-то факта**, то есть обязательно содержит фактологический компонент. Факт может обходиться без мнения, но мнение без факта – нет. Оно всегда касается какого-то факта (совокупности фактов) и без него не существует. Как известно, именно факты являются для мнения отправной точкой,

информационным поводом. То есть мнение всегда вторично – это реакция на какой-то факт в виде его квалификации, оценки, выражения эмоций по его поводу, принятия какого-то решения, связанного с фактом. И язык устроен так, что при выражении мнения одновременно сообщается и какая-то информация о факте. В минимальном виде она представляет собой утверждение о самом существовании какого-то исходного факта, содержащееся в пресуппозиции любого субъективно-оценочного высказывании. Такое утверждение является необходимым условием семантической осмысленности выражения мнения, поэтому носит обязательный характер. Таким образом, негативные высказывания содержат, «распространяют» информацию сразу двух типов: (а) фактологическую: ‘имело место нечто’; (б) квалифицирующую, оценочную: ‘я оцениваю, квалифицирую это нечто как нарушение, преступление, нехороший поступок и т.п.’²

Итак, обязательность фактологической составляющей, пусть имплицитно, но выраженной, в любой негативной информации, очевидна. Но это ставит под вопрос саму возможность отнесения этой информации либо к фактам, либо к мнению: нам предлагается выбирать одно из двух (мнение или факт?), тогда как в анализируемом объекте обязательно есть и то и другое. В связи с этим возникает своего рода экспертный тупик. Как можно из него выйти?

Первый выход «нигилистический»: вообще отказаться от разграничения фактов и мнений и заявить, что это вне компетенции лингвистов. В этом случае лингвистам останется только отвечать на вопрос «Есть ли негативная информация и о ком именно?». Однако такой вопрос редко требует специальных лингвистических знаний, тогда как практическая потребность в разграничении мнения и факта очевидна, и именно здесь такие знания очень востребованы. Второй теоретически возможный выход та-

ков: можно, сославшись на обязательность фактологической составляющей, сразу делать вывод о наличии утверждения о факте в каждом негативном высказывании, даже самом субъективном. Лингвисты при этом, как и в первом случае, практически самоустраняются от решения актуальной задачи разграничения фактов и мнений, а правоприменители получают основание видеть в любом негативном высказывании «распространение порочащих сведений», что неприемлемо.

Адекватным решением проблемы, отвечающим практическим потребностям и, что не менее важно, возможностям современной лингвистической науки, является, очевидно, разделение понятий «факт» и «фактологичность». Дело в том, что далеко не все утверждения о том, что нечто произошло, являются верифицируемыми. Значительная часть из них представляет собой «фактологическое» изложение мнений. «Фактологичностью» можно называть вышеупомянутый **обязательный** семантический компонент негативных высказываний (простое утверждение о наличии некоего факта и/или его описание), а «фактом» – только определенный вид смыслового наполнения этого компонента, обладающий свойством «верифицируемость». Такое разделение позволяет извлекать из негативной информации обязательную фактологическую составляющую, а затем уже выделять из нее собственно факты, то есть ту часть негативной информации, которая может быть проверена на достоверность.

Ниже предлагаются экспертные критерии, на основании которых можно осуществлять анализ содержащихся в высказывании негативных утверждений с точки зрения лингвистических признаков, важных для дел по распространению порочащих сведений. Предлагаемый подход базируется на четырех критериях, поэтому его можно назвать **методом фактологического квадрата**. Этими критериями являются *совершенность, верифицируемость, отсутствие альтернативы и побудительная («порочащая») цель* (сокращенно «СВОП»). Первые три параметра являются основными. Они связаны с содержанием распространяемого сообщения и помогают отделить собственно факты от мнений. Четвертый параметр (речевая цель высказывания) выступает как дополнительный параметр, который может указывать на целенаправ-

² Сказанное не распространяется на оскорбление. Последнее представляет собой особый вид негативной информации, не требующий верификации. Это сообщение информации не столько об оскорбляемом, сколько о враждебно-пренебрежительном отношении к нему, демонстрация этого отношения. Во многих случаях оно не сопровождается никакой информацией о самом объекте отношения (ср. ругательства). В силу очевидной субъективности оно не нуждается в эксплицитных показателях.

ленное формирование негативного отношения к предмету речи.

Совершенство (выделение фактологической составляющей)

Фактологическую информацию можно определить как сообщение о том, что произошло, совершилось, имело место. Чтобы извлечь фактологическую составляющую негативного сообщения, нужно задать следующий вопрос: **Что он (лицо, организация) совершил негативно, по словам говорящего?** Ответ на этот вопрос может находиться в пресуппозиции утверждения (см. подробнее [3]), но он обязательно в том или ином виде присутствует в высказывании.

Принципиальное для семантики «совершенство» свойство - это отнесенность события к прошлому. Сообщения о том, что нечто может произойти, произойдет, могло бы произойти; соображения о том, что нужно делать, что кто-то хочет сделать и т.п., критерий «совершенство» сразу отсекает, относя их к сфере предположений, намерений и пр., т.е. к мнению. Это не означает, что совершенство есть только в предложениях с формами прошедшего времени. Она присутствует и в контекстах с настоящим неактуальным, описывающих продолжающиеся совершаться и в настоящем действия. Так, утверждение «Они крадут наши деньги» тоже несет в себе информацию о совершенности, поскольку подразумевает, что хотя бы раз деньги были украдены.

Ниже рассмотрены некоторые примеры экспликации фактологической и нефактологической (субъективно-оценочной) составляющих информации, изложенной в форме немаркированных утверждений.

(1) *Он совершил преступление.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто;

мнение: это нечто является преступлением (квалификация совершенного действия, т.е. его оценка).

(2) *Он пользуется своим служебным положением.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто, связанное со службой;

мнение: это нечто является незаконным и квалифицируется как использование служебного положения (квалификация совершенного действия, т.е. его оценка).

(3) *Они нас ненавидят и хотят уничтожить!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что они сделали?) они сделали нечто;

мнение: это дает основание утверждать, что они нас ненавидят и хотят уничтожить (интерпретация намерений).

(4) *Его нельзя выбирать!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он сделал нечто;

мнение: это дает основание считать, что его нельзя выбирать (негативная оценка действий лица и выражение мнения о том, что с ним нужно делать).

(5) *Он разворовал народное добро!*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он украл/присвоил (позволил украсть) общественную собственность;

мнение: он совершил негативное, преступное действие, т.к. красть плохо (негативная оценка действия X.).

(6) *Он вор.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он украл нечто;

мнение: на этом основании считаю его вором (квалификация личности).

(7) *Он склонен к воровству.*

Утверждаю, что:

фактолог.: (что он сделал?) он совершил некие действия;

мнение: на их основании можно сделать вывод, что он имеет наклонности вора, т.е. имеет желание, намерения красть.

Ср. следующее описание семантики аналогичного высказывания: «Высказывание *Иван склонен к коррупции* по форме является выводом, не подлежащим верификации, и само по себе не может быть проверено на соответствие действительности. Однако оно, несомненно, негативно характеризует Ивана и содержит пресуппозитивное утверждение о существовании фактов, позволяющих сделать данный вывод»³.

(8) *После этих его действий предприятие развалилось.*

Утверждаю, что:

³ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 39-10/12 от 22.10.2012 (Общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)») – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf>, свободный. (дата обращения 20.03.2016).

фактолог: (что он сделал, что произошло?) 1) он совершил эти действия, 2) предприятие развалилось;

мнение: первое является причиной второго (установление виновника = причинно-следственной связи между двумя фактами).

(9) *В этом виноват он.*

Утверждаю, что:

фактолог: (что он сделал, что произошло?) 1) он совершил нечто; 2) что-то произошло;

мнение: первое является причиной второго (установление виновника = причинно-следственной связи между двумя фактами).

(10) *При проверке 87 % его текста совпало с текстом Y.*

Утверждаю, что:

фактолог: (что он сделал? что произошло?) 1) он написал текст; 2) этот текст сравнили с текстом Y; 3) совпало столько-то процентов;

мнение: не выражено. Нужен анализ широкого контекста. В нем может присутствовать «порочащее» утверждение о том, что X. заимствовал свой текст у автора текста Y.

(11) *Их полеты в нынешних условиях необходимо запретить, они опасны!*

Утверждаю, что:

фактолог: (что случилось? что они сделали?) 1) сложились нынешние условия; 2) они летали и летают в этих условиях;

мнение: 1) это делать опасно (оценка степени риска); 2) это нужно прекратить (мнение по поводу того, что нужно делать).

При анализе утверждений об опасности чьих-либо действий, требования их запрета нужно учитывать, что они не обязательно содержат в себе информацию о том, что субъект этих действий сделал нечто негативное, нарушил нечто. Такой вывод из данных утверждений вероятен, но необязателен, т.е. носит факультативный характер. В сложившейся ситуации может быть виноват не сам «деятель», а кто-то иной (природа, другие люди, не создавшие необходимых условий для устранения риска, и пр.). Поэтому требуется установить, кого именно говорящий считает нарушителем - самого X. или нет. В последнем случае нельзя говорить о том, что негативная информация относится именно к нему.

Итак, фактологический вопрос *Что он сделал?* позволяет выделить фактологическую и нефактологическую части не-

гативной информации, содержащейся в высказывании. Нефактологическая часть негативных высказываний всегда представляет собой мнение и не верифицируема. В фактологической же части могут находиться не только верифицируемые, но и не верифицируемые или же частично верифицируемые утверждения, также способные отвечать на диагностический вопрос (ср. предположение о намерении: *Что он сделал?* – *Он решил меня ограбить*). Поэтому далее необходима дополнительная проверка всей фактологической информации на верифицируемость.

Верифицируемость фактологической информации

(выделение собственно фактов)

«Факт», в рамках обсуждаемой экспертной задачи и предлагаемого подхода, - это способная проверяться на достоверность часть утверждений о совершённом. В связи с этим возникает вопрос о лингвистических признаках, свидетельствующих о потенциальной верифицируемости сообщения.

В работах отдельных лингвистов высказывается сомнение в том, что проверка на верифицируемость может проводиться лингвистическими методами и, соответственно, входит в компетенцию лингвиста. Так, например, К.И. Бринев в своей монографии пишет следующее: «очевидно, что критерий определения потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, более того, в теории познания проблема верифицируемости не является решенной, так что обыденные представления лингвиста о том, что верифицируемо, что нет, вряд ли могут являться надежным источником решения вопроса о квалификации высказывания в аспекте его принадлежности к высказываниям о фактах или оценочным суждениям» [4].

Эта позиция отражает объективную трудность задачи и наличие здесь большого числа сложных случаев. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что у лингвистов есть только обыденное представление о верифицируемом и что современная лингвистика не обладает научными понятиями, позволяющими анализировать потенциальную верифицируемость сообщаемого. Чтобы оценивать сделанные утверждения с этой точки зрения и при этом оставаться в границах лингвистической компетенции, нужно определить, какие собственно линг-

вистические свойства соотносятся с понятием «верифицируемость» и делают потенциально возможной проверку на достоверность.

К числу наиболее очевидных свойств этого типа относятся *конкретность* и *наблюдаемость* события, о совершённости которого сообщается в утверждении. Конкретность информации о совершённом лингвистически проявляется в следующем: (а) совершённое описано в той или иной мере, т.е. адресату назван хотя бы тип имевшей место ситуации, сделанного; (б) оно локализовано во времени, т.е. произошло в какой-то момент времени или повторялось какое-то ограниченное число раз (см. лингвистическое понятие «конкретно-референтный контекст»). Под наблюдаемостью имеется в виду сообщение о таком событии, которое может быть зафиксировано в результате внешнего наблюдения, «засвидетельствовано».

Сочетание этих двух свойств позволяет выделить в фактологической информации, т.е. информации, выявленной с помощью вопроса типа *Что Х. сделал плохого?*, следующие основные подтипы, по-разному ведущие себя в отношении верифицируемости:

1. подразумевание существования какого-то факта;
2. описание конкретного потенциально наблюдаемого факта;
3. описание событий внутреннего мира человека («чтение мыслей»);
4. описание сделанного через его юридическую квалификацию (объективированная оценка факта);
5. обобщение конкретного факта («фактоид»).

С **подразумеваемым существованием** факта мы сталкиваемся в оценочных утверждениях, в которых из оценки нельзя вывести, что именно было сделано. Наличие факта либо выступает как условие осмысленности, пресуппозиция (ср.: *Он негодяй*); либо о нем прямо заявляется, но какое-либо описание сделанного отсутствует (ср.: *Он совершил подлость*; *Он мне навредил*). Полная неопианность совершённого делает распространённое утверждение непроверяемым на достоверность.

Сказанное требует некоторого пояснения. Определённый потенциал последующей верифицируемости есть у любой фактологической информации. Так, ответчик, на которого по закону возлагается обя-

занность доказывать «порочащие» утверждения, имеет возможность в суде пояснить и уточнить, какие именно действия он имел в виду, т.е. доопределить совершённое. То есть утверждение «Он сделал нечто», содержащееся в *Он подлец*, может затем конкретизироваться и доказываться в суде. Ср.: *Что именно он сделал? - Он меня обманул*. Однако эксперт имеет дело только с **распространёнными** сведениями, т.е. только с утверждениями, содержащимися в самом спорном тексте. И если в этих утверждениях нет описания совершённого, значит, о распространении утверждений о фактах вряд ли можно говорить. Обязательную фактологическую составляющую в таких случаях можно игнорировать, а сами эти высказывания целиком относить к области мнения.

Во втором типе фактологической информации - **описании конкретного потенциально наблюдаемого факта** - критерии конкретности сообщения о совершённом выполняются. То есть то, что негативно оценивается, описано с большей или меньшей степенью подробности, и речь идет о частном, локализованном во времени событии. Кроме этого, выдерживается критерий наблюдаемости. Его важность можно оценить, сравнив два высказывания (1) *Он сказал, что ...* и (2) *Он решил, что...* Они различаются тем, события какой смысловой сферы в них описываются.

Понятие «смысловая сфера» является одним из центральных в современной лингвистической семантике. Оно используется как базовое, в частности, при описании типов пропозиций. Выделяются три основные смысловые сферы: *физическая сфера*, *внутренний мир* человека (его психика, эмоции, интеллект); *социальная сфера*. Первичной является физическая сфера: «ей принадлежит и человек как существо, и материальные предметы, в том числе и артефакты... Другие же сферы вторичны и существуют постольку, поскольку существует человек...» [5]. Наблюдаемо то, что относится в физической сфере. Остальные две сферы проявляют себя именно через события в физическом мире. Так, о мыслях и чувствах другого лица мы можем догадываться только на основе анализа их внешних проявлений. Поэтому в предложениях типа *Он задумал меня обокрасть*; *Вот тогда-то он меня и возненавидел*; *Он понял, что... и решил...*; *Он жутко разозлился...* излагается наша интерпретация этого поведения, т.е. мнение о чужом внутреннем мире, сделан-

ная на основе фактов мира физического. Она не подлежит проверке в силу принципиальной ненаблюдаемости событий в сфере внутреннего мира человека и представляет собой то, что можно назвать «чтением мыслей». В силу ненаблюдаемости «чтение мыслей», несмотря на присутствие в нем компонента «совершенности», можно целиком относить к области мнения. По той же причине не верифицируемы и утверждения о собственных мыслях и чувствах – отсутствует внешний наблюдатель, который мог бы их зафиксировать и подтвердить.

Итак, содержание утверждений, сообщающих верифицируемые факты, должно быть не только конкретным, но и наблюдаемым, т.е. описывать события и признаки **физической сферы**. Такое содержание передается с помощью пропозиций следующих основных типов: физического состояния (*он был пьян*), физического действия (*он ударил, убил*), физического восприятия (*он видел, слышал*), речи (*он сказал, что*), движения (*он ездил*), физического существования, местоположения, обладания (*он был там, он находился в..., он имеет дачу*). Кроме того, конкретный и наблюдаемый характер может носить информация, передаваемая при «анкетной характеристике» лица. С помощью пропозиций этого типа происходит «приписывание актанту признаков из присущего ему набора» [5]. В число наблюдаемых «анкетных» признаков могут входить как физические, так и социальные, но фиксируемые «физически». Ср.: возраст, пол, семейное положение, рост, профессия, наличие судимости и пр. Наблюдаемость этих признаков осуществляется через фиксацию в соответствующих документах, с помощью которых они могут быть проверены.

Потребность в оценке пропозиций с точки зрения их способности описывать конкретные факты очевидна. Не случайно С.А. Кузнецов, рассматривая проблему мнения и факта, выделяет особую группу «пропозиций факта». Сюда он относит «физические факты (действия, поступки, деятельность конкретных людей, природные процессы с определенным пространственно-временным континуумом), социальные факты (события, ситуации, не зависящие от воли одного человека, случившиеся в определенном пространственно-временном континууме), бытийные факты (утверждения о существовании конкретного объекта с присущими ему физическими качествами), информационные факты (сообщения о ска-

занном, оглашенном, решенном каким-либо определенным физическим или юридическим лицом) и количественные данные о материально-вещественных объектах» [6]. Учет типа пропозиции может облегчить задачу выделения фактов. Так, если речь идет о речевых действиях лица, его местоположении, принадлежности ему имущества, его движении и пр., то отнести сказанное к утверждению о конкретном факте достаточно просто.

Говоря об утверждениях, описывающих совершенное, нужно особо остановиться на случаях, когда описание производится не прямо, а через оценку. Одним из регулярных способов такого имплицитного описания является отнесение лица к определенному поведенческому классу. Все эксперты сталкиваются с проблемой принятия решения по поводу предложений типа (1) *Он вор* и (2) *Он подлец*. Различие между ними заключается в степени конкретности. В случаях *Он вор, коррупционер*, и т.п. совершенное можно считать однозначно описанным – это описание содержится в имени класса: *вор* – ‘тот, кто украл’, *коррупционер* – ‘тот, кто взял взятку, откат’. Вопрос типа *Что он сделал?* здесь обычно избыточен – это и так ясно. Здесь правомерен уточняющий вопрос не о самом типе действия, а об обстоятельствах его совершения (*Что он украл? Какую, у кого он взял взятку?*). Этим данные предложения отличаются от *Он подлец!*, где имеет место только подразумевание наличия какого-то неопisanного действия (см. выше). Описанность и потенциальная наблюдаемость совершенного в случаях типа *Он вор* делает утверждение конкретным и верифицируемым. На этом основании можно говорить о том, что здесь распространяется информация о факте.

Более сложным видом описания совершенного через оценку является его **юридическая квалификация**, не сопровождаемая никаким другим описанием. Имеются в виду случаи типа *Он совершил преступление; Он пользуется своим служебным положением; Он нарушил правила* и т.п. В них, как и в случае *Он подлец; Он сделал глупость*, не сообщается однозначно, что именно сделано. Однако и о полной неопisanности совершенного говорить здесь нельзя. В отличие от этической оценки, юридическая оценка более конкретна. Она отсылает адресата к набору действий, подпадающих под названную юридическую квалификацию. Сам набор нарушений

определен, зафиксирован в юридических документах, т.е. регламентирован и в силу этого «наблюдаем». С ним в большей или меньшей степени знаком адресат. Поэтому при сообщении такой оценки в его сознании активизируются наиболее типичные (прототипические) для данного вида деяний поступки. Можно согласиться с М.А. Осадчим, который считает, что в таких случаях имеет место особый вид оценок – «объективированные». Он определяет их следующим образом: «Объективированная оценка дается в соответствии с какой-либо кодифицированной нормой и на основании кодифицированного регламента» [7].

Смысл описаний совершённого через объективированную оценку можно передать с помощью утверждений типа 'Он совершил нечто, что законом (регламентом) рассматривается как нарушение'. Доказать сказанное можно, установив, действительно ли сделанное подпадает под случаи, описанные в норме. При анализе утверждений типа *Он совершил преступление, Он преступник* очень важно определить, действительно ли речь идет о юридической оценке. Ср: *Ты себя не бережешь - это просто преступление.*

Особый тип фактологического утверждения представляет собой **обобщение конкретного факта/фактов**. Можно говорить о двух основных типах такого обобщения: (а) распространение свойств или действий лица (конкретных лиц) на всю группу; (б) совершенное единожды или ограниченное число раз интерпретируется как неограниченно повторяющееся или всегда потенциально возможное действие. В случае негативной информации оба эти вида обобщения обычно сочетаются, и имеет место общереферентный контекст. Ср.: *Банк обкрадывает своих вкладчиков; Они представляют для нас угрозу; Они убивают наших детей; Все возмущаются (=возмущенно высказываются) их действиями* и т.п.

С.А. Кузнецов называет утверждения, содержащие обобщение фактов, «фактоидами». Предлагаемое противопоставление «факт <> фактоид» представляется с экспертной точки зрения очень полезным. Факт всегда конкретен: «Утверждение о событии как о факте возможно лишь в том случае, если утверждение касается конкретных объектов или количественно ограниченных их совокупностей» [6]; «указание на факт – это всегда указание на частный случай, в котором субъектный и объектный актаны,

как и предикатный признак, конкретны» [6]. В отличие от фактов, «фактоиды лишены конкретности, они всегда содержат в себе эмпирическое обобщение» [6].

Сложность анализа фактоидов заключается в том, что само обобщение – это мнение, но в основе его лежит факт, и он описан. Обобщающие высказывания типа *Они убивают наших детей; Они крадут наши деньги* содержат и утверждение о конкретном, повторявшемся более одного раза поступке: 'кого-то из нас, наших детей они убили, обокрали, и это было не один раз'. Поэтому можно согласиться с С.А. Кузнецовым, который, считая, что фактоиды - разновидность мнения [6], одновременно указывает, что это частично истинные сведения. Ср.: «Частично истинные сведения будем называть фактоидами. Фактоиды содержат как объективные, так и субъективные элементы знания. Они верифицируются косвенно путем выделения той части информации, которая может быть проверена методами наблюдения, измерения или подтверждена экспериментально, и той ее части, которая отражает результаты интерпретирующего обобщения действительности» [6].

Доказать достоверность обобщения невозможно – речь может идти только о его обоснованности. Но проверка на достоверность распространяемого вместе с обобщением утверждения о факте, лежащем в основе обобщения, осуществима. Для этого достаточно задать вопрос типа: *Кто именно сделал названное хотя бы однажды?* Он заставляет говорящего снять актантную и временную неопределенность.

Говоря о способах описания совершённого, нельзя не затронуть проблему переносных употреблений. Если действие описано с помощью лексемы, имеющей переносное значение, приходится устанавливать, в каком значении она употреблена. Это значимо, поскольку переносное употребление указывает на установление отношений подобия между двумя разными классами лиц, ситуаций и пр., т.е. выражения мнения. Определить наличие переноса помогает анализ типа смысловой сферы. Обычно перенос осуществляется из первичной, физической сферы во вторичные, а не наоборот. Вторичность сферы внутреннего мира и социальной сферы проявляется в языке в том, «что наименования в основном предусмотрены для сферы физической, они же используются и для остальных с лексическими показателями

сфер: *психическое воздействие, помутнение ума, социальный лифт*. На симметрии сфер основано и множество метафор» [5]. Ср.: *Он убил во мне веру в справедливость* = 'он совершил нечто, что подобно убийству и т.п. Поскольку факты (если под фактами понимать только верифицируемую информацию) принадлежат сфере физической, они редко обозначаются метафорически. Обычно неоднозначные лексемы реализуют в утверждении о фактах свое прямое значение. Вряд ли можно доказать, что в *Он украл народное добро* имеет место переносное употребление слова *украсть*. Даже если поставить глагол в кавычки (*Он «украсть» народное добро!*), его нужно будет понимать, скорее, как передачу чужих слов, с которыми автор не согласен, чем сравнение ситуаций, так как описывается физическая сфера и акт с соответствующей этой сфере предметной семантикой, а глагол *украсть* принадлежит именно этой сфере (пропозиция физического действия).

Итак, с верифицируемой частью фактологической информации (фактами) мы имеем дело прежде всего в случае утверждений, описывающих конкретные и потенциально наблюдаемые поступки. Утверждения о них также в имплицитном виде содержатся в обобщающих такие поступки высказываниях (см. выше «фактоиды») и высказываниях, дающих юридическую квалификацию совершённого (см. выше «объективированные оценки»). В последнем случае описание факта и способ верификации носят специфический характер и требуют проверки совершённого на вхождение в некий кодифицированный список.

Отсутствие альтернативы

А.Н. Баранов, описывая семантику формы утверждения, отмечает, что за ней стоит определенное коммуникативное намерение: выбирая эту форму, а не форму мнения и его разновидностей, говорящий сообщает, «что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое ...» [3]. То есть форма утверждения (неиспользование показателей мнения) делает субъективную, оценочную информацию более категоричной.

В данном описании выделен очень важный компонент, который можно назвать «сообщением об отсутствии возможной альтернативы». Маркеры мнения всегда формируют о наличии такой альтернативы.

Факты никакой альтернативы не допускают. Однако если верифицируемую по своему типу пропозицию (*он сделал то-то*) вводит показатель мнения, то она сразу становится сообщением о мнении (ср.: *По моему мнению, он пришел сюда только в 8 часов*). В языке существуют не только маркеры возможной альтернативы, но и маркеры ее отсутствия. Их можно назвать «верификаторами», поскольку они указывают на то, что сообщаемая информация имеет истинный, достоверный характер, то есть придают утверждению статус верифицируемого факта. В качестве верификаторов, маркеров истинности выступают обычно лексические средства с семантикой знания. Одни из них используются для специального подтверждения истинности излагаемого, подкрепленности его достоверными фактами. Это прежде всего: (1) уверения в достоверности утверждения, такие как *это правда; это факт; я знаю точно, что* и т.п.; (2) заверения о наличии фактов: *у меня есть факты; я могу это доказать фактами*; (3) ссылка на всеобщее знание: *все знают, всем известно...* Другой тип верификаторов обозначает факт получения знания. Это так называемые фактологические предикаты: *оказалось, выяснилось, что; подтвердилось, обнаружилось, было установлено, доказано, узнал, догадался...; видел, слышал, как ...* и т.п.

Верификаторы несут в своей семантике утверждение о ментальном состоянии «знание». С их помощью говорящий сообщает, что располагает полной и достоверной информацией о фактах. Поэтому сопровождение даже самого субъективного сообщения верификатором означает, что в этом сообщении есть и утверждение о том, что мнение основано на достоверных фактах. Ср.: *Я узнал/оказалось, что он подлец* – 'сообщаю, что такая оценка подтвердилась достоверными фактами, базируется на них'. Утверждение о наличии достоверной и полной информации о совершённом верифицируемо – для доказательства его истинности нужно предъявить «знаемые» факты.

При анализе альтернативности/безальтернативности сообщаемого нужно обратить особое внимание на маркеры логического вывода (*следовательно, отсюда вытекает, можно сделать вывод, это значит, что..., однозначный вывод таков* и т.п.). Они похожи на верификаторы тем, что, на первый взгляд, тоже указывают на безальтернативность. Однако на самом деле само наличие логического вывода показывает

адресату, что полное знание у говорящего отсутствует и недостающие факты он вынужден восполнять путем умозаключений. Поэтому даже при указании на однозначность вывода показатели логического вывода открывают путь для альтернативных утверждений. При появлении новых фактов однозначный логический вывод может быть пересмотрен. В силу этого их относят к сфере мнения. В отличие о верификаторов, вносящих в сообщение утверждение о наличии достоверного факта, показатели логического вывода переводят любое утверждение о факте в субъективную сферу, добавляя в него возможную альтернативу. Ср.: *Он сделал это!* (утверждение о факте); *Я знаю, что он сделал это!* (верифицированное утверждение о факте) и *Я пришел к выводу, что он сделал это!* В последнем случае сообщается не об истинности утверждения «он сделал это», а о его обоснованности имеющимися на момент речи фактами.

Еще один специфический вид показателей альтернативы, который требует специальных замечаний - ссылка на источник распространяемой информации. Ср.: *как пишет...; по словам X.; говорят; по сведениям неустановленных источников; как мне сказал один человек* и т.п. Ввод источника открывает возможность информационной альтернативы и снимает ответственность с говорящего за достоверность сообщаемого. Однако само указание источника тоже является утверждением о факте, который может быть проверен на достоверность. Здесь реализуется пропозиция речевого действия ('они это сказали'), поэтому в случае полной неопределенности типа «говорят» должен доказываться факт «говoreния». Ср.: «При ссылках на слухи, толки, молву, анонимные компетентные или оперативные источники, ответчику необходимо доказать, что слухи действительно имели место, а источники существовали. В противном случае сведения о слухах и источниках подлежат опровержению» [8].

Итак, при анализе утверждений нужно обязательно учитывать, сопровождаются ли они показателями «безальтернативности/альтернативности». Если их сопровождает верификатор или ссылка на источник информации, то даже в субъективных высказываниях, передающих мнение, появляется компонент, подлежащий проверке на достоверность/недостоверность.

«Порочащая» цель сообщения информации

Экспертов не спрашивают обычно о цели сообщения негативной информации, но ее юридическая значимость очевидна. Ср. следующий комментарий к статье 152: «Для определения характера распространенных сведений судье необходимо учитывать цель и жанр публикации, контекст, в котором употреблены оспариваемые слово или фраза» [8].

Какие речевые (коммуникативные) цели могут быть значимы для суда? Исходя из того, что юристы, в отличие от лингвистов, используют термин «порочащая», а не просто «негативная» информация, можно сделать вывод о том, что их интересует в первую очередь сознательное намерение говорящего «умалить» предмет речи, т.е. ухудшить мнение о нем (как с целью последующего наказания, так и простого формирования отрицательного отношения). В обыденном сознании слово «порочить» тесно связано с ситуацией напраслины, необоснованного обвинения, очернения. Однако в юридическом понимании «порочащая информация» не обязательно лживая. Она может быть истинной (приводится, например, ситуация с разглашением информации о наличии у кого-то СПИДа). То есть значима сама выраженная коммуникативная цель сообщения негативной информации – как истинной, так и ложной. Она должна быть направлена на «умаление» чести и достоинства. Наиболее показательны здесь, очевидно, такие речевые цели, как убеждение адресата в том, что предмет речи «плохой», и его обвинение. Это важно учитывать при разграничении, например, критики и «очернения». В первом случае негативная информация - это часть анализа ситуации, направленного на ее осмысление и исправление. Во втором целью является прежде всего формирование негативного отношения к предмету речи.

Важно обратить также внимание на то, что, по мнению некоторых юристов, есть такие жанры, которые вообще исключают оценку негативной информации как порочащей. К их числу относятся обращения в соответствующие органы с просьбой проверки описываемых фактов, если они связаны с защитой человеком своих прав. Ср. следующее высказывание: «Факт обращения в компетентные органы с жалобами, в которых указаны обстоятельства, подлежащие проверке, не может рассматриваться как распространение порочащих сведений,

поскольку действия ответчика направлены на защиту своих прав» [9].

Таким образом, выявляя утверждения о негативных фактах, эксперт-лингвист должен обратить внимание и на коммуникативную цель их сообщения, выраженную в тексте (в том числе через избранный речевой жанр и/или речевой акт). Поскольку вопрос о цели при решении обсуждаемой задачи обычно перед экспертом отдельно не ставится, выраженное речевое намерение автора может анализироваться и характеризоваться в рамках вопроса о характере сообщаемой информации.

Итак, следуя изложенному подходу, сначала из негативного высказывания на основе параметра «совершенность» нужно выделить его фактологическую составляющую, затем с учетом конкретности и наблюдаемости, а также наличия/отсутствия маркеров альтернативности/безальтернативности извлечь из последней утверждения о фактах (верифицируемые утверждения). Далее нужно определить, по возможности, выраженную коммуникативную цель сообщения негативных сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельчиков, Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ*. Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
2. Горбаневский М.В., ред. *Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы*. – М.: Медея, 2004. – 104 с.
3. Баранов А.Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие*. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 592 с.
4. Бринев К.И. *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под редакцией Н.Д. Голева*. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
5. Шмелева Т.В. *Синтаксис. Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. Л.Р. Дускаевой*. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
6. Кузнецов С.А., Олейников С.М. *Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство*. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014. – 312 с.
7. Осадчий М.А. *Русский язык на грани права: функционирование современно-*

го русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 254 с.

8. Абова Т.Е., Кабалкина А.Ю., ред. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации*. В 2 т. Т. 1. Части I, II ГК РФ. Ин-т государства и права РАН. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 926 с.

9. Шулепова Т.И. *Защита деловой репутации*. – [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://m.ekaterinburg.arbitr.ru/node/14364>, свободный. (Дата обращения 20.03.2016).

REFERENCES

1. Bel'chikov, Yu.A., Gorbanevskii M.V., Zharkov I.V. *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoi ekspertizy spornykh tekstov SMI* [Methodical recommendations on questions of linguistic examination of controversial texts of mass media]. Moscow: IPK Informkniaga Publ, 2010. 208 p. (In Russ).
2. Gorbanevskii M.V., red. *Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy* [Instruction concerning purpose of forensic linguistic examination]. Moscow: Medeya Publ., 2004. 104 p. (In Russ).
3. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika: uchebnoe posobie* [Linguistic examination of the text: theory and practice: education guidance]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2013. 592 p. (In Russ).
4. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic examination]. Barnaul: AltGPA Publ., 2009. 252 p. (In Russ).
5. Shmeleva T.V. *Sintaksis. Sovremennyy russkii yazyk: Uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Syntax. Modern Russian: The textbook for higher education institutions. Standard of the third generation]. St. Petersburg: Piter Publ., 2014. 352 p. (In Russ).
6. Kuznetsov S.A., Oleinikov S.M. *Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskie osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo* [Expert researches on cases of recognition of information materials extremist: theoretical bases and methodical management]. Moscow: Izdatel'skii dom V. Ema Publ., 2014. 312 p. (In Russ).
7. Osadchii M.A. *Russkii yazyk na grani prava: funktsionirovanie sovremennogo*

russskogo yazyka v usloviyakh pravovoi reglamentatsii rechi [Russian on the verge of the right: functioning of modern Russian in the conditions of a legal regulation of the speech]. Moscow: LIBROKOM Publ, 2013. 254 p. (In Russ).

8. Abova T.E., Kabalkina A.Yu., editors. *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. T. 1. Chasti I, II GK RF. In-t gosudarstva i prava RAN* [The comment to the Civil code of the Russian Federation. Vol. 1. Parts I, II of the Civil Code of the Russian Federation. Institution of the state and rights of

the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Yurait Publ., 2011. 926 p. (In Russ).

9. Shulepova T.I. *Zashchita delovoi reputatsii* [Protection of business reputation]. Available at: <http://m.ekaterinburg.arbitr.ru/node/14364>. (Accessed 20.03.2016). (In Russ).

Сведения об авторе:

Кукушкина Ольга Владимировна

- доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Тел: 8 (495)-939-31-78; e-mail: kukush@orc.ru

М.В. Кроз, Н.А. Ратинова

ФГКОУ высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», Москва, Россия, 123022

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В статье рассмотрены история и современное состояние исследований содержания и направленности спорных (экстремистских) материалов в рамках судебной экспертизы. Обсуждаются лингвистический, психологический, социогуманитарный подходы, а также вопросы производства комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы. Описаны разработки и методические рекомендации по производству экспертных исследований, предложенные специалистами Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, государственных экспертных учреждений – Российского федерального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Российской Федерации, Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел России, экспертных подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также представителей научного сообщества. Обсуждаются предложенные ведомственными специалистами типовые методики (лингвистическая и психолого-лингвистическая) для экспертной оценки проявлений экстремизма, глубина их проработки, а также проблема унификации методических средств в этой области.

Ключевые слова: *лингвистическая экспертиза, психологическая экспертиза, социогуманитарная экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, экстремистские материалы, типовая методика экспертной оценки.*

M.V. Kroz, N.A. Ratinoва

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, 123022

HISTORY AND CURRENT STATE OF FORENSIC ANALYSIS OF EXTREMIST MATERIALS

The paper looks at the history and current state of forensic analysis of the content and intentionality of contentious (extremist) materials. It discusses different approaches based in linguistics, psychology, and social sciences/humanities, as well as issues relating to integrated forensic psycholinguistic analysis. Techniques and methodological recommendations described in the paper were developed by the experts of the Research Institute for Law and Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, various national forensic organizations, such as the Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, forensic divisions of the Federal Security Service of the Russian Federation, and members of the scientific community. Generic methodologies (linguistic and psycholinguistic) proposed by government agency specialists for the forensic evaluation of extremism manifestations are discussed, including the level of methodological sophistication, and the problem of methodological harmonization in this field of forensics.

Keywords: *linguistic analysis, psychological evaluation, analysis from the social sciences/humanities perspective, integrated psycholinguistic analysis, extremist materials, generic methodology of forensic analysis.*

Проблема использования специальных познаний в рамках экспертной оценки спорных материалов¹ в нашей стране имеет короткую историю и длинную предысторию. Так, норма об ответственности за нарушение национального равноправия впервые появилась в Уголовном кодексе РСФСР еще в 1922 году. Долгое время она была «спящей», не применялась, но при этом претерпела множество редакций². Лишь в начале 90-х гг. XX века появились первые уголовные дела о разжигании в обществе национальной, расовой или религиозной вражды. Поскольку именно текст и невербальные компоненты обнародованных материалов являются главным предметом исследования и основным источником доказательств по делам рассматриваемой категории, определение смыслового содержания материала, его враждебной направленности является необходимым условием юридической оценки деяния как противоправного. В связи с этим возникла острая потребность в использовании специальных познаний для анализа смысловой направленности подобных материалов, необходимых для судебно-экспертной оценки материалов, сеющих вражду и ненависть в обществе.

Первые методические разработки в этой области появились примерно на рубеже веков³. Активизации исследований в данной сфере способствовало принятие в июле 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Как следствие этого, правоохранительные органы стали уделять все большее внимание борьбе с различными проявлениями криминального экстремизма. В эти годы сформировались основные научные подходы к проблеме экспертного сопровождения расследования таких преступлений. Результаты и выводы судебных экспертиз по таким спорным материалам сразу начали выступать (и являются по настоящее время) одним из важнейших доказательств по делам данной категории.

Социогуманитарная экспертиза. Данная концепция экспертной оценки возбуждения вражды была предложена группой ученых, преимущественно сотрудников Санкт-Петербургского НИИ «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН». Наиболее развернуто ее базовые положения были изложены в работе основателя подхода – Н.М. Гиренко [3]. Однако ни в этой, ни в последующих публикациях [4] не были четко сформулированы ни предмет, ни объект, ни методы этого вида экспертиз, не указано, специалисты из каких именно областей научного знания правомочны проводить подобные исследования. Недостаточная проработка методологических основ социогуманитарной экспертизы⁴, послужила причиной ее слабого распространения на практике.

Психолингвистическая (психологическая) экспертиза. Впервые понятие судебной психолингвистической экспертизы было сформулировано В.И. Батовым в 1974 году [5]. Известный отечественный ученый А.А. Леонтьев одним из первых на рубеже веков предложил при изучении спорных материалов проводить психолингвистическую экспертизу (как разновидность психологической) [6, 7]. В последующих публикациях некоторые авторы называют психолингвистическую экспертизу психологической [8]. В большей части работ, посвященных методике такой экспертизы, подчеркивался ее комплексный характер (психолого-лингвистическая). После публикации постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» большинство исследователей, поддерживающих идею о необходимости психолингвистического исследования спорных материалов, также согласились с тем, что здесь необходима комплексная экспертиза с участием как психологов, так и лингвистов.

Лингвистическая экспертиза. Первые публикации по проблеме лингвистической экспертизы экстремистских материалов появились в начале XXI века. Значительный вклад в развитие исследований по данной тематике в эти годы внесла Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Основное внимание в работах исследователей

¹ Под спорными материалами (текстами) здесь и далее понимаются материалы, направляемые правоприменителями на экспертизу для решения вопроса о том, содержат ли они специальные признаки, свидетельствующие об экстремистской направленности.

² Об истории развития данной нормы в отечественном законодательстве см.: [1; 2, с. 32 – 36].

³ Исключение составляет подход, разработанный в органах прокуратуры, который обсуждается отдельно.

⁴ Анализ основных положений данного подхода представлен в нашей работе: [2, с. 192-196, 219-221].

уделялось правовым аспектам производства лингвистических экспертиз спорных материалов, истолкованию соответствующих норм законодательства, приводилось значительное количество текстов проведенных экспертиз [9-12]. Вместе с тем собственно методика лингвистического анализа вербального экстремизма в публикациях практически не обсуждалась.

В последующие годы появились многочисленные методические разработки, в которых раскрывались уже содержательные вопросы лингвистического анализа спорных материалов [13-17]. В настоящее время ведущая роль лингвистических экспертиз определена в называвшемся ранее постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации, и подобные исследования (однородные либо комплексные) наиболее часто назначаются для оценки содержания и направленности спорных материалов.

Помимо независимых ученых, как правило, членов академического, университетского сообщества, проблему судебно-экспертной оценки спорных материалов решали и представители ведомственной науки – специалисты правоохранительных органов. Исторически сложилось так, что ранее всех, еще с конца 80-х – начала 90-х годов разработка методологии такой оценки осуществлялась в системе прокуратуры России. Исследования, проведенные в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации группой специалистов – юристов и психологов во главе с А.Р. Ратиновым, были обобщены и в сжатом виде изложены в методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.12.1995 № 7/4-1-1557/95 «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия». После принятия в 1996 году нового Уголовного кодекса Российской Федерации эти рекомендации были переработаны и дополнены [18].

В методических рекомендациях впервые были проанализированы основные понятия, используемые в соответствующих нормах уголовного закона; сформулирована система психологических признаков возбуждения в обществе национальной, расовой и религиозной вражды и ненависти;

определено, что при установлении противоправности деяния центральным звеном выступает выявление смысловой направленности спорных текстов.

В последующих работах развивались и уточнялись отдельные положения методики, в том числе с учетом изменений законодательства [2, 19-21]. При этом значительное внимание было уделено анализу психологических приемов, используемых авторами экстремистских материалов для усиления эффекта воздействия на аудиторию (читателей, слушателей, зрителей).

В экспертных учреждениях правоохранительных органов и Министерства юстиции Российской Федерации разработка методик анализа спорных материалов проводилась уже после принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Соответствующие методические рекомендации были подготовлены после 2005 года.

В Российском федеральном центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции Российской Федерации разработан и используется на практике в его подразделениях в регионах *методика комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму* [22, 23]. В соответствии с ней объектом такой экспертизы выступает «текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (его автора)». При этом текст рассматривается как «единица деятельности его автора», он представляет собой «сообщение, имеющее свое содержание, цель и адресата». Предметом экспертизы являются «фактические данные об особенностях текста (материала), имеющие значение для дела, ... которые устанавливаются путем исследования объектов экспертизы с помощью применения лингвистических и психологических знаний» [23, с. 14].

В связи с тем, что порождение сообщения по своей природе представляет собой комплексную деятельность, имеющую собственно языковой (лингвистический) и психологический компоненты, экспертиза также должна носить комплексный характер. При этом разграничение профессиональной компетенции специалистов осуществляется следующим образом: «*филолог-лингвист* устанавливает, что конкретно сказано (показано), какой компонент значения выражен и каким образом; *психолог*, на

основе описания сказанного (показанного), верифицированного лингвистом, устанавливает направленность материала с точки зрения формируемых у адресата социальных установок» [23, с. 17]. Данная методика используется также в ГБУ города Москвы «Московский Исследовательский Центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы.

В системе экспертных учреждений ФСБ Российской Федерации применяется целый комплекс оригинальных методик, предназначенных для экспертной оценки различных видов «вербального» экстремизма и терроризма, ориентированных на решение частных задач судебно-экспертного исследования спорных материалов. В зависимости от конкретной задачи одни методики предполагают лишь лингвистическую оценку (например, «Методические рекомендации по классификации и анализу побудительных высказываний в текстах на русском языке»), другие – комплексное психолого-лингвистическое исследование (например, «Методические рекомендации по проведению психолингвистических исследований текстов экстремистской направленности с целью выявления способов речевого воздействия и их воздейственно-го потенциала»).

В Экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел России разработана и утверждена типовая методика лингвистической экспертизы [24, 25], предназначенная для «исследования письменного или устного текста в целях решения вопросов смыслового понимания». Она позволяет выявлять в текстах языковые признаки, характерные для преступлений экстремистской направленности (призывы, побуждения к экстремистским действиям и др.). Разработчики полагают, что для установления направленности спорных текстов достаточно лишь лингвистического исследования, участие в нем представителей иных наук, в частности психологов, нецелесообразно. Обоснование такого подхода состоит в том, что, по их мнению, объектом исследования эксперта-психолога выступает не текст, а личность человека. Подобное утверждение является ошибочным, поскольку объект психологического исследования (в том числе в рамках судебной экспертизы) в науке понимается значительно шире, в его качестве рассматривается психика человека, а также различные продукты

его деятельности, в том числе созданные им документы, тексты [26, с. 236].

Сходной точки зрения на лингвистическую экспертизу как необходимую и достаточную для анализа спорных материалов придерживаются и представители Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, некоторые другие исследователи [15, с.12-16, 80-81].

Таким образом, к настоящему времени сложились два основных научных подхода к проблеме экспертной оценки спорных материалов. Сторонники одного (в том числе специалисты МВД Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, ряд ученых-лингвистов) полагают, что для установления направленности таких материалов достаточно лишь лингвистической экспертизы. Иную позицию занимают представители Минюста Российской Федерации, ФСБ Российской Федерации, считающие, что здесь необходима комплексная оценка в рамках психолого-лингвистической экспертизы.

Авторы данной статьи полагают, что именно второй подход является более обоснованным. Поскольку человеческая речь (как устная, так и письменная), а также ее невербальные компоненты являются продуктами психической деятельности субъекта, ее анализ должен включать как лингвистический, так и психологический аспекты. Комплексное исследование, проводимое экспертами, относящимися к двум самостоятельным научным направлениям – психологии и лингвистике, каждый из которых в процессе совместной работы использует понятийный аппарат, методы и критерии оценки, разработанные в рамках собственной специальности, способно дать правоприменителю всестороннюю, наиболее обоснованную и объективную информацию об исследуемом объекте.

В особенности это относится к материалам, сочетающим в себе текстовые и графические компоненты либо вообще представляющим собой графическое изображение (рисунок, фотографию коллаж), либо видеоряд с музыкальным сопровождением (без текстового компонента). Практика показывает, что в этих случаях возможности однородной лингвистической экспертизы, ориентированной в первую очередь на анализ речевых высказываний, оказываются недостаточными. При изучении подобных информационных материалов крайне

важно взаимодействие специалистов, взаимодополнение и взаимопроверка выводов, сделанных на основе лингвистического и психологического анализа.

В рамках каждого подхода представителями ведомств, а также другими учеными разработано значительное количество частных методик экспертной оценки, существенно отличающихся друг от друга. В результате исследования одного и того же спорного материала, проведенные с помощью разных методик, часто завершаются прямо противоположными результатами и выводами. Неоднократно данные таких исследований предъявлялись в суде сторонами обвинения и защиты, что влекло назначение повторных экспертиз, увеличение сроков предварительного расследования и судебного разбирательства. Использование множества конкурирующих методик, базирующихся на разных теоретических подходах, существенно затрудняет возможность сравнения полученных на их основе данных, дезориентирует правоприменителей.

В сложившейся ситуации руководство правоохранительных органов приняло решение о разработке типовых межведомственных методик экспертного исследования материалов экстремистской направленности. С этой целью была создана рабочая группа из представителей экспертных подразделений ведомств, подготовившая в 2015 году две типовые методики. Представители прокуратуры в их разработке участия не принимали, поэтому в настоящей статье представлен «взгляд со стороны» коллег, искренне заинтересованных в результатах этой работы.

Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма была утверждена лишь представителями части ведомств. Ее объектом выступают любые материалы, фиксирующие речевую, коммуникативную деятельность человека, – сообщение, в звуковой и/или визуальной форме, размещенное в любом информационном пространстве, в том числе сети Интернет, извлеченное из него и зафиксированное на различных материальных носителях. Предмет экспертизы – смысл сообщения, имеющий значение для дела, то есть фактические данные об особенностях текста (материала), которые устанавливаются путем исследования объектов экспер-

тизы с использованием лингвистических и психологических знаний.

Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности была утверждена представителями всех ведомств. В соответствии с основными положениями данной методики, объектом экспертизы выступают «сообщения, имеющие звучную и/или визуальную форму (с обязательной словесной составляющей на русском языке, а также совокупность словесной и невербальной информации), размещенные в любом информационном пространстве. Предмет экспертизы – смысл сообщения, имеющий значение для правовой квалификации правонарушения, связанного с проявлением экстремизма, то есть установление фактических данных об особенностях текста (материала) путем их исследования с помощью применения лингвистических знаний».

Анализ содержания обеих межведомственных методик показывает, что в них приводятся лишь наиболее общие положения методологического плана. Так, в обеих отсутствует такой важнейший элемент любой судебно-экспертной методики, как перечень типовых вопросов, рекомендуемых для постановки перед экспертами. Списки подобных вопросов содержатся в частных методиках. При этом отдельные перечни содержательно существенно различаются. Именно в частных методиках раскрываются и конкретные методы, алгоритмы, приемы и способы работы экспертов соответствующих специальностей, которые также значительно разнятся. Таким образом, задача создания единых универсальных методик была решена лишь формально, на практике все эксперты, в том числе и представители правоохранительных органов по-прежнему применяют различные частные методики.

Возникает резонный вопрос: а так ли необходима полная унификация методов и методик экспертной оценки спорных материалов? Безусловно, наличие единой методики, базирующейся на общих теоретических подходах и методологических принципах, разделяемых научным и экспертным сообществом, четко описывающей алгоритм действий специалиста при решении различных экспертных задач, оговаривающей особые случаи и т.д., как уже отмечалось, обеспечивает сравнимость и проверяемость результатов исследований, проведенных разными специалистами на

одном и том же материале, то есть *верифицируемость* получаемых данных. Вместе с тем следует отметить, что унификация методик – отнюдь не панацея. Более того, использование одной и той же методики, декларируемое разными исследователями при работе с одним и тем же материалом, далеко не всегда приводит на практике к одинаковым выводам экспертизы. Так, например, в статье Д. Дубровского [27, с. 219 – 223] подробно описан случай с уголовным делом, возбужденным в отношении блогера М. Ефимова, опубликовавшего в сети Интернет материал «Карелия устала от попов». В его рамках проводилось девять (!) судебных экспертиз, по сути, одной фразы. Эксперты-лингвисты, указывавшие, что они используют методику ГЛЭДИС, приходили к прямо противоположным выводам о том, как оценивать словосочетание «православное отродье» в контексте целостного сообщения: относилось ли оно ко всем православным христианам или только к чиновникам Русской православной церкви в Республике Карелия, о которых собственно и шла речь в исследуемом материале.

Анализ широкого спектра теоретических и методических подходов к оценке спорных материалов показывает, что значительный разброс мнений среди ученых, представителей ведомств, существенные различия во взглядах на проблему экспертной оценки материалов с признаками экстремизма не позволяют прогнозировать успешность создания единой общепризнанной универсальной методики экспертизы в близком будущем. Ее подготовка возможна лишь при достаточно высоком уровне теоретических разработок, в том числе междисциплинарных, развитой экспертной практике, в которой проверяются, сопоставляются различные подходы, апробируются теоретические модели, при тесном взаимодействии специалистов различных наук при решении общей задачи. Представляется, что необходимый уровень научных исследований в этой области пока еще не достигнут. Сейчас же необходимо продолжать развивать теорию в данной области, искать пути конвергенции различных подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волженкин Б.В. *Из истории становления ст. 74* // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. – М.: Мемориал, 1993. С. 29-30.

2. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. *Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика* / под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005. – 256 с.

3. Гиренко Н.М. *Социогуманитарная экспертиза как источник доказательственной информации* // Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н. и др. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2002. – С. 86-91.

4. Коршунова О.Н., Винников А.Я., Гиренко Н.М., Серова Е.Б., Узунова В.Г. *Социогуманитарная экспертиза преступлений на почве ненависти*. – СПб.: Норма, 2005. – 118 с.

5. Батов В.И. *О судебной психолого-лингвистической экспертизе* // Вопросы судебной психологической экспертизы. – М., 1974. – С. 33-35.

6. *Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации*. Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М.: Смысл, 2003. – 85 с.

7. *Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики* / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 229 с.

8. Южанинова А.Л. *Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма* // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. 2008. – № 3 (15). – С. 43-50.

9. *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации* / под ред. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424 с.

10. *Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара*. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2 / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2003. – 328 с.

11. *Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?* Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006. – 112 с.

12. Галяшина Е.И. *Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам* / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.
13. Баранов А.Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика*. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2011. – 592 с.
14. Бринев К.И. *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография* / под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул: 2009. – 252 с.
15. Кузнецов С.А., Оленников С.М. *Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и практическое руководство* (научно-практическое издание). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014. – 312 с.
16. Осадчий М.А. *Правовой самоконтроль оратора*. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 316 с.
17. Подкатилина М.Л. *Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография* / под ред. Галяшиной Е.И. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
18. *Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды*. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29.06.1999 № 27-19-99.
19. *Ответственность за криминальные проявления экстремизма*. Методические рекомендации. – М: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, 2002. – 38 с.
20. Кроз М.В., Ратинова Н.А. *Участие психолога в прокурорских проверках и расследовании преступлений о возбуждении национальной, расовой, религиозной, социальной вражды*. Научно-методическое пособие. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, 2006. – 104 с.
21. Андрианов М.С. *Использование специальных познаний для определения смысловой направленности невербальных (изобразительных) коммуникативных средств*. Научно-практическое пособие. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, 2006. – 136 с.
22. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. *Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму*. – М.: ФБУ РФЦСЭ, 2011. – 331 с.
23. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. *Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму*. – М.: ФБУ РФЦСЭ, 2014. – 98 с.
24. Гримайло Е.А., Назарова Т.В., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В. *Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации* / под редакцией В.Ф. Статкуса. – М.: ОМУ ЭКЦ МВД России, 2008. – 80 с.
25. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В. *Лингвистическое исследование устных и письменных текстов* // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. I / под ред. Ю.М. Дильдина. Общая редакция В.В. Мартынова. – М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 243-292.
26. *Юридическая психология: учебник* / под науч. ред. О.Д. Ситковской. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 472 с.
27. Дубровский Д. *Проблемы специальной экспертизы в рамках антиэкстремистского законодательства* // Россия – не Украина: современные акценты национализма: сб. статей / сост.: А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2014. С. 207-228.

REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. Iz istorii stanovleniya st. 74. [From history of formation of article No 74]. *Problema otvetstvennosti za razzhiganie mezhnatsional'noi rozni*. [Problem of responsibility for incitement of ethnic strife]. Moscow: Memorial Publ., 1993. pp. 29-30 (In Russ).
2. Ratinov A.R., Kroz M.V., Ratinova N.A. *Otvetsvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti. Psikhologo-pravovaya kharakteristika* [Responsibility for incitement of hostility and hatred. Psychological and legal characteristic]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2005. 256 p. (In Russ).
3. Girenko N.M. Sotsiogumanitarnaya ekspertiza kak istochnik dokazatel'svennoi informatsii. *Metodika rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh na pochve natsional'noi ili rasovoi vrazhdy ili nenavisti* [Socio-humanistic examination as source of evidentiary information. In: A technique of investigation of the crimes committed because of national or racial hatred]. St. Petersburg, 2002. pp. 86-91 (In Russ).

4. Korshunova O.N., Vinnikov A.Ya., Girenko N.M., Serova E.B., Uzunova V.G. *Sotsiogumanitarnaya ekspertiza prestuplenii na pochve nenavisti* [Socio-humanistic examination of crimes on hatred grounds]. St. Petersburg: Norma Publ., 2005. 118 p. (In Russ).
5. Batov V.I. O sudebnoi psikhologolingvisticheskoi ekspertize. *Voprosy sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy*. [About forensic psychological linguistic examination. In: Questions of forensic psychological examination]. Moscow, 1974. pp. 33-35. (In Russ).
6. *Psikholingvisticheskaya ekspertiza ksenofobii v sredstvakh massovoi informatsii. Metodicheskie rekomendatsii dlya rabotnikov pravookhranitel'nykh organov* [Psycholinguistic examination of xenophobia in mass media. Methodical recommendations for employees of law enforcement agencies]. Moscow: Smysl Publ., 2003. 85 p. (In Russ.).
7. Leont'ev A.A., D.A. Leont'ev, editors. *Skrytoe emotsional'noe sodержanie tekstov SMI i metody ego ob"ektivnoi diagnostiki* [Hidden emotional contents of texts of mass media and methods of its objective diagnostics]. Moscow: Smysl, 2004. 229 p. (In Russ.).
8. Yuzhaninova A.L. *Voprosy metodiki sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy verbal'nogo ekstremizma* [Questions of a technique of forensic psychological examination of verbal extremism]. *Sudebnaya ekspertiza*. 2008. No 3 (15). pp. 43-50. (In Russ.).
9. Gorbanevskii M.V., editor. *Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii* [Word price: From practice of linguistic examinations of texts of mass media in legal procedures on protection of honor, advantage and business reputation]. Moscow: Galeriya Publ., 2002, 424 p. (In Russ).
10. Gorbanevskii M.V., editor. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh: Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminara. Moskva, 7-8 dekabrya 2002 g. Chast' 2* [The theory and practice of the linguistic analysis of texts of mass media in forensic examinations and information disputes: Proc. of a scientific and practical seminar. Moscow, December 7-8, 2002. Part 2]. Moscow: Galeriya Publ., 2003. 328 p. (In Russ.).
11. Gorbanevskii M.V., editor. *Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudei, yuristov SMI, advokатов, prokurorov, sledovatelei, doznavatelei i ekspertov* [How to carry out linguistic expertize of the controversial text? An instruction for judges, lawyers of mass media, lawyers, prosecutors, investigators and experts]. 2-d edition. Moscow: Yuridicheskii Mir Publ., 2006. 112 p. (In Russ.).
12. Galyashina E.I. *Lingvistika vs ekstremizma: V pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam* [Linguistics vs extremism: For help to judges, investigators, experts]. Moscow: Yuridicheskii Mir, 2006. 96 p. (In Russ.).
13. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovy i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical bases and practice]. 3d edition. Moscow: FLINTA, Nauka Publ., 2011. 592 p. (In Russ).
14. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: monografiya* [Theoretical linguistics and judicial linguistic examination: monograph]. Barnaul: 2009. 252 p. (In Russ.).
15. Kuznetsov S.A., Olennikov S.M. *Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskie osnovaniya i prakticheskoe rukovodstvo* [Expert researches on cases of recognition of information materials extremist: theoretical bases and practice guidance]. 2nd edition. Moscow: V. Ema Publ., 2014. 312 p. (In Russ).
16. Osadchii M.A. *Pravovoi samokontrol' oratora* [Legal self-checking of the speaker]. Moscow: Al'pina Biznes Buks Publ., 2007. 316 p. (In Russ).
17. Podkatilina M.L. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov: monografiya* [Forensic linguistic examination of extremist materials: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 184 p. (In Russ).
18. *Ob ispol'zovanii spetsial'nykh poznanii po delam i materialam o vzbuzhdenii natsional'noi, rasovoi ili religioznoi vrazhdy. Metodicheskie rekomendatsii General'noi prokuratury RF ot 29.06.1999 No 27-19-99*. [About use of special knowledge on affairs and materials about initiation of race, racial or religious strife. Methodical recommendations of the Prosecutor General's Office of RF from 29.06.1999 No. 27-19-99] (In Russ).

19. *Otvetstvennost' za kriminal'nye proyavleniya ekstremizma. Metodicheskie rekomendatsii* [Responsibility for criminal manifestations of extremism. Methodical recommendations]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noi prokurature RF, 2002. 38 p. (In Russ).

20. Kroz M.V., Ratinova N.A. *Uchastie psikhologa v prokurorskikh proverkah i rassledovanii prestuplenii o vzbuzhdenii natsional'noi, rasovoi, religioznoi, sotsial'noi vrazhdy. Nauchno-metodicheskoe posobie* [Participation of the psychologist in public prosecutor's checks and investigation of crimes about initiation of race, racial, religious, social hatred. Scientific and methodical textbook]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noi prokurature Rossiiskoi Federatsii, 2006. 104 p. (In Russ).

21. Andrianov M.S. *Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii dlya opredeleniya smyslovoi napravlenosti neverbal'nykh (izobrazitel'nykh) kommunikativnykh sredstv. Nauchno-prakticheskoe posobie* [Use of special knowledge for determination of a semantic orientation of nonverbal (graphic) communicative means. Scientific and practical textbook]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noi prokurature RF, 2006. 136 p. (In Russ).

22. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoretical and methodical bases of forensic psychological-linguistic examination of texts on the affairs connected with counteraction to extremism]. Moscow: FBU RFTsSE, 2011. 331 p. (In Russ.).

23. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya kompleksnoi sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu* [Method of carrying out complex forensic psychological-linguistic examination of the affairs connected with counteraction

to extremism and terrorism]. Moscow: FBU RFTsSE, 2014. 98 p. (In Russ).

24. Grimailo E.A., Nazarova T.V., Mamaev N.Yu., Korshikov A.P., Rostovskaya A.V. *Tipovaya metodika sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy: Metodicheskie rekomendatsii* [Method of carrying out complex judicial psychological-linguistic examination of the affairs connected with counteraction to extremism and terrorism]. Moscow: OМУ EKTs MVD Rossii, 2008. 80 p. (In Russ).

25. Nazarova T.V., Grimailo E.A., Mamaev N.Yu., Korshikov A.P., Rostovskaya A.V. *Lingvisticheskoe issledovanie ustnykh i pis'mennykh tekstov. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv: Ch. I* [Linguistic research of oral and written texts. In: Standard expert techniques of research of material evidences: Part. 1]. Moscow: INTERKRIM-PRESS, 2010. pp. 243-292. (In Russ.).

26. Sitkovskaya O.D., editor. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik* [Legal psychology: textbook]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2011. 472 p. (In Russ).

27. Dubrovskii D. *Problemy spetsial'noi ekspertizy v ramkakh antiextremistskogo zakonodatel'stva. Rossiya – ne Ukraina: sovremennyye aktsenty natsionalizma: sb. statei* [Problems of special examination within the anti-extremism legislation. In: Russia is not Ukraine: modern accents of nationalism: collection of articles]. Moscow: Tsentri Sova, 2014. pp. 207-228. (In Russ).

Сведения об авторах:

Кроз Михаил Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации; тел.: 8 (917)-514-50-69; e-mail: m.kroz@mail.ru

Ратинова Наталия Александровна – кандидат психологических наук, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации; тел.: 8 (916)-926-57-76; e-mail: ratinova.n@yandex.ru

Диссертации по
проблемам судебной
экспертизы

Микляева О.В.

ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы»
при Минюсте России, Москва, Россия, 109028

ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сведения о защищенных кандидатских диссертациях по проблемам судебной экспертизы и криминалистики.

Ключевые слова: *диссертация, судебная экспертиза, криминалистика*

O. Miklyaeva

Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, 109028

DISSERTATIONS ON THE PROBLEMS OF FORENSIC SCIENCE

Overview of recently defended PhD dissertations on the problems of forensic science and criminalistics.

Keywords: *dissertation, forensic science, criminalistics.*

19 февраля 2015 года на базе ФГКОУ ВПО «Академия управления МВД России» состоялась защита кандидатской диссертации **Бариновой Ольги Александровны** на тему **«Криминалистические исследования реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма: теоретические и прикладные аспекты»** по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор **Моисеева Т.Ф.**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент ФГКОУ ВПО «Владимирский юридический институт ФСИН России», профессор кафедры уголовно-процессуального права **Лазарева**

Л.В. и кандидат юридических наук ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы **Ефименко А.В.**

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана».

Соискатель имеет 13 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. *Баринова О.А.* Анализ практики применения криминалистических методов при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов / Н.Н. Шведова, О.А. Баринова // Судебная экс-

пертиза. – 2012. – № 1(29). – С.59-67 (0,4 п.л.), соавторство не разделено.

2. *Баринова О.А.* Содержание понятия «материалы документов» в судебной экспертизе документов / О.А. Баринова // Судебная экспертиза. - 2013. – № 3 (35). – С.98-105 (0,32 п.л.).

3. *Баринова О.А.* Доказательственное значение выводов экспертов по результатам исследований реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма / О.А. Баринова, А.Ф. Купин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1 (28). – С.75-80 (0,47 п.л.), соавторство не разделено.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие его научную и практическую значимость:

1. Уточненная автором классификация современных материалов письма, которая дополнена следующими их характеристиками: способом подачи красящего вещества в рабочем (пишущем) узле устройства, контактирующего с подложкой документа, агрегатным состоянием красящих веществ материалов письма, их способности к копированию при увлажнении адсорбента водой и органическими растворителями, возможностью отражения/пропускания ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, люминесцентным свойствам, характером взаимодействия красящего вещества с подложкой.

2. Выявленные автором криминалистически значимые свойства современных материалов письма, позволяющие определять приоритетные методы решения криминалистических задач в целях установления фактов и обстоятельств создания и использования документов. Установлено, что свойства некоторых традиционных материалов письма (паст шариковых ручек, чернил для перьевых ручек) существенно видоизменились, а это оказывает влияние на достоверность результатов криминалистических исследований реквизитов документов. Среди новых материалов письма имеются красящие вещества, обладающие сходными свойствами (характер распределения на подложке, цвет и блеск, рельеф, способность к отражению ИК-лучей, возможность копирования красящего вещества на воду и органические растворители), что обуславливает необходимость выработки методических подходов к их дифференциации.

3. Обоснование возможности установления вида современных материалов письма на основе анализа их признаков по

алгоритму, который реализован в специализированном программном обеспечении, разработанном диссертантом. Интерфейс предлагаемой программы построен по диалоговому принципу, позволяющему пользователю решать поставленную задачу посредством последовательной выборки криминалистически значимых свойств исследуемого объекта с последующим формированием достоверного вывода.

4. Сформированная автором система факторов, влияющих на возможность решения задач криминалистического исследования реквизитов документов, выполненных современными материалами письма, среди которых: условия хранения документа, компонентный состав красящего вещества, которым нанесены штрихи, его агрегатное состояние, особенности устройства пишущего узла, свойства подложки. Данные факторы в совокупности оказывают влияние на такие характеристики материалов письма, как цвет, вязкость, блеск, особенности распределения на подложке, рельеф штрихов, а также на ряд других важных для криминалистического исследования свойств. Выявлены наиболее существенные факторы, влияющие на интерпретирование результатов криминалистического исследования пересекающихся реквизитов документов, выполненных современными материалами письма: степень окрашенности штрихов и их ширина, интервал времени между нанесением исследуемых штрихов, квалификация специалиста по применению комплекса методов исследования.

5. Разработанный автором алгоритм действий эксперта для дифференциации красящих веществ, близких по цвету и качественному составу компонентов по спектральным характеристикам, и программное обеспечение для компьютерного спектрального анализа окрашенных зон штрихов с установлением коэффициента корреляции, их колориметрических характеристик с последующим формулированием вывода о сходстве либо различии исследуемых объектов по избранным параметрам.

6. Авторские предложения по совершенствованию методики криминалистического исследования реквизитов документов, выполненных современными материалами письма, за счет применения уровневого принципа решения экспертных задач, суть которого заключается в последовательном использовании экспертами различных специальностей либо экспер-

том, обладающим специальными познаниями из различных областей наук, комплекса неразрушающих и разрушающих методов исследования. На первом уровне изучаются признаки внешнего строения штрихов, их люминесцентные свойства, способность отражать или пропускать лучи невидимого диапазона спектра в рамках технико-криминалистического исследования документов. На втором уровне устанавливается качественный и количественный компонентный состав материалов письма, которыми выполнены реквизиты документов, в рамках криминалистического исследования материалов, веществ и изделий. Полученный комплекс криминалистически значимой информации об изучаемом объекте на этих уровнях сопоставляется со сравнительным материалом (представленными для исследования образцами, либо со справочными сведениями, содержащимися в натуральных коллекциях или банках данных). Результаты сравнения оцениваются на предмет их достаточности для обоснования вывода. На третьем уровне исследования устанавливаются признаки, индивидуализирующие объект, которым они нанесены.

7. Предложения автора о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство и, соответственно, в нормативную правовую базу, регламентирующую судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации. Обосновано введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьи 202.1. «Использование объектов натуральных коллекций для получения образцов для сравнительного исследования» следующего содержания: «1. Эксперт вправе использовать объекты, взятые из натуральных коллекций, имеющихся в подразделении, в качестве сравнительных образцов или моделей при проведении модельных экспериментов. 2. Сведения о применении образцов, взятых из натуральных коллекций, эксперт отражает в своем заключении». Обосновано дополнение п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, связанное с запретом эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, следующим положением: «...за исключением случаев, предусмотренных ст. 202.1 настоящего Кодекса».

8. Рекомендации автора по организации, формированию и использованию справочно-информационных фондов о свойствах современных материалов документов. Определена структура таких фон-

дов, состоящая из натуральных коллекций образцов материалов документов и автоматизированных справочно-вспомогательных учетов данной категории объектов криминалистического исследования. В качестве технического решения рекомендуется использование платформы универсальной информационно-поисковой системы «Портрет-Поиск», возможности которой позволяют собирать, хранить и использовать информацию о криминалистически значимых свойствах различных материалов документов в целях дальнейшего информационного обеспечения процесса решения задач. Предлагается порядок действий специалиста по использованию названной системы в решении диагностических и классификационных задач криминалистического исследования реквизитов документов, выполненных современными материалами письма.

24 сентября 2014 года в ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» состоялась защита кандидатской диссертации **Баяндорж Цолмон на тему «Информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности в Монголии»** по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Майлис Н.П.**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по организационно-методической работе ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» **Омельянюк Г.Г.** и кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры управления органами расследования преступлений ФГКОУ ВПО «Академия управления МВД России» **Цховребова И.А.**

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «**Тульский государственный университет**».

Соискатель имеет 8 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. **Цолмон Б.** Становление и общие тенденции развития судебно-экспертных учреждений в Монголии» // Судебная экс-

пертиза. — Волгоград: ВА МВД России, 2012. – №2 (30). – С.132-136.

2. Цолмон Б. О проблемах систематизации экспертных понятий и терминов судебно-экспертной деятельности в Монголии // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 5. Ч. П. Юридические науки. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. – С.141-149.

3. Цолмон Б. Сравнительный анализ законодательства России и Монголии, регламентирующего информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №6. – С.145-148.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие его научную и практическую значимость:

1. Авторские определения следующих понятий:

а) судебно-экспертная информация – любая зафиксированная на материальных носителях информация, которая в силу присутствия ей качественных свойств и признаков обладает способностью преобразовываться в сведения и данные, имеющая значение для решения задач информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности (СЭД) в целом;

б) информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности – научно-организованный, системно-развивающийся и целенаправленный процесс формирования и функционирования информационных систем, предназначенных для сбора, обработки и выдачи субъектам необходимой информации, а также оценки состояния и развития судебно-экспертной деятельности в целом;

в) субъекты информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности – это физические или юридические лица, которые в силу общности решаемых задач и наделенных им прав и обязанностей, выступают в качестве обладателя, пользователя и обслуживающего персонала в процессе осуществления информационных процессов, связанных со сбором, обработкой, передачей и обменом судебно-экспертной информацией, необходимой для решения задач судебно-экспертной деятельности.

2. Предложения по совершенствованию законодательства в сфере осуществления информационного обеспечения СЭД в Монголии, в частности:

а) об изменении названия Закона Монголии «О судебной экспертизе», изложив его в следующей редакции: «Закон о судебно-экспертной деятельности в Монголии»;

б) о дополнении ст. 6 («Определение основных юридических терминов») Закона Монголии «О судебной экспертизе» следующими понятиями: «судебно-экспертная информация»; «информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности»; «субъект информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности»;

в) об изложении п. 1 статьи 40 Закона Монголии «О судебной экспертизе» в следующей редакции: «При центральном аппарате государственного судебно-экспертного учреждения функционирует единая и централизованная база данных судебно-экспертной деятельности в масштабах страны»;

г) о дополнении Закона Монголии «О судебной экспертизе» отдельными нормами, направленными на регулирование отношений, возникающих в процессе осуществления следующих видов деятельности: информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности; организации и производства судебной экспертизы с привлечением иностранного специалиста; международного сотрудничества по обмену криминалистически значимой информацией; по обеспечению социальных гарантий и защиты судебных экспертов и специалистов-криминалистов.

3. Рекомендации по совершенствованию понятийно-терминологического аппарата судебной экспертизы применительно к судебно-экспертной деятельности в Монголии. Результатом этих рекомендаций является разработка «Русско-монгольского толкового словаря основных терминов судбно-трасологической экспертизы».

4. Предложения по совершенствованию системы и структуры судебно-экспертных учреждений Монголии, в частности, о необходимости формирования и включения в структуру Национального института судебной экспертизы Монголии отдельной службы, отвечающей за осуществление информационного обеспечения СЭД и создания условий для функционирования единой информационной системы при Национальном институте судебной экспертизы Минюста Монголии.

5. Предложения по совершенствованию организации и повышению эффектив-

ности информационного обеспечения СЭД в Монголии, направленные на формирование целостного механизма, отвечающего за деятельность по обеспечению экспертной информации и созданию единого информационного пространства судебно-экспертной деятельности в Монголии.

6. Рекомендации по дополнению криминалистических учетов следами обуви, колес автотранспортных средств и ног животных.

7. Предложения по совершенствованию международного сотрудничества в области обмена криминалистически значимой информацией между Россией и Монголией.

09 октября 2014 года на базе ФГКОУ ВПО «Академия управления МВД России» состоялась защита кандидатской диссертации **Бурвикова Никиты Викторовича** на тему «**Системные построения в судебной экспертизе**» по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор **Толстухина Т.В.**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», директор Института судебных экспертиз **Россинская Е.Р.** и кандидат юридических наук, доцент АНО ВПОА «Международный университет в Москве», доцент юридического факультета **Шамонова Т.Н.**

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет им. И.Канта».

Соискатель имеет 12 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. *Бурвиков Н.В.* Проблемы дефиниции объекта экспертного исследования как фактора классификации судебных экспертиз // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 1. Ч. II. Юридические науки. – Тула; Изд-тво ТулГУ, 2012. – С.163-168. (0,4 п. л.).

2. *Бурвиков Н.В.* Понятие, сущность и значение философского подхода классификационных построений в криминалистической и судебно-экспертных науках // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 2. Ч. II. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – С.136-141. (0,3 п. л.).

3. *Бурвиков Н.В.* К вопросу о классификации задач судебной экспертизы // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 4. Ч. II. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. – С.151-156. (0,3 п. л.).

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие его научную и практическую значимость:

1. Авторское определение термина «классификация судебных экспертиз — это интеграционное системное построение, представляющее собой целостное понятийное образование, каждый из элементов которого находится в неразрывных, взаимопределяющих связях между собой» для использования при разработке теоретических положений и в практической судебно-экспертной деятельности.

2. Авторская позиция о том, что общепринятое системное построение, именуемое в теории и практике судебной экспертизы классификацией, состоящее из 12 классов, не относится к классификации, а представляет собой только группирование, т.к. построена по нескольким основаниям (специальные знания, предмет, объект). Данная позиция основана на общепринятых научных требованиях, предъявляемых к системным построениям.

3. Авторское предложение по использованию объекта экспертного исследования в качестве основания классификации судебных экспертиз. Только объект исследования в судебной экспертизе, по мнению автора, является определяющим структурным образованием, требующим интеграционного подхода. Именно объект экспертизы должен рассматриваться в качестве основополагающей категории, служащей базисом и основанием для деления всех экспертиз на классы, роды и виды, поскольку именно он является первичным.

4. Авторская разработка классификации судебных экспертиз по объекту исследования. В предложенной классификации автором выделено 9 классов судебных экспертиз:

- 1 Класс «Судебная экспертиза человека и его следов»;

- 2 Класс «Судебная экспертиза животных, их следов и продуктов их переработки»;

- 3 Класс «Судебная экспертиза природных объектов окружающей среды»;

- 4 Класс «Судебная экспертиза документов»;

- 5 Класс «Судебная экспертиза инженерно-технических объектов»;
- 6 Класс «Судебная экспертиза одежды, обуви и сопутствующих объектов»;
- 7 Класс «Судебная экспертиза произведений искусства и ювелирных изделий»;
- 8 Класс «Судебная экспертиза парфюмерно-косметических объектов и объектов бытовой химии»;
- 9 Класс «Судебная экспертиза объектов недвижимости».

5. Предложенная автором разработка классификации задач судебной экспертизы на идентификационные, диагностические, классификационные. Обоснование вывода о возможности использования задач судебной экспертизы в качестве основания при построении классификации судебных экспертиз на уровне их подвидов.

6. Рекомендации по использованию предлагаемой классификации при подготовке судебно-экспертных кадров и повышении квалификации действующих экспертов. Также автором предложен единый межведомственный классификатор судебных экспертиз и экспертных специальностей, который может быть использован как в практической экспертной деятельности, так и при подготовке судебно-экспертных кадров.

Сведения об авторе:

Микляева Ольга Васильевна - кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; тел.: 8 (495)-917-01-43; e-mail: o.miklyaeva@sudexpert.ru

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

Перечень документов и материалов, представляемых в РФЦСЭ при Минюсте России для публикации в журнале:

1. Сопроводительное письмо организации, учреждения
2. Сведения об авторах
3. Авторский оригинал статьи
4. Электронная версия авторского оригинала

1. ТРЕБОВАНИЯ К СОПРОВОДИТЕЛЬНОМУ ПИСЬМУ ОРГАНИЗАЦИИ, УЧРЕЖДЕНИЯ

Сопроводительное письмо оформляется с просьбой о публикации указанной конкретной статьи конкретного автора, подписывается в установленном в этой организации порядке. Если авторы из разных организаций, сопроводительное письмо может быть направлено от любой организации, где работает один из авторов.

2. ТРЕБОВАНИЯ К СВЕДЕНИЯМ ОБ АВТОРАХ

Сведения об авторах подписываются каждым автором и включают следующие данные:

- имя, отчество и фамилия автора;
- ученое звание, ученая степень;
- должность и область профессиональных интересов;
- место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта, с почтовым адресом и телефоном);
- телефон;
- адрес;
- e-mail.

3. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ СТАТЬИ

3.1. Общие требования

В редакцию представляются два экземпляра авторского оригинала, распечатанного на одной стороне писчей бумаги формата А4 и один экземпляр авторского оригинала на электронном носителе.

3.2. Требования к текстовой части авторского оригинала

Текстовая часть должна включать:

- титульный лист статьи (указывается название статьи, фамилия, имя, отчество автора (авторов); должность, ученая степень, ученое звание);
- основной текст статьи с заголовками, таблицами, формулами и т. п.;
- тексты справочного характера и дополнительные тексты (указатели, комментарии, примечания, приложения);
- библиографические списки (ссылки), которые даются в порядке упоминания в тексте;
- аннотацию, ключевые слова (на русском и на английском языках);
- подрисуночные подписи.

Текст авторского оригинала должен быть набран с соблюдением следующих условий:

- текстовый редактор Microsoft Word
- шрифт Times New Roman
- кегль 14
- межстрочный интервал: 1,5

Подстрочные комментарии и замечания допускаются.

Объем текста до 10 страниц.

Таблицы обозначаются арабскими цифрами. Формулы набираются с использованием встроенного редактора формул MS Word.

Ссылки на библиографические источники оформляются в виде пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1 ГЗ –200 «Библиографическая запись», ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке», ГОСТ 7.80–2000. «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.82–2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления».

Текстовая информация предоставляется на диске в формате RTF.

3.3. Требования к иллюстрациям

Требования к авторским оригиналам иллюстраций:

Иллюстрации должны быть пронумерованы в последовательности, соответствующей упоминанию их в тексте и номерами привязаны к подрисуночным подписям.

Обозначения, термины, позиции, размеры и пр. на иллюстрациях должны соответствовать упоминаниям их в тексте и подрисуночных подписях.

Иллюстрации в обязательном порядке представляются также на электронном носителе.

Каждая иллюстрация должна быть представлена в виде отдельного файла в форматах .jpg, .tif с разрешением ≥ 600 dpi.

Если авторские права на иллюстрацию не принадлежат автору статьи или организации, которая представляет статью, вместе с иллюстрацией должно быть представлено разрешение на публикацию от владельца данных прав.

Присылая статью в редакцию для публикации, авторы выражают согласие с тем, что:

- статья может быть размещена в Интернете;
- авторский гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: уч. изд. л.
Сдано в набор:
Подписано в печать: 8.06.2016
Тираж 200 экз.